

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ**

ГОУ ВПО ЛНР «ЛУГАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО» (Г. ЛУГАНСК)

ФОНД «РУССКИЙ МИР»

ФГБОУ ВПО «РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. С.А. ЕСЕНИНА» (Г. РЯЗАНЬ)

ГОУ ВПО ДНР «ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» (Г. ДОНЕЦК)

**ГО ВПО «ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЭКОНОМИКИ И ТОРГОВЛИ
ИМЕНИ МИХАИЛА ТУГАН-БАРАНОВСКОГО» (Г. ДОНЕЦК)**

**ГОУ ВПО «ДОНЕЦКАЯ АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ГЛАВЕ ДОНЕЦКОЙ
НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ» (Г. ДОНЕЦК)**

**ФГБОУ УВО «ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(Г. ВОЛГОГРАД)**

ФГБОУ УВО «КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Х.М. БЕРБЕКОВА» (Г. НАЛЬЧИК)

РУССКИЙ МИР И СУДЬБЫ СЛАВЯНСТВА В XXI ВЕКЕ

**Материалы Международного интеграционного форума
г. Луганск, 6–8 ноября 2019 г.**

УДК304(470+571)(06)

ББК60.524.224я43

Р89

Рецензенты:

- Ткачева Е.А.** – декан филологического факультета ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко», кандидат педагогических наук, доцент;
- Нередкова С.С.** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой славянской филологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля»;
- Леоненко А.С.** – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского».

Русский мир и судьбы славянства в XXI веке : материалы Международного интеграционного форума (6–8 ноября 2019 г.) – Луганск : Книта, 2019 . – 200 с.
Р89

Сборник статей по результатам работы Международного интеграционного форума, посвященный вопросам исторических и современных судеб славянских народов в контексте геополитических процессов, содержит оригинальные материалы представителей органов государственной власти, общественных организаций, средств массовой информации, ученых, преподавателей, работников и обучающихся научных и образовательных учреждений.

Предназначен для ученых, исследователей, педагогов, общественных деятелей, аспирантов, магистрантов, студентов, и всех, кто интересуется историей и культурой России, ее взаимодействием со славянскими странами.

Под редакцией коллектива авторов

*Печатается по решению Научной комиссии
Луганского национального университета имени Тараса Шевченко
(протокол № 2 от 15.10.2019 года)*

УДК304(470+571)(06)

ББК60.524.224я43

©Коллектив авторов, 2019

© ГОУ ВПО ЛНР «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2019

РУССКИЙ МИР И СУДЬБЫ СЛАВЯНСТВА В XXI ВЕКЕ

**Материалы Международного интеграционного форума
г. Луганск, 6–8 ноября 2019 г.**

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово ректора ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» Трегубенко Е.Н.....	6
Воронова О.Е. Информационные войны против России и Русского мира в контексте геополитических реалий современности.....	7

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН, ТАРАС ШЕВЧЕНКО, ВЛАДИМИР ДАЛЬ И СЛАВЯНСКОЕ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЕ НАСЛЕДИЕ

Аулов А.М. «Золотое правило морали» в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (к постановке проблемы).....	15
Белоусова Е.В. Поэтический мир Сергея Есенина.....	19
Дудка А.В. Традиции русской классики в романе А. Иванова «Географ глобус пропил»....	22
Зайцева Е.В. Образ России в творчестве В.В. Набокова.....	26
Ильин С.А. К.Н. Леонтьев в «Русской идее» Н.А. Бердяева.....	30
Колесник Т.И. Восприятие поэзии С. Есенина в немецкоязычном литературном пространстве.....	33
Колесникова А.Ю. Эмоционально-смысловые доминанты в творчестве О. Лупия.....	37
Котомцев Д.О. Диалог славянских литератур в романе-антологии М. Павича «Бумажный театр».....	41
Молодцов А.Б. Образ революции в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго».....	45
Овчинников Ф.В. Своеобразие символики в изображении гражданской войны в романе М. Шолохова «Тихий Дон».....	49
Селютина Е.В. От сотрудничества к интеграции: из опыта работы Общественной организации «Луганская АССУЛ».....	53
Сорокина Г.А., Фоменко В.Г. Творчество Т.Г. Шевченко в условиях цензуры.....	57
Талалаева О.Г. Тема патриотизма в творчестве С. Есенина и Г. Лорки.....	60
Трушин А.С. Сергей Есенин – участник Первой мировой войны.....	64
Турбина М.А. «Я русский человек»: картина мира в творчестве В.И. Даля.....	69
Хатнюк А.В. Духовные поиски и эстетика в творчестве С.А. Есенина.....	73

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В СВЕТЕ ТРАДИЦИЙ СЛАВЯНСКОГО МИРА

Борисов В.И. Специфика духовных ценностей «Русского мира» (на примере Донецкой и Луганской Народных Республик).....	76
Гаврыш О.В. Деятельность Владимира Великого и Ярослава Мудрого по открытию первых государственных школ в Древней Руси.....	81
Зинченко В.О. Патриотизм как аксиологическая основа становления современного специалиста.....	85
Кирмач Г.А. Духовно-нравственное воспитание как мировоззренческая и педагогическая проблема.....	89
Кондратенко А.П. Аксиологический подход к решению проблем профессионально-личностного развития студентов.....	93
Роман С.В. Аксиологический аспект развития школьного химического образования в условиях ценностного дисбаланса общества.....	97
Свентицкая Н.В. Межкультурная коммуникация в современном гуманитарном знании.....	101
Сорокина Г.А., Малькова М.А. Аксиологический подход как методологический инструмент профессионального саморазвития преподавателя высшей школы.....	105

Сущенко О.Г. Аксиологический подход в профессиональной подготовке будущих педагогов начального образования.....	109
Турянская О.Ф. Смыслы прошлого как средство формирования аксиологического сознания молодежи.....	113
Якименко Л.Н. Помощь Политического Красного Креста советским заключенным в первой трети XX века на примере Надежды Суровцовой.....	118

РОЛЬ НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ СЛАВЯНСКИХ ГОСУДАРСТВ

Анпилогова Т.Ю. Поликультурный Донбасс как центр пересечения судеб творческой интеллигенции первой половины XX века.....	124
Королева Г.И. Новые вызовы и возможности для республик Донбасса в условиях гражданской войны (2014–2019 гг.).....	128
Кузин В.И. Будущность ДНР и ЛНР в рамках стратегического курса России.....	133
Кулида С.С. Суверенитет как способ сохранения этнической самоидентификации народа.....	139
Михайловская О.Г. Роль институтов гражданского общества в развитии народной дипломатии.....	143
Опренко Л.С. Идея русского мира как фактор формирования национального самосознания.....	147
Чепига Г.Г. Первая концепция истории Новороссии (к вопросу о научном наследии А. Скальковского).....	149

СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ СЕГОДНЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Васильева Е.Ю. Вербализация концепта «смерть» в русских загадках.....	154
Грицкова Н.В., Горюнова Т.Н. Нравственный потенциал русских, французских и японских сказок: сравнительный аспект.....	157
Дубинина В.А. Гендерные особенности современной социальной рекламы.....	160
Зайцева А.В. Место творческого наследия Ольги Петровны Косач в историческом контексте славянских литератур.....	163
Луценко И.В. Трансформация фразеологизмов в заголовках российских СМИ.....	166
Мельничук А.И. Агрессивные коммуникативные стратегии политического дискурса с использованием спортивной метафоры (на материале ток-шоу «60 минут»).....	170
Пономарёва Т.А. «Лингвоцентризм» как доминантное свойство концептосферы Иосифа Бродского.....	173
Скляр Н.В., Безверхая И.В. Лингвостилистические особенности русской и немецкой сказки: сопоставительный аспект.....	177
Соболева И.А. «Храни, мой друг, родную речь, чтоб на земле себя сберечь» (о содержании понятия «родной язык» в современной социолингвистике).....	181
Соснина Л.В. К вопросу о словообразовательной мотивации.....	185
Теркулов В.И. Региолект: к проблеме определения.....	189
Шкуран О.В. Адъектив «сакральный» в метаязыке лингвистики.....	194

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНОГО ИНТЕГРАЦИОННОГО ФОРУМА

«Русский мир и судьбы славянства в XXI веке»

ректора ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко» Трегубенко Елены Николаевны

Уважаемые участники и гости форума, коллеги!

Сердечно приветствую вас по случаю открытия международного интеграционного форума «Русский мир и судьбы славянства в XXI веке» и благодарю за внимание, оказанное этому событию. Проведение в Луганске такого значимого объединяющего мероприятия не случайно, а продиктовано необходимостью осмысления судеб славянских народов в контексте современных политических и социокультурных процессов. Исторические события, вызванные геополитическими проблемами, с особой остротой ощущаются здесь, на луганской земле. В складывающихся мировых тенденциях глобализации актуализирована проблема сохранения идентичности и уникальности славян, осмысления их роли, как в истории, так и в современных политических процессах. В условиях информационного давления, оказываемого, в том числе, и СМИ, нужен

консолидирующий фактор, которым, несомненно, является Русский мир. И мы с гордостью осознаем себя его частью.

Проведением интеграционного форума мы надеемся внести свой вклад во взаимодействие соотечественников. Его насыщенная программа даст возможность участникам на профессиональном уровне обсудить проблемы общественно-политического, социально-экономического и гуманитарного развития славянских государств, уделить особое внимание вопросам, связанным со славянским культурно-языковым наследием, а также пристально изучить аспекты образовательно-просветительской и информационной политики в сфере формирования идеалов и ценностей Русского мира, призванного объединить братские народы.

Желаю всем участникам плодотворной и конструктивной дискуссии. Уверена, что этот международный форум пройдет в творческом, деловом ключе, будет содействовать укреплению связей между славянскими народами и государствами, а рекомендации найдут воплощение на практике.

Ректор
ГОУ ВПО ЛНР
«Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко»
д. пед.н., профессор, академик
Международной академии
наук педагогического образования

Е.Н. Трегубенко

УДК 32.019.5:316.77:СМИ (470+571) – 029:32

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ ПРОТИВ РОССИИ И РУССКОГО МИРА В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Воронова О.Е.,

д-р. филол. н., профессор

Рязанского государственного университета

имени С.А. Есенина,

член Общественной палаты Российской Федерации

г. Рязань

Аннотация: в статье рассматриваются новые глобальные угрозы информационному пространству России и Русского мира.

Ключевые слова: глобальные угрозы, информационное пространство, Русский мир.

Abstract: the article discusses new global threats to the information space of Russia and the Russian world.

Keywords: global threats, information space, Russian world.

Своеобразие современной геополитической ситуации состоит в том, что противоборство между различными центрами сил приобрело в наше время особый, информационный характер. При этом выяснилось, что последствия информационных войн могут быть такими же разрушительными и глобальными, как и последствия обычных войн. Именно в результате поражения в информационной войне было разрушено такое могучее государство, как СССР. Вместе с Советским Союзом были разгромлены и вытеснены с передовых позиций коммунистическая идеология, мировая система социализма. Возникновение Интернета еще более усилило эффективность информационных войн. С его появлением исчезли информационные барьеры между государствами и противоборствующие информационные силы получили возможность беспрепятственно вторгаться на чужие территории, завладевать сознанием населения страны-противника, подрывая ее изнутри, и тем самым решать свои стратегические задачи. Поэтому аналитики сходятся во мнении, что в современных условиях «информационная война есть основное средство современной мировой политики, доминирующий способ достижения духовной, политической и экономической власти»¹. Что же такое информационные войны?

Информационная война – это система целенаправленных действий, предпринятых для достижения информационного превосходства над информационными системами противника при одновременной защите собственного информационного пространства.

Понятие «информационная война» возникло в последней четверти XX в. К числу авторов этого понятия относят канадского ученого Герберта Маршалла Маклюэна (1911–1980), американского медиааналитика Томаса Рона, подготовившего в 1976 г. для компании «Боинг» отчет «Системы оружия и информационная война», ведущего китайского теоретика информационной войны Шэн Вэйгуана, американских военных теоретиков Г. Экклза, Г. Саммерза и др. В 1995 г. Национальным институтом обороны США был опубликован труд видного военного аналитика Мартина Либицки, в котором были обозначены семь типов информационных войн (командно-управленческая, разведывательная, электронная, кибервойна и др.). Среди этих разновидностей особенно выделяется такой тип информационной войны, основу которой составляют «операции против национальной воли», нацеленные на «снижение иммунитета нации, деформации ее ценностей и традиционных установок»².

Впервые технологии информационной войны были применены в военных целях в ходе проведения операции НАТО «Буря в пустыне» в Ираке (1991 г.). В активный политический лексикон термин «информационная война» вошел в начале 1990-х годов в документах министерства обороны США. В дальнейшем из этого понятия выделились информационно-технологический и информационно-психологический аспекты. Термин «информационно-психологическая война» приобрел самостоятельный статус как вид информационного противоборства, основанный на скрытном проникновении в сферу сознания противника с целью замены присущей ему информационной картины мира на выгодную противоположной стороне.

Информационно-психологическая война в современных условиях острой геополитической конкуренции, глобализации политических и экономических процессов, экспансии международного терроризма является важнейшим инструментом достижения политических целей.

Информационно-психологические войны имеют следующие отличия от традиционных войн:

- отсутствие линии фронта;
- объект воздействия – не армия, не материальные объекты противника, а общественное сознание;
- театр военных действий разворачивается не на земле, в небе или на море, а в информационном пространстве;
- средством решения стратегических и тактических задач является особый вид оружия – информационное оружие.

На первый взгляд в информационно-психологической войне наличествуют две стороны: субъект и объект воздействия. Однако не менее значимой является «третья» сторона, которая может оставаться до определенного момента нейтральной, но в результате осуществленной в отношении нее информационной стратегии может склонить «чашу весов» в пользу одной из противоборствующих сторон. Это касается как сферы внешней политики государства в ходе отстаивания им геополитических интересов, так и внутренней (например, во время избирательных кампаний, в борьбе за власть различных политических сил).

Информационные войны могут вестись как в военное, так и в мирное время. И в том, и в другом случае они имеют свою специфику. Если в мирное время главным объектом воздействия является гражданское население, то в условиях боевых действий «главным направлением удара» становится личный состав вооруженных сил противника и система управления армией; в отношении гражданского населения осуществляется своя стратегия деморализации и подавления национальной воли к сопротивлению агрессору. Анализ показывает, что именно в мирное время информационные войны приобретают наиболее изощренный характер, поскольку позволяют решать многие задачи геополитического характера без вооруженного вмешательства.

Поэтому эксперты говорят, если можно так выразиться, о «преимуществах» информационных войн перед традиционными. Они состоят в следующем:

1) последствия их не менее разрушительны для страны-мишени вплоть до дестабилизации систем управления страной, разрушения государственности, реформирования сознания населения, добровольного подчинения политической элиты победившей стороне, получения контроля над территорией и ресурсами побежденной страны;

2) у информационных войн нет барьеров в виде государственных границ, они трансграничны, их воздействие может распространяться на неограниченные расстояния и в течение длительного времени;

3) информационная война экономична, ибо не требует затрат на вооружение, обмундирование, техническое оснащение, продовольственное обеспечение огромных армий, их перемещение;

4) информационная война бескровна, так как осуществляется без единого выстрела, без человеческих жертв и разрушений (кровавыми могут стать ее последствия – в результате достигнутой хаотизации системы управления страны-мишени, «заражения» ее вирусами межэтнической и межконфессиональной напряженности, подрыва доверия населения к власти, приводящего к массовым волнениям и беспорядкам);

5) информационная война не предполагает введения вооруженных сил на территорию страны-противника, а следовательно, исключает боевые потери для инициатора войны, сохраняя тем самым морально-психологическую стабильность в рядах армии и гражданского населения собственной страны;

6) в информационной войне используется особый тип «вооружений» – информационное оружие, которое, в отличие от традиционных видов оружия, а тем более химического, бактериологического, ядерного, геофизического, не наносит ущерба окружающей среде, что также выгодно стране-агрессору;

7) информационные войны имеют скрытный характер, могут решать любые геополитические задачи в любой точке планеты, не требуя официального объявления войны, скрывая намерения и лица истинных ее инициаторов из среды политической, военной и бизнес-элиты;

8) информационные войны – это «бои без правил»; технологии ведения информационных войн не регулируются никакими правовыми нормами, что предоставляет их организаторам и участникам большую свободу действий.

Особая социальная опасность информационных войн заключается в правовом вакууме, обеспечивающем безнаказанность их инициаторов, так как юридического определения этого понятия, его регламентации нет как в национальных, так и в международных правовых системах. Отсутствие видимых, «материальных» следов осуществленной агрессии, маскировка ее инициаторов, сокрытие до известного момента их истинных намерений, возможность осуществления экспансии «под чужим флагом» не позволяют выявить истинный источник угрозы и привлечь агрессора к уголовной или политической ответственности, распространить на него нормы международного права.

В то же время эффективность информационных войн, соизмеримость результатов информационно-пропагандистского воздействия с опасностью последствий обычной войны признаются всеми военными аналитиками. Это предвидел еще бывший президент США Джими Картер, утверждавший: «Один доллар, вложенный в пропаганду, более эффективен, чем 10 долларов, потраченных на вооружение»³. С развитием глобализационных процессов экспансионистский характер информационных войн усиливается, информационно-психологическое противоборство становится инструментом глобальных трансформаций, способным влиять на геополитическую структуру мира, менять мировой порядок и соотношение политических сил: «Информационно-психологическая борьба субъектов геополитической конкуренции становится определяющим фактором в формировании геополитического баланса сил конкурирующих геополитических образований, вносит новые закономерности в формирование новых (и разрушение прежних) геополитических центров силы, полюсов, геополитических союзов и коалиций»⁴.

Главные задачи информационной войны:

1) переформатирование общественного сознания страны-противника на ценностные установки, выгодные инициатору информационного воздействия;

2) убеждение мирового сообщества в том, что данная страна является носителем «абсолютного зла»;

3) создание иллюзии мирового единства в борьбе с этим «абсолютным злом» с целью его окончательной изоляции от международного сообщества (как это было во времена правления в США Рональда Рейгана, объявившего Советский Союз «империей зла») и «отчуж-

дение страны-противника от близлежащих государств и диаспор по всему миру»⁵ (подобные попытки в отношении России «коллективный Запад» предпринимает сейчас).

Какую же цель преследуют мировые «заказчики» и «исполнители» информационных войн?

Академик РАН, советник Президента РФ по экономическим вопросам С. Ю. Глазьев отвечает на этот вопрос так: «Расчет делается на поражение общественного сознания противника, дестабилизацию его внутреннего состояния, подкуп продуктивной элиты, разрушение институтов государственной власти и свержение легитимного руководства с последующей передачей власти марионеточному правительству, функции которого сводятся к обслуживанию интересов американского капитала. Именно таким образом США захватили контроль над Северной Африкой, Ираком, Афганистаном, Югославией, Грузией, а теперь – и над Украиной»⁶.

Результатом насаждения «демократии по-американски» стал целый ряд антидемократических шагов во внутренней политике еще недавно близкой нам, братской по духу и истории страны. Одной из таких мер стала дискриминация русского языка, на котором, по данным Международного института Гэллапа на 2014 г., предпочитали общаться 84% жителей Украины⁷, причем в повседневной практике использовали русский язык граждане Украины, проживающие не только на юго-востоке, но и в центральных и западных ее областях, а среди них и политики, и бизнесмены, и представители интеллигенции. С тем чтобы окончательно вытеснить русское языковое сознание, украинским властям придется воспользоваться «репрессивными методами или формированием тотальной информационной среды, в которой русскому языку места не будет»⁸.

О том, что на Украине идет тотальная зачистка русской языковой среды в СМИ, свидетельствуют многие факты. Так, 2 апреля 2015 г. Президент Украины П. Порошенко подписал Закон «О внесении изменений в некоторые законы Украины относительно защиты информационного телерадиопространства Украины», который налагает запрет на демонстрацию российских фильмов, содержащих популяризацию, агитацию, пропаганду любых действий российских правоохранительных органов, вооруженных сил. Вследствие принятия этого закона с экранов исчез, естественно, и героический образ советского воина-освободителя, спасавшего Украину от фашистских захватчиков.

Более того, другой украинский закон предусматривает уголовное преследование за отрицание того, что бандеровцы боролись с Россией за свободу Украины. Законодательно запрещены также советская и российская символика, а Россия официально объявлена вооруженным агрессором. Полным ходом идет «война памятников». В прессе постоянно звучат агрессивные призывы: «убить Русский мир», «регулярно очищать свое жизненное пространство от русни». В украинских СМИ, как отмечает известный российский политолог, цитирующий данный украинский сайт, «Русский мир характеризуется как “мир дураков, предателей и подлецов”»⁹. Эксперты относят информационно-психологические войны к войнам нового, неклассического типа. При этом «под неклассической войной понимаются войны, в которых объектом поражения служит сознание индивида и общества во всех своих формах и структурах с использованием нефизического насилия и соответствующих типов оружия» и которые ведутся «иррегулярным непрямым способом во всех сферах жизнедеятельности общества»¹⁰.

Информационные войны современные исследователи относят и к типу асимметричных войн¹¹. Информационные войны в современных условиях могут принимать разные обличья. Так, по мнению экспертов, «на Украине идет война менталитетов и война языков. Донецкая и Луганская народные республики ведут войну за русский язык, за русский ментальный мир под названием Новороссия»¹². Тем самым к разновидностям информационной войны можно отнести «ментальные» войны, в ходе которых идет борьба за умы, мировоззренческие и

ценностные установки, имеющая своей целью изменение индивидуального и массового сознания, и «языковые» войны, в основе которых лежит борьба за сохранение национальной идентичности и право на защиту национального культурно-языкового наследия.

Известный политолог Андрей Фурсов излагает в своих работах концепцию «психоисторической войны», которую Запад ведет в СМИ против России, в первую очередь против державообразующего русского народа. Автор дает следующее определение: «Психоисторическая война – это комплекс систематических, целенаправленных и долгосрочных действий, цель которых – установление контроля над психосферой общества-мишени, прежде всего над психосферой его властной и интеллектуальной элиты с последующим стиранием атакуемой психосферы и замещением ее своей»¹³.

А. Фурсов выстраивает трехуровневую модель войны психоисторического типа, которую, на наш взгляд, можно распространить на информационно-психологическую войну в целом: «Основные уровни ведения психоисторической войны — информационный, концептуальный, метафизический (смысловой). На информационном (на наш взгляд, более точным является термин “фактологическом” – О.В.) – простейшем – уровне происходит искажение фактов; концептуальный уровень – это интерпретация и пакетирование информации (фактов, которые в случае ложной интерпретации превращаются в фальшфакты, определенным образом навязывающие объекту воздействия выгодное субъекту видение); метафизический (смысловой) уровень – это высший пилотаж психоисторической войны, здесь происходит главное: уничтожение смыслов, характерных для объекта воздействия (“мишени”) и подмена их чужими с целью лишить “мишень” ее метафизики и воли к сопротивлению»¹⁴.

Психоисторические войны тесно смыкаются с другим типом информационных войн, а именно с «войнами памяти», цель которых – разрушить национальный ценностный базис страны-противника. Созданные в настоящее время в ряде восточноевропейских государств институты национальной памяти (Польша, Украина, Словакия и др.) ставят своей целью тотальную ревизию событий и итогов Второй мировой войны, абсолютно безосновательно и злонамеренно обвиняя Россию в равной с Третьим Рейхом исторической ответственности за ее развязывание и требуя чуть ли не второго Нюрнбергского процесса за некие «преступления советских военнослужащих на оккупированных ими территориях». «Войны памяти», как показывают события Новейшего времени, исключительно взрывоопасны. Они становятся неизбежным компонентом «холодных», «гибридных» и в конечном итоге «горячих» войн и вооруженных конфликтов. Характерно, что «войны памяти», в которых осуществляется ревизия совместного прошлого восточноевропейских государств, ведутся в том числе на чужих площадках: в Западной Европе или США. Свидетельством тому является проблематика научного семинара «Война памяти: культурная динамика в России, Польше и на Украине», который состоялся в Кембридже, в Кингс-колледже, 4–5 июня 2010 г. Обсудив задачи «медийного конструирования национальной идентичности и самоопределения по отношению к советскому прошлому» и его «новой интерпретации, создающей разрыв с его принятыми культурными трактовками», участники семинара пришли к выводу о необходимости более активного перенесения дискуссий во Всемирную сеть: «Пользователи в России и в Украине составляют чрезвычайно активную, политизированную среду. Блоги, форумы, сети, как и сайты, посвященные историческому прошлому, стали важными местами для обсуждения травматического опыта советской и постсоветской истории»¹⁵.

До реального «травматического опыта» Евромайдана оставалось еще четыре года, а информационно-идеологическая «артподготовка» к этому событию велась уже основательно. Особенно печально то, что впереди этого процесса идет Польша, в земле которой лежат более 600 тыс. советских героев, спасших страну от нацизма, а ее древнюю столицу Краков – ценной жизни многих солдат и офицеров – от полного уничтожения. «Войны памяти», которые

справедливо было бы назвать «войнами беспамятства», нацелены не только на мнимого противника (в данном случае – Россию), но и на переформатирование сознания собственного населения, в особенности молодого поколения.

Об этом свидетельствует активная легитимизация коллаборационистских сил, сотрудничавших с гитлеровским режимом: бандеровцев-оуновцев на Украине, национальных подразделений эсэсовцев в прибалтийских государствах. Тех, кто по решению Нюрнбергского трибунала был приравнен к нацистским преступникам и их пособникам, ныне провозглашают национальными героями, устраивают в их честь пышные парады. Истинные же герои, спасшие мир от фашизма, объявлены советскими оккупантами, в отношении их применяются не только негативные информационно-пропагандистские, но и репрессивно-полицейские меры. Не случайно некоторые эксперты квалифицируют информационно-психологические войны современности либо как «третью мировую войну»¹⁶, либо, расценивая информационное оружие как орудие глобализации, – и как «четвертую мировую войну»¹⁷.

Россия постепенно накапливает опыт информационного противоборства, необходимость которого диктуется острой глобальной конкурентной борьбой. На этом пути были и неудачи: выиграв в военно-стратегическом отношении «пятидневную войну» с Грузией в августе 2008 г., Россия потерпела очевидное поражение в информационной войне. Ведь тогда именно Грузия, возглавляемая президентом М. Саакашвили, совершила акт агрессии против Южной Осетии, находившейся по решению ОБСЕ под охраной российских миротворцев. Россия же вынуждена была, противодействуя незаконному вторжению, защищать жителей республики и свой миротворческий корпус. Однако все западные СМИ дали ложную трактовку событий, объявив Россию агрессором, а Грузию – жертвой агрессии. Более того, Россию безосновательно обвинили в попытке оккупировать всю территорию Грузии и сменить политический режим в этой стране.

Почему так получилось? Аналитики пришли к выводу, что грузинская пропаганда сумела представить ситуацию в выгодном для себя свете, опередив объективную российскую интерпретацию событий. Зарубежные СМИ активно использовали материалы грузинских блогеров, в значительной степени искажавшие реальную картину, но создававшие ощущение достоверности. С грузинской стороны была эффективно использована не только прямая дезинформация, но и техника «подставной дискуссии» с подставными персонажами («ботами»), что создавало для западной аудитории видимость объективного обсуждения происходящего. «Прогрузинская» позиция западных СМИ объяснялась и политическими причинами: мировой управляющей элите был выгоден режим М. Саакашвили, пришедшего к власти в результате инспирированной США «цветной революции» – «революции роз». Поэтому США через подконтрольные им СМИ охотно поддерживали своего сателлита. По мнению известного медиолога Г. В. Вирена, «именно тогда и обозначился открытый переход большинства СМИ Запада от информационного противостояния к информационной войне против России»¹⁸.

Анализ современной геополитической ситуации показывает, что конфликтный потенциал международных отношений сегодня весьма значителен. Более того, он нарастает, поскольку «глобализация формирует и расширяет глобальную информационную сферу, стирая государственные, национальные границы и различные барьеры, что позволяет развязывать крупномасштабную информационно-психологическую агрессию (войну) и избирать для тайных операций в качестве театра военных действий информационные пространства целых регионов земного шара»¹⁹. Сложившаяся геополитическая ситуация однозначно свидетельствует об усилении глобальной конкуренции, неизбежными спутницами которой являются информационные войны. Понимание причин информационных войн, их типологии и технологий позволяет своевременно распознавать замыслы и уловки их инициаторов и успешно противостоять их деструктивным последствиям.

Необходимость разработки типологии информационных войн связана с широким разнообразием их терминологических определений, недостаточной четкостью в выявлении их отличительных черт и объектной направленности. Такое положение вполне объяснимо, поскольку теория информационных войн как самостоятельная отрасль научного знания находится пока в стадии становления. Бурно развивающаяся практика применения информационных стратегий в военных действиях и геополитической борьбе порой опережает процессы детального их теоретического осмысления. Тем не менее важно учитывать, что понятие «информационная война», каким оно представлялось полвека назад и каким является сегодня, имеет существенные различия.

Если в 80-е – начале 90-х годов XX в. под информационными войнами понимали операции психологического и идеологического влияния, то за последние 20 лет от родового понятия «информационная война» отпочковалось множество ее разновидностей, объединяет которые только общее средство их ведения – информационное оружие. Однако информационное оружие может быть направлено на разные объекты, и именно объектная направленность является, по нашему мнению, важнейшим смыслоразличительным принципом. Внутри спектра информационных войн до недавнего времени принято было выделять два их типа: информационно-психологические войны, объектом которых является нематериальный фактор – сознание людей, и информационно-технологические (технотронные) войны, объектом которых выступает материальный фактор – программно-аппаратные средства, электронные системы управления и связи и т.п.

Более детальный анализ типологии современных информационных войн, проведенный нами, позволил обнаружить третий крупный блок информационных войн смешанного (гибридного) типа, где практически в равной степени задействованы и психологические, и технологические механизмы. Внутри трех этих главных типов информационных войн можно выделить их отдельные подвиды (разновидности). Так, внутри комплекса информационно-психологических войн выделяются их разновидности, объектами которых являются разные сегменты психосферы (сознание, подсознание, воля, восприятие, интеллект, память), в конечном итоге – национальная идентичность и историческая память. К ним нами отнесены ментальные, концентриальные, когнитивные, контентные войны, а также «войны памяти» и психоисторические войны. Внутри комплекса информационно-технологических (технотронных) войн, которые сегодня чаще всего называют обобщенным термином «кибервойны», также обнаружилась внутренняя дифференциация, позволившая разграничить кибервойны и хакерские войны, сетевые и информационно-алгоритмические войны. В третьем блоке информационных войн смешанного (гибридного) типа с психоактивным и технотронным компонентами выявлены разграничительные линии между гражданскими сетевыми войнами, «поведенческими» и кибертеррористическими войнами. При этом под «психоактивным компонентом» мы имеем в виду психологические операции, рассчитанные на массовое сознание, а под «технотронным» – технические средства и способы управления массовым сознанием.

Осуществленный нами анализ позволил прийти к выводу, что на Украине противостояние носит гибридный характер, включающий в себя ментально-языковой конфликт с применением широкого спектра элементов когнитивных и «поведенческих» войн.

Литература

1. **Панарин И.Н.** Информационная война и геополитика. М.: Поколение, 2006. С. 5.
2. **Libicki M.C.** What is Information Warfare? // Strategic Forum. 1995. No. 28-3. URL: www.questia.com/library/journal/JGJ-129891565/what-is-information-warfare (accessed: 20 Jan. 2019).
3. **Зарубежное военное обозрение.** 1989. № 3. С. 21.
4. **Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б.** Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. М.: Горячая линия-Телеком, 2015. С. 12.
5. **Некляев С.Э.** Информационно-психологическая война в условиях сетевой войны как новая форма угрозы национальной безопасности // Вестник Моск. ун-та. 2008. Сер. 10. Журналистика. № 5. С. 44.
6. **Глазьев С.Ю.** Украинская катастрофа: от американской агрессии – к мировой войне? М.: Книжный мир, 2015. С. 92–93.
7. См.: **Моханти А.** Украинский кризис: последствия для мирового порядка // Вестник Моск. ун-та. 2014. Сер. 12. Политические науки. № 5. С. 46.
8. **Овсянникова О.А.** Технологии реформатирования: языковая и конфессиональная дискриминация на Украине // Стратегия России. 2016. № 2. С. 49.
9. **Неймарк М.А.** Украинский кризис и Русский мир // Обозреватель – Observer. 2015. № 8. С. 44.
10. **Курочко М.М.** Неклассические войны современной эпохи: к постановке проблемы // Проблемы безопасности: Бюллетень научно-исследовательского центра «Наука-XXI». М., 2008. № 3. С. 9.
11. См.: **Бельков О.А.** Эволюция войн и представлений о них (конец XX – начало XXI в.) // Безопасность Евразии. 2009. № 4. С. 181–189.
12. **Попов В.Д.** Власть в фокусе информационной социологии // Власть. 2015. № 1. С. 57.
13. **Фурсов А.** Русофобия и информационная война против России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://andreyfursov.ru/news/rusofobija_i_informacionnaja_vojna_protiv_rossii/2015-10-31-496 (дата обращения: 20.01.2019).
14. Там же.
15. **Зверева В.** Сражения за память, войны воспоминаний // «Война памяти»: культурная динамика в России, Польше и Украине: Науч. семинар, 4–5 июня 2010 г. / Кингс-колледж (Кембридж). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/2839> (дата обращения: 20.01.2019).
16. **Лисичкин В.А., Шелепин Л.А.** Третья мировая (информационно-психологическая) война / Ин-т соц.-полит. исследований АСН. М., 2003. – 304 с.
17. **Арас Д.** Четвертая мировая война. М.: Астрель, 2003. – 702 с.
18. **Вирен Г.** Современные медиа: приемы информационных войн. М.: Аспект Пресс, 2016. С. 20.
19. **Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б.** Указ. соч. С. 16.
20. **Дубов И.Г.** Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 2. С. 20–21.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН, ТАРАС ШЕВЧЕНКО, ВЛАДИМИР ДАЛЬ И СЛАВЯНСКОЕ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЕ НАСЛЕДИЕ

УДК [821.161.1-31.09:929Булгаков]: 17.0221

«ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО МОРАЛИ» В РОМАНЕ М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Аулов А.М.,
к. филол. н., доцент
кафедры русской и мировой литературы
ЛНУ имени Тараса Шевченко
г. Луганск

Аннотация: в статье А.М. Аулова рассмотрена проблема критерия морали в «золотом правиле», поставленная М. Булгаковым в романе «Мастер и Маргарита». На примере образа Левия Матвея исследована возможность золотого правила, в том числе категорического императива Канта стать началом аморальности, зла.

Ключевые слова: мораль, нравственность, золотое правило морали, критерий морали и нравственности, возможность аморализма.

Abstract: the article of A.M. Aulov considers the problem of the criterion of morality in the “golden rule,” set by M. Bulgacov in the novel “The Master and Margarita.” On the example of Levius Matthew’s image, the possibility of a golden rule has been explored, including Kant’s categorical imperative to become the beginning of immoral, evil.

Keywords: morals, morality, golden rule of morals, criterion of morals and morality, possibility of amoralism.

М. Булгаков интересный художник, виртуозный мастер формы. Широко известная повесть «Собачье сердце», популярнейший роман «Мастер и Маргарита» свидетельствует об этом. Но содержание, идеи, его произведений весьма противоречивы: с одной стороны, есть правдивые зарисовки некоторых областей жизни, определенных негативных типов людей эпохи, с другой – отсутствие миметичности: на основе типа Шарикова (уголовника) писатель попытался сделать неверное обобщение: в нем представлен не столько уголовник, сколько вообще человек из низов, который не способен измениться с помощью общественных средств. Так поняв писателя, думает и Е.А. Яблоков: «По Булгакову, подобные персонажи не являются порождением советского строя – и вообще какого-либо строя. Они присутствуют среди людей всегда („при всех властях мира”) – это существа иной „породы”, как бы генетическая девиация» [8].

Об ошибочных сторонах этого произведения, вошедших в наше общественное сознание, свидетельствует и такой факт: постсоветская интеллигенция избрала Преображенского «авторитетом, который от имени цивилизации и культуры отвечает Швондерам и Шариковым» [7], но вот для американских студентов «профессор Преображенский не маг и кудесник, а ограниченный и высокомерный буржуа, бесчувственный и эгоистичный сноб, желающий пользоваться всеми благами жизни любыми средствами, независимо от положения других людей» [Там же].

Это подвигает к выводу, что у Булгакова – потрясающий антидемократизм, неверие в возможность возвышения людей, что есть разрыв с народностью русской классической лите-

ратуры в лице большинства великих русских писателей, ее состраданием маленькому человеку, видением трагического величия народных героев, каким был, например, Пугачев у Пушкина. Это отличало его и от современных ему писателей, даже «попутчиков» пролетарской литературы, каким был его современник М. Зощенко. Этот художник в ранних «Рассказах Синябрюхова», как и Булгаков, увидел дикие стороны людей из низов, остро проявившихся в эпоху мировой войны и внутренних социальных катаклизмов, но позиция в отношении перспективы преобразования такого человека у этого художника была прямо противоположной Булгаковской: его произведения катартически действовали на читателей, подобных низкому герою его рассказов, возвышая их. Булгаков же не верит в какую-либо возможность изменения этого типа людей ни тогда, ни в перспективе, что предельно ясно видно в финале повести, в котором изображено как благо возвращение человека из низов в животное состояние.

Но Булгаков – явление в культуре, часто встречаемое: в его творчестве исходящие из реакционной позиции идеи-заблуждения стоят рядом с верными постановками вопросов. Так, кроме антидемократизма, неверия в возможность роста и потенциальной силы людей из социальных низов, его «Собачье сердце» верно изображало «массового человека» с уровнем его культуры, необразованного, грубого, но получившего возможность власти в обществе, этим предупреждало о его опасности. Именно эту мысль выразил режиссер Бортко, по его же словам, в фильме, снятом по повести «Собачье сердце»: «<...> картина ведь, как повесть, о приключениях идеи. О том, что бывает, когда идея сочетается с добродетелями массового человека» [1, с. 186].

Но в целом во время возвращения повести широкой читательской аудитории и выхода этого фильма общество восприняло реакционную сторону повести как единственный вывод. Во многом этому способствовала блистательная форма. Поэтому до сегодняшнего дня мы считали, в отличие от массы поклонников конца 80-х – начала 90-х годов, что М. Булгаков – большой мастер художественной формы, но произведения его не глубоки по содержанию. Однако сейчас обнаружилось, что писатель в романе «Мастер и Маргарита», хотя и выражает по-прежнему многие спорные стороны содержания, сделал в нем значительное идейное открытие.

Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» ориентирован на его понимание посредством евангелия. Конкретно, «От Матфея святого благовествования», о чем говорит выбор имени персонажа Левия Матвея. Прочтение с помощью именно этого ключа открывает дверь истинного содержания романа.

В «От Матфея святом благовествовании» на вопрос искушающего его фарисея: «Учитель! какая наибольшая заповедь в законе?» [5]. Иисус сказал: «...возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя» [там же]. При этом выделил, что «на сих двух заповедях утверждается весь закон (выделено нами. – А.А.) и пророки» [там же].

Хотя нерелигиозная этика трактует мораль как автономно человеческую, т.е. такую, в которой отсутствует ориентир на бога как образец для человека, но в ней по-прежнему господствует до сего дня так называемое «золотое правило» морали: «возлюби ближнего твоего, как самого себя», или «относись к другому, как к самому себе». Золотое правило не есть лишь мораль – мысли и чувства, но и нравственность – поступки на их основе. Вот формулировка, выделенная немецким профессором Г. Райнером: «как ты хочешь, чтобы с тобой поступали люди, так и ты поступай с ними» [6]. Известный этик А.А. Гусейнов утверждает, что «золотое правило <...> есть формула поведения, которая наиболее полно воплощает своеобразие нравственности» [3].

В романе «Мастер и Маргарита» – своя форма такого «золотого правила морали»: эпизод разговора Иешуа с Пилатом, когда он, относясь к прокуратору как к самому себе, чувствуя

его боль как свою, облегчил своим участием его муки и вызвал удивление Понтия Пилата: «Сознайся, ты великий врач?» [2, с. 291]. Кроме того, упоминание имени Канта в романе прочно нацеливает на тему «золотого правила», ведь его категорический императив («... поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [4] – один из ее вариантов.

Однако в «золотом правиле» в том виде, как оно до сего дня существует («относись к другому как к самому себе»), прежде всего вследствие критерия («как к самому себе») обнаруживается потрясающая вероятность превращения правила в источник отнюдь не совершенствования морали и нравственности человека, и человеческих связей, а его деградации, появления и развития вражды в отношении других людей, наконец, видения всего мира как бездоброго, наполненного злом. Золотое правило, категорический императив Канта могут быть как золотыми, так и бесприсветно черными.

И обе эти вероятности остро увидел М. Булгаков и представил нам.

Золотое правило в лице Иешуа (мы не имеем возможности коснуться здесь других персонажей) как источник совершенствования сказался в муках Пилата. Но почему? Потому что Иешуа смотрит на мир по-доброму, утверждая: «злых людей нет на свете» [2, с. 293]. Это значит, что он относится к другим, ко всем людям «как к самому себе».

Но вот что случилось с этой и другими идеями в сознании Левия Матвея. Он, послушав Иешуа, изменил его идеи, в том числе золотое правило под свое понимание, отличное от Иешуа, ведь именно так об этом говорит Иешуа: «<...> ходит, ходит один с козлиным пергаментом и непрерывно пишет. Но я однажды заглянул в этот пергамент и ужаснулся. Решительно ничего из того, что там написано, я не говорил (выделено нами. – А.А.). Я его умолял: сожги ты бога ради свой пергамент! Но он вырвал его у меня из рук и убежал» [2, с. 288–289].

Если Иешуа, будучи добрым человеком, относился к другим по-доброму, видя в них тоже только добрых людей: злых людей нет на свете, то, Левий Матвей, записывая иное в своем пергаменте (ничего из того, что там записано, Иешуа не говорил), в других добра видеть не мог. Следовательно, добрым человеком не был. То есть, будучи недобрым, относился к другим как к самому себе, точнее, судил по самому себе, т. е. в соответствии со своим злобным отношением к другим.

Вот та ситуация, когда человек сам по себе является недобрым, поэтому и в других не видит хорошего, отсюда его злобные намерения и поступки: он, думая, что главная боль для Иешуа – его личные физические страдания, не понимал философа, ведь даже на кресте тот болеет не столько за себя, сколько за других (просит римлянина дать воды висящему рядом разбойнику). В этом смысле, не случайно, что Матвей хочет убить Иешуа, чтобы облегчить его телесные страдания, вовсе не понимая его истинные моральные страдания. Не видя добра в душе Иешуа, он и весь мир представляет как бездобрый, отсюда его враждебность ко всему мирозданию (символом которого являлся бог) и ко всему в нем: «Левий закричал:

– Проклинаю тебя, бог!

Осипшим голосом он кричал о том, что убедился в несправедливости бога и верить ему более не намерен.

– Ты глух! – рычал Левий, – если б ты не был глухим, ты услышал бы меня и убил его тут же.

Зажмуриваясь, Левий ждал огня, который упадет на него с неба и поразит его самого. Этого не случилось, и, не разжимая век, Левий продолжал выкрикивать язвительные и обидные речи небу. Он кричал о полном своем разочаровании и о том, что существуют другие боги и религии. Да, другой бог не допустил бы того, никогда не допустил бы, чтобы человек, подобный Иешуа, был сжигаем солнцем на столбе.

– Я ошибался! – кричал совсем охрипший Левий, – ты бог зла! Или твои глаза совсем закрыл дым из курильниц храма, а уши твои перестали что-либо слышать, кроме трубных звуков священников? Ты не всемогущий бог. Ты черный бог. Проклинаю тебя, бог разбойников, их покровитель и душа!» [2, с. 447].

Из-за того, что критерий морали – «Я» из золотого правила может быть как добрым, человечным, так и недобрым и нечеловечным, появляются возможности реализации золотого правила морали (отношения и поступков в отношении других как «к самому себе») как инструмента возвышения, улучшения человека и человеческих отношений, и мира в целом, так и их ухудшения, разрушения.

Итак, золотое правило морали, в том числе категорический императив Канта – старый моральный закон – не является только источником взгляда на людей и мир как таких, которые содержат добро, моральность, вследствие релятивности его критерия не является он и инструментом его достижения, более того, правило может оказаться также началом аморальности, зла. Булгаков это показал еще более ярко и полно на примере других, главных, персонажей.

У нас нет здесь возможности раскрыть то, что он предлагает для решения обнаруженной проблемы «Я» как критерия моральности в «золотом правиле». Это станет перспективой дальнейшего исследования.

Литература

1. **Бортко В.В.** Нужна ли России правда? Записки идиота / В.В. Бортко. – М. : Алгоритм, 2014. – 208 с.
2. **Булгаков М.А.** Белая гвардия; Мастер и Маргарита : Романы / М.А. Булгаков / Предисл. В.И. Сахарова. – К. : Молодь, 1989. – 672 с.
3. **Гусейнов А.А.** Золотое правило нравственности / А.А. Гусейнов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://iphras.ru/uplfile/ethics/RC/ed/school3/materials/guseinov_gr.html.
4. **Кант И.** Основы метафизики нравственности / И. Кант. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/kant_omn.
5. **От Матфея святое благовествование.** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/От_Матфея_святое_благовествование.
6. **Цит по: Гусейнов А.А.** Золотое правило нравственности / А.А. Гусейнов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://iphras.ru/uplfile/ethics/RC/ed/school3/materials/guseinov_gr.html.
7. **Эйдельман Д.** Профессор Преображенский и американцы / Д. Эйдельман. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://relevantinfo.co.il/профессор-преображенский-и-американ/>.
8. **Яблоков Е.А.** О пользе чтения изучаемых текстов (на примере повести М.А. Булгакова «Собачье сердце») / Е.А. Яблоков. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-polze-chteniya-izuchaemyh-tekstov-na-primere-povesti-m-a-bulgakova-sobachie-serdtse>.

УДК 821.161.1-1.09 +929 Есенин

ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Белоусова Е.В.,

старший преподаватель
кафедры русской и мировой литературы
ЛНУ имени Тараса Шевченко
г. Луганск

Аннотация: в статье предпринимается попытка анализа поэтического мира Сергея Есенина – яркого представителя русского национального сознания. Рассматривается специфика основных мотивов есенинской лирики. Прослеживается эволюция лирического героя.

Ключевые слова: русский, поэт, образ, лирика, поэзия, проблема, мотив, трагический.

Abstract: in this article the author attempts to analyze the poetical world of Sergey Yesenin, a vivid representative of Russian national consciousness. The specific nature of his main lyrical motives is considered. The author also traces the evolution of the persona's character.

Keywords: russian, poet, cheek, lyrics, poetry, problem, motive, tragedy.

Есенин – это вечное...

Н. Тихонов

Сергей Александрович Есенин – гениальный русский поэт, выразитель художественно-эстетической мысли России начала XX столетия.

С наибольшей полнотой национальный облик Есенина синтезирован в высказывании Б.Л. Пастернака: « Со времен Кольцова земля русская не производила ничего более коренного, естественного, уместного и родового, чем Сергей Есенин, подарив его времени с бесподобной свободой и не отяжелив подарка стопудовой народнической старательностью. Вместе с тем Есенин был живым, бьющимся комком той артистичности, которую вслед за Пушкиным мы зовем высшим моцартовским началом, моцартовской стихией.

Есенин к жизни своей отнесся как к сказке. Он – Иван-царевич на сером волке перелетел океан и как жар-птицу поймал за хвост Айседору Дункан. Он и стихи свои писал сказочным способом, то как из карт раскладывал пасьянс из слов, то записывал их кровью сердца» [4, с. 455–456].

Сам есенинский портрет тяготеет к выявлению в нем черт народной России. Волосы «цвета спелой ржи» и русская открытость, так поразившая Анну Андреевну Ахматову: « Он был или только казался мне страшно открытым. .Читая, Есенин был еще очаровательнее. Иногда он прямо смотрел мне в глаза, и в эти мгновенья я чувствовала, что он действительно «все встречает, все приемлет»» [3, с.32].

Современники сразу почувствовали в молодом поэте исключительный дар. От его стихов « пахнуло свежестью весеннего ветра, запахом цветов и полей, самозабвенной радостью бытия» [5, с.224].

Однако вскоре их церковно-мифологическое звучание («Радуница», «Триптих») сменилось окрашенностью иного рода. Осознание гибели патриархальной деревни отозвалось в его поэзии мотивом трагизма и душевного бунта. «Последний поэт деревни», признававшийся в любви к своей «деревянной Руси», превратился в «хулигана», бросающего вызов неким враждебным силам, отмеченным печатью всего неживого, механического.

Не случайно поэма «Сорокоуст»(1920) начинается с апокалипсического «погибельного рога» как сигнала надвигающейся катастрофы, при этом главная мысль ее излагается в форме притчи. Так эпизод с задумавшим обогнать поезд тонконогим жеребенком становится по воле поэта символом неравного спора между трепетной, живой красотой русской дерев-

ни и механической силой технического прогресса. Этот образ воплощает актуальнейшую дилемму времени – проблему выбора между земледельческим прошлым и индустриальным будущим России:

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, ну куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?

Другие образы поэмы («жалостный плач гармоники», «облившаяся кровью ягод рябина», «электрический восход») также передают смятение поэта перед несущим угрозу деревне «железным гостем». Но именно «красногривый жеребенок» как раз и выигрывает поэтическую победу в единоборстве с бездушным чугунным зверем.

После «Сорокоуста» за Есениным надолго закрепилась репутация «поэта уходящей деревни». Репутация эта усугубляется с выходом в свет сборника стихов «Москва кабацкая», в котором пессимистические настроения, вызванные прощанием с дорогим поэту «таинственным» и «древним» миром патриархальной деревни, раскрываются в единстве с развитием мысли об их преодолении. Она ощутима здесь в мечте поэта «о другом, о новом», что помогло бы ему преодолеть и «Москву кабацкую», и безотрадность впечатлений от поездки по Европе и Америке, и «возраст осени» Айседоры Дункан, и свой душевный кризис.

Этого внутреннего «преодолевающего» движения поэтической мысли нельзя не заметить в завершающем книгу стихотворении «Не жалею, не зову, не плачу» (1921), подлинном шедевре есенинской лирики, созданном ранее, но не случайно поставленном в заключение трагического сборника, где оно обрело свое особое звучание. Написанное под впечатлением лирического фрагмента из «Мертвых душ» Гоголя, оно, вопреки печальному содержанию (прощание с юностью), светло и гармонично по своему мироощущению:

Все мы, все мы в этом мире тленны.
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты во век благословенно,
Что пришло процветать и умереть.

Закрывающее собою сборник, стихотворение это выражало мысль о том, что преходяще не только «буйство глаз и половодье чувств», но и отчаяние поэта в «логове жутком», тоска его по своему мальчишескому «предместью» и все прочее, что было названо им здесь «Москвой кабацкой» и с уходом от чего открылись новые горизонты его поэзии. По воспоминаниям В.Эрлиха, «уход» этот глубоко радовал поэта: «Слушай! А ведь я все-таки от «Москвы кабацкой» ушел! А? Как ты думаешь? Ушел? Здорово трудно было!» [7, с. 322].

Созвучна стихам сборника «Москва кабацкая» и написанная одновременно с ними поэма «Черный человек» (1923–1925), в которой с еще большим напряжением отразилось все противоречивое, что с таким упорством преодолевалось его в целом по-пушкински солнечной лирикой. В самом «черном человеке» (зловещем двойнике лирического героя) поэт концентрировал то темное, что открывалось ему в полной оптимистических взлетов и трагических крушений эпохе, обнаружилось в извечных противоречиях души («Розу белую с черной жабой я хотел на земле повенчать»), было навеяно сожалением о не так сложившейся жизни.

Содержанием поэмы выступает не бред, не запись галлюцинаций, а та высокая художественная условность, с помощью которой только и можно заглянуть в тайники души. «Ад» Данте, «Мастер и Маргарита» М. Булгакова – порождение этой условности. Тем же путем погружается в свой «ад», чтобы обличить «черного» двойника, и Есенин.

Управляющий художественным миром поэмы *автор* и страдающий от бессонницы *герой* не одно и то же лицо. Именно так понял поэму Н. Асеев, из которой, как он писал, на него смотрело «живое, правдивое, творческое лицо поэта, лицо, умытое холодом отчаяния,

внезапно посвежившее от боли и страха перед вставшим своим отражением» [2, с. 224].

«Очищающее» для самого поэта значение «Черного человека» было справедливо отмечено и Е. Наумовым, писавшим, что в этой поэме «есть признаки высокой трагедии, идущей ещё от античности, которая утверждала тему нравственного очищения через страдание» [2, с. 220].

«Есенин не только лирически, но и космически мыслил», – верно заметил Л. Мартынов [6, с.97]. По мнению Г. Филиппова, С.А. Есенин – «поэт-философ, по-своему ответивший на глобальные вопросы бытия, выразивший идею корневой связи, единства Природы и Человека». Для него «природа не являлась чем-то внеположным, с коим следует преодолеть разлад, поскольку сам человек – это чадо древа» [6, с. 84]. Художественно-философское открытие поэта состояло в том, что он отразил не родство человека с природой, не близость их, а полную сращенность. «Даже искусство, по Есенину, – это ни в коем случае не копирование окружающего, а продолжение природного процесса» [6, с. 92]. Недаром Максим Горький писал: «Сергей Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для выражения неисчерпаемой “печали полей”, любви ко всему живому в мире и милосердия, которое – более всего иного – заслужено человеком» [3, с. 62].

Бесспорно, «время обновляет читательское зрение» [1, с. 105]. Однако в изменяющемся мире остается и все глубже раскрывается неповторимость есенинской лирики, созвучной мятущейся русской душе. Сама Россия с ее неповторимой и неизъяснимой прелестью живет в его творчестве.

Литература

1. **Дементьев В.** Мир поэта / В. Дементьев. – М: Советская Россия, 1980. – 480 с.
2. **Наумов Е.И.** Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха / Е.И. Наумов. – Л: Лениздат, 1973. – 496 с.
3. **О Есенине.** Стихи и проза писателей-современников поэта / сост. С.П. Кошечкин. – М: Правда, 1990. – 640 с.
4. **Пастернак Б.Л.** Воздушные пути. Проза разных лет / Б.Л. Пастернак. – М: Советский писатель, 1982. – 493 с.
5. **Рождественский Вс. А.** Страницы жизни / Вс. А. Рождественский. – М: Современник, 1974. – 430 с.
6. **Филиппов Г.В.** Русская советская философская поэзия. Человек и природа / Г.В. Филиппов. – Л: Советский писатель, 1984. – 205 с.
7. **Эрлих В.** Право на песнь // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. – М: Худож. лит., 1986. – Т.2. – 446 с.

УДК 821.161.1–31.09+929

ТРАДИЦИИ РУССКОЙ КЛАССИКИ В РОМАНЕ А. ИВАНОВА «ГЕОГРАФ ГЛОБУС ПРОПИЛ»

Дудка А.В.,
аспирант кафедры русской
и мировой литературы
ЛНУ имени Тараса Шевченко
г. Луганск

Аннотация: статья посвящена анализу романа Алексея Иванова «Географ глобус пропил» с целью выявления в нем традиций классической русской литературы.

Ключевые слова: постмодернизм, интертекстуальность, диалог культур, русская классика, фольклор.

Abstract: the article is devoted to the analysis of the A. Ivanov's novel «A Geographer Who Drank a Globe Away» in order to identify the traditions of classical Russian literature in it.

Keywords: postmodernism, intertextuality, dialogue of cultures, Russian classics, folklore.

«Географ глобус пропил» является одним из выдающихся образцов литературы рубежа тысячелетий, поскольку работа над ним велась именно в последние годы XX века. Автор определяет жанр своего произведения как «смешной и грустный роман о том, как в жизни героя нет места подвигу» [1, с. 1]. Многие исследователи же называют его примером классической реалистической прозы. Однако «Географ глобус пропил», несмотря на свою принадлежность к современной экспериментальной прозе, а в некоторых проявлениях даже к постмодернизму, является произведением, в котором переплетены традиции классической русской литературы с авторскими новаторскими приемами.

Современный постмодернизм ошибочно считают оторванным от традиции, хотя именно он в большей степени ориентирован на контакт, «диалог» с классикой. Доказательством наличия подобного рода взаимодействия является присутствие в современной прозе «интертекстуальности». Как литературный прием, «интертекстуальность» предполагает игру с цитатами и культурными ассоциациями, их пародирование и ироническое осмысление. Причем термин «цитата» в постмодернизме имеет максимально широкое значение: в художественное произведение могут включаться кинофильмы, ранее написанные литературные произведения, идеологические штампы, лозунги, стереотипы поведения, мышления и т.п. [4, с. 173]. В романе «Географ глобус пропил» находим цитаты из классических произведений, значение которых главный герой искажает в зависимости от контекста употребления. Например, строки из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова: «Променял друга на рюмку, правда, очень хорошего, коньяка» [1, с. 275] (Ср. ориг. «Ты покинул бедного Бегемота, променяв его на стакан – правда, очень хорошего – коньяку!»), из стихотворений А.С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный»: «Но долго буду тем любезен я народу, <...> что чувства добрые я лирой пробуждал» [1, с. 96] (Ср. ориг. «И долго буду тем любезен я народу, / Что чувства добрые я лирой пробуждал») и «Пророк»: «Жег глаголом, да назвали балаболом» [1, с. 61] (Ср. ориг. «Восстань, пророк, и виждь, и внемли, / Исполнись волею моей, / И, обходя моря и земли, / Глаголом жги сердца людей»). Следует отметить, что Географ искажает в своей речи не только классику, но и строки популярных шлягеров, придавая им новые смысловые оттенки: «Эти глаза не против» [1, с. 192] (Ср. ориг. «Эти глаза напротив»).

В романе «Географ глобус пропил» обнаруживается игра с имиджем русских писателей-классиков. Например, мы можем проследить проведенную автором параллель между образом Географа и образом великого русского поэта А.С. Пушкина. К поэтическому таланту Виктора добавляется созвучие имен (Александр Сергеевич Пушкин – Виктор Сергеевич

Служкин), о котором упоминает сам герой в разговоре с бывшей одноклассницей: «– А мне Андрюша говорил: “Тата Шушкина, Тата Шушкина”... Я думала – Шишкина или Сушкина... – Или Пушкина» [1, с. 45].

Нельзя не заметить сходство сюжета романа «Географ глобус пропил» и сюжета одного из выдающихся образцов классической литературы, романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Дружба романтического Географа и прагматичного Будкина похожа на дружбу Онегина и Ленского. А письмо Сашеньки к Будкину напоминает письмо Татьяны к Онегину. Е. Московкина замечает также схожесть «запретной» любви Географа к Маше Большаковой и любви Пушкина к Наталье Гончаровой: «Отношения Служкина и Маши, которые выглядят как мезальянс (учитель и ученица), по меркам XIX в. таковыми не являются: Служкину – 28 лет, Маше – 14. Пушкин впервые встретил 16-летнюю Наталью Гончарову, когда ему было 29 лет, и женился на ней спустя 2 года» [3, с. 66–67]. Но отчетливее всего образ Пушкина проявляется в главе «В том гробу твоя невеста», где контакт с классической традицией реализуется уже через само заглавие. К тому же, в данной главе Служкин по памяти рассказывает своей дочери сказку А. Пушкина «Спящая красавица»:

– Постой, – читал в темноте Служкин, –

Отвечает ветер буйный.

Там за речкой тихоструйной

Есть высокая гора,

В ней глубокая нора;

В той норе, во тьме печальной,

Гроб качается хрустальный

На цепях между столбов.

Не видать ничьих следов

Вкруг того пустого места,

В том гробу твоя невеста» [1, с. 214–215].

Служкин приравнивает чувства, испытываемые им к жене и дочери, к чувствам, которые он питает к творчеству поэта: «Я ведь тожерываюсь от любви... <...> К тебе... К Тачке... К Будкину... К Пушкину...» [1, с. 215].

Еще одной формой диалога с классикой в романе выступает пародия. Так, Географ пародирует стихотворение М. Цветаевой своей «Эпитафией Петрову», написанной героем еще в детстве:

«Эпитафия Петрову»

«Помедли, случайный прохожий,

У этих гранитных плит.

Здесь тело Петрова Алеши

В дубовом гробу лежит.

Петров на общем фоне казался

Чище, чем горный снег,

И враз на него равнялся

Каждый плохой человек»

[1, с. 38].

«Прохожий»(отрывок)

Идешь на меня похожий,

Глаза устремляя вниз.

Я их опускала – тоже!

Прохожий, остановись!

Прочти – слепоты куриной

И маков нарвав букет –

Что звали меня Мариной

И сколько мне было лет.

Однако в современной прозе пародия приобретает иную функцию, чем в традиционной классической литературе. Здесь мы видим пародию на художественный текст, призванную не обличить, а подчеркнуть особенности творческого метода поэта, отдать дань таланту и мастерству М. Цветаевой.

Особой формой контакта с классикой в постмодернизме выступает ирония. При этом, по утверждению М. Липовецкого, ирония в современных произведениях многослойна, она проявляется на нескольких уровнях и представляет собой «принцип матрешки» [2, с. 317]. В романе «Географ глобус пропил» необходимо отметить иронию на текстовом уровне, она включена в речь всех героев романа, но особенно ярко проявляется именно в комментариях Виктора Служкина. Он иронизирует над окружающими: «Какая рожа, такая и фамилия» [1, с. 12]; «Точность – вежливость свиней» [1, с. 13]; «Я же тебе рассказывал – у него с отцом своя фирма при станции техобслуживания. Он там обслуживает тех за деньги» [1, с. 15]. Однако чаще в речи Географа отражена самоирония: «Язык Златоуста, да мыслей не густо» [1, с. 197]; «В школе на меня всем плевать: хорош – не хорош, а вынь да положь. Если не найдется желающих пред именем моим смиренно преклонить колени, я не удавлюсь» [1, с. 14]; «Я же отец семейства, народный учитель...» [1, с. 91]. С помощью самоиронии автор будто смещает полюса: субъективная оценка Географом самого себя кажется читателю более объективной, чем собственно объективная оценка его личности.

Иронию мы видим также на сюжетном уровне. Автор иронизирует над своим героем и поэтому Географ постоянно попадает в нелепые ситуации: «Что-то у тебя как ни история, так анекдот, и везде ты придурком выглядишь» [1, с. 217].

Очень ярко в романе А. Иванова проявляется связь с фольклорной традицией, которая обнаруживается как в речи персонажей, так и в их образах. Виктор Служкин к каждой ситуации подбирает меткую поговорку или пословицу, зачастую собственного сочинения: «Вольный художник – это босой сапожник. Все умеет, ничего не имеет» [1, с. 37]; «В плечах аршин, а на плечах кувшин» [1, с. 47]; «Нет толка, когда в зад у иголка» [1, с. 27]. Таким образом, вводя в произведение элементы фольклора, автор намеренно упрощает образ Географа, приближает его к героям русских народных сказок. Следует отметить, что другие персонажи часто называют Служкина дураком или лентяем: «Ты лентяй, Витус. <...> Идеалист и неумеха. Только языком чесать и горазд» [1, с. 15]; «Сколько не прикидывайся дураком, всегда найдется кто-нибудь дурее тебя, так что этим не выделешься» [1, с. 217]. Данная герою характеристика закрепляет связь его образа с образом фольклорного Иванушки-Дурачка, который в большинстве народных сказок является главным борцом со злом, выразителем народной морали и силы русского духа. Из фольклора взято также имя влюбленной в Служкина школьницы – Машенька.

Множество дискуссий возникло вокруг фигуры главного героя – Виктора Служкина, – который не вписывается в рамки традиционного классического типа героя, но и не «стоит в одном ряду» с персонажами, вступившими на литературную арену в период рубежа веков.

К примеру, Е. Никольский, Н. Талалай, О. Маслова, полагают: в романе изображен маргинал, разрушающий все, что его окружает. Зараженный «синдромом недеяния» [5, с. 19], он не способен никого сделать счастливым. Герой живет «одним днем», «убивая время» в бесконечных пьянках. Одним словом, часть исследователей уверена, что в образе Виктора Служкина нет ничего, что может сеять доброе и вечное в сердцах современных читателей. Подобное восприятие героя стало причиной неверного истолкования произведения.

Однако большинство критиков (И. Касько, М. Кломпмакер, М. Визель, В. Соболев, Г. Ребель, Ю. Троцевич, И. Головинская и др.) утверждают, что герой романа А. Иванова многогранен, и вышеуказанные качества являются лишь одной из сторон этого сложного характера, противоречивость которого обусловлена тем, что на страницах произведения мы

встречаем живого человека, а не персонификацию идей. Негативные стороны характера Виктора Служкина выявлены автором для создания контраста между реальностью и внутренним миром героя.

Человек со старыми взглядами, духовно и культурно наполненный, войдя в «новое время», не может отыскать свое место в нем и испытывает кризис – одна из особенностей изображения героя в современной русской литературе. Но Виктор Служкин как будто всегда находился в дисгармонии с социумом. Он столкнулся с непониманием, потому что чувствовал себя «лишним человеком». При этом Географ не похож на «лишних» героев классической литературы: на протестующих против окружающей их действительности и проигрывающих в схватке с ней Онегина и Печорина или смирившегося и даже не стремящегося ничего менять в своей жизни Обломова. Виктор Служкин не теряет себя, хотя мотив потери заявлен уже в самом названии произведения. Наоборот, он старается сохранить в себе гуманизм: «Я человека ищу, всю жизнь ищу – человека в другом человеке, в себе, в человечестве, вообще человека!» [1, с. 223]. Таким образом, мы видим, что не общество делает героя «лишним», а он сам отстраняется, чтобы сохранить в себе то, что он считает наивысшей ценностью. Географ не пытается менять окружающий мир или самого себя. Но, сам того не замечая, он сеет в сердцах школьников любовь: «Я думал, что устроил этот поход из своей любви к Маше. А оказалось, что я устроил его просто из любви. И может, именно любви я и хотел научить отцов – хотя я ничему не хотел учить» [1, с. 422].

Таким образом, А. Иванов в своем романе трансформирует «лишнего человека», обогащая его новыми гранями, но не разрывая при этом связь с традицией. К проблеме одиночества и дисгармонии с социумом, корнями восходящим к детству персонажа, автор добавил статичность – стремление всегда и при любых обстоятельствах оставаться самим собой, что характерно для традиционного романного героя. В духе классической литературы А. Иванов оставляет финал произведения открытым, привнося в роман «Географ глобус пропил» нетипичный для литературы рубежа веков романтический оптимизм.

Литература

1. **Иванов А.В.** Географ глобус пропил / А.В. Иванов. – М. : Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. – 448 с.
2. **Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н.** Современная русская литература: 1950–1990-е годы: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: 1968–1990: В 2 т. / Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий. – М. : Издательский центр «Академия», 2003. – Т. 2. – 688 с.
3. **Московкина Е.** Мотивы русской классической литературы в романе А.Иванова «Географ глобус пропил» / Е. Московкина // Культура и текст. – 2014. – №3(18). – С. 60–75.
4. **Цыплакова Т.В.** Классические традиции в современной русской литературе: литературоведческий и методический аспекты / Т.В. Цыплакова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2008. – Специальный выпуск. – С. 172–176.
5. **Черниенко Л.В.** Русская литература конца XX – начала XXI столетий: Учебное пособие / Л.В. Черниенко. – Луганск: Альма-матер, 2004. – 168 с.

УДК 821.161.1 – 3.09+929 Набоков

ОБРАЗ РОССИИ В ТВОРЧЕСТВЕ В.В. НАБОКОВА

Зайцева Е.В.,

старший преподаватель
кафедры русской и мировой литературы
ЛНУ имени Тараса Шевченко
г. Луганск

Аннотация: в статье исследуется вопрос о роли и месте образа России в творчестве В.В. Набокова (романах, рассказах, стихотворениях, интервью). Поднимается тема принадлежности творчества писателя к американской и русской литературам, рассматривается отражение традиций русской литературы в произведениях писателя.

Ключевые слова: родина, творчество, традиции, эмиграция, образы, персонажи, писательская техника, мистификатор.

Abstract: the article examines the role and place of the image of Russia in the works of V.V. Nabokov (novels, short stories, poems, interviews). Russian and American literary traditions are reflected in the works of the writer. the author discusses the theme of belonging of the writer's work to the American and Russian literatures.

Keywords: homeland, creativity, traditions, emigration, images, characters, writing technique, mystifier.

В представлении современного читателя В. Набоков выглядит неким космополитом. Многие считают его писателем «холодного блеска», демонстрирующим виртуозную писательскую технику, бездуховным и безразличным к России. Такое мнение было сформировано не без участия самого великого мистификатора, неоднократно в интервью заявлявшего, что он «американский писатель, который родился в России и получил образование в Англии, где изучал французскую литературу, после чего прожил пятнадцать лет в Германии» [4, с.39]. Он не тоскует ни по одному «кусочку России» и не хочет вернуться. Все эти заявления сделаны уже в шестидесятые годы известным писателем В. Набоковым, а в далеком двадцатом молодой Владимир писал родителям: «Мамочка, милая, - вчера я проснулся среди ночи и спросил у кого-то, не знаю, у кого, у ночи, у звезд, у Бога: неужели я никогда не вернусь, неужели все кончено, стерто, погибло?.. Мамочка, ведь мы должны вернуться, ведь не может же быть, что все это умерло, испепелилось, - ведь с ума можно сойти от мысли такой! Я хотел бы описать каждый кустик, каждый стебелек в нашем божественном вырском парке – но не поймет этого никто...» [2, с.211–212].

З. Шаховская, лично знавшая В. Набокова, считала заявления зрелого писателя одной из его масок. Россия жила в его памяти, мучила снами, пробивалась в рассказах, романах, и особенно в стихах (в поэзии очень сильно эмоциональное начало, поэтому обман невозможен). По мнению А. Толстого и И. Галинской, важные ценности набоковского художественного мира сконцентрированы в его стихах о России. Это детство, семья, любовь, природа, изгнание. А. Казин считает, что, несмотря на английское воспитание, Набоков в глубине своей сложной натуры все же сохранил «русскую точку», русскоязычный Сирич является отечественным писателем, англоязычный Набоков – американским. В. Сахаров замечает даже в англоязычных его произведениях не по-американски культурный и сложный язык, национальную манеру мыслить и писать, русскую трагедию духовной и культурной изоляции.

Каждая книга В. Набокова отражает «напряжение изгнаннической памяти». Россия настойчиво пробивается в тексты, особенно – в стихи, потому что поэзия личностна и откровенна. В стихотворении «Россия», написанном в Крыму в 1919 году есть такие строки:

Была ты и будешь... Таинственно создан я
из блеска и дымки твоих облаков.
Когда надо мною ночь плещется звездная,
я слышу твой реюющий зов!

Ты – в сердце, Россия! Ты – цель и подножие,
ты – в ропоте крови, в смятенье мечты!
И мне ли плутать в этот век бездорожия?
Мне светишь по-прежнему ты... [9, с. 112].

В январе 1921 года на страницах эмигрантской газеты «Руль» появляется подписанный В. Сириным фантастический рассказ «Нежить», герой которого – несчастный леший – был изгнан из родного леса. «Никого из племени нашего на Руси не осталось. Одни туманом взвились, другие разбрелись по миру... – говорит он. – А ведь мы вдохновение твое, Русь, непостижимая твоя красота, вековое очарованье... И все мы ушли, изгнанные безумным землемером» [10, с.49]. Уже в этом первом рассказе молодого В. Набокова отчетливо звучит тема бездомности и отчаяния невозвратимости. А в опубликованном в 1938 году рассказе «Посещение музея» герой попадает в «странно знакомую снежную сырость ночи» родного города. Он думает, что «вышел на волю, опять в настоящую жизнь», но вдруг «непоправимо» понимает: «Увы! Это была не Россия моей памяти, а всамделишная, сегодняшняя, заказанная мне, безнадежно рабская и безнадежно родная» [8, с. 359].

К 1927 году относится стихотворение «Расстрел», в котором возвращение на родину связывается с казнью, но герой готов принять такой финал:

Бывают ночи: только лягу,
в Россию поплывет кровать;
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать.

...

Но, сердце, как бы ты хотело,
чтоб это вправду было так:
Россия, звезды, ночь расстрела
и весь в черемухе овраг [9, с.186].

Одно из самых пронзительных стихотворений Набокова, обращенных к России, – «Отвяжись, я тебя умоляю» (1939 г.), в котором автор заклинает отказаться от него, не смотреть «дорогими слепыми глазами», не сниться ему, – выражение истинных чувств, и поручкой тому «трава двух несмежных могил» его родителей. Тематически и эмоционально оно перекликается с написанным также в эмиграции стихотворением М. Цветаевой «Тоска по родине! Давно...» (1934 г.).

Все стихи В. Набокова, обращенные к России, – свидетельства тоски поэта по утраченной родине, неизлечимой болезни ностальгии. Его попытки «удержать Россию» сменяются осознанием окончательной ее невозвратимости. В «Других берегах» он называет свою тоску по родине «лишь своеобразной гипертрофией тоски по утраченному детству» и выговаривает себе право «в горах Америки моей вздохнуть по северной России» [8, с. 170]. Россия для В. Набокова, кроме утраченного рая детства, еще и русский язык – «единственное, что успел выцарапать из России», страх «забыть или засорить» его «стал прямо болезнью» [8, с. 277]. «Моя личная трагедия, – скажет В. Набоков позже, в одном из интервью в июле 1962 года, – состоит в том, что мне пришлось оставить свой родной язык, родное наречие, мой богатый, бесконечно богатый и послушный русский язык, ради второсортного английского» [4, с. 27]. Но это будет позже, а тогда в Кембридже на книжном лотке букиниста он случайно нашел

толковый словарь В. Даля и стал читать его, каждый день по несколько страниц. Среди всех его занятий главным стала литература.

Творчество В. Набокова автобиографично, но жизнь свою он трактует по законам художественного произведения. Детство героев его романов Мартына, Лужина, Годунова-Чердынцева, как и детство самого писателя, – их истинная родина. Герой «Дара» выпускает сборник стихов, посвященных одной теме – детству. Герой «Подвига» Мартын Эдельвейс, как и сам автор, несмотря на свое полуанглийское детство, «встречаясь с англичанами-студентами, отмечал свое несомненное русское нутро», и вообще все «английское, довольно, в сущности, случайное, процеживалось сквозь настоящее, русское, принимало особые русские оттенки» [6, с.191–192]. Ему мерещится возвращение в Россию, которая «была расцвечена синевою вод и прозрачным пурпуром пушкинских стихов» [6, с.198]. По мнению Н. Букс, образ Мартына восходит к образу пушкинского Онегина. Отметим некоторые сходства. «Евгений Онегин» закончен А. Пушкиным в 1830-м году, «Подвиг» – в 1930-м, начаты же оба произведения в мае. Онегин, в чем-то похожий на Пушкина, не является поэтом. У Мартына есть сходство с Набоковым, но отсутствует литературный талант. Мартын уходит на север, в Россию, Онегин возвращается на север, в Петербург, а А. Пушкин в это время едет в ссылку в Михайловское (1824 год). Начало изгнания Мартына совпадает с отъездом в эмиграцию самого В. Набокова. Кроме того, к пушкинскому роману в стихах отсылает прием пропуска главы (в романе «Подвиг» в нумерации выпущена 11-я глава, в «Онегине» выпущена глава «Путешествие Онегина по России»).

Влияние А. Пушкина обнаруживается и в первом романе В. Набокова «Машенька». Н. Букс замечает, что пушкинский текст выполняет роль рамки романа, который начинается эпиграфом из 47-й строфы первой главы романа в стихах («Вспомня прежних лет романы, / Вспомня прежнюю любовь...») и заканчивается аллюзией на 50-ю строфу первой главы «Евгения Онегина» («Вздыхать о сумрачной России, / Где я страдал, где я любил, / Где сердце я похоронил...»). «Машенька» была первой попыткой Набокова вернуть потерянный рай. Герой романа – изгнанник, утративший любовь и родину, живущий в атмосфере пошлости берлинской эмиграции. В одной из комнат пансиона висит картина, на которой изображен остров, ставший символом: он остался над водой, в которую погрузилась родина. Мир изгнания и мир родины отражают друг друга. В романе образ родины сближается с образом возлюбленной. Вспоминая роман с Машенькой, ожидая встречу с ней, Ганин думает: «Какое счастье. Это будет завтра, нет, сегодня, ведь уже за полночь... Завтра приезжает вся его юность, его Россия» [5, с.104]. Но в последний момент «с беспощадной ясностью» он понимает, что «исчерпал свое воспоминанье, до конца насытился им, и образ Машеньки остался ... в доме теней, который сам уже стал воспоминаньем. И кроме этого образа, другой Машеньки нет, и быть не может» [5, с.112]. Как не может быть другой России для самого В. Набокова, кроме той, которую он покинул в юности: «Я никогда не вернусь, по той причине, что вся Россия, которая мне нужна, всегда со мной: литература, язык и мое собственное русское детство» [4, с.22]. И в том же интервью: «Я ощущаю себя русским и думаю, что мои русскоязычные произведения, романы, стихи и рассказы... являются своеобразной данью России» [4, с. 25].

Литература

1. **Бойд Б.** Владимир Набоков: русские годы: Биография/ Брайан Бойд. – СПб.: Симпозиум, 2010. – 696 с.
2. **Букс Н.Я.** Владимир Набоков. Русские романы/ Н.Я. Букс. – М.: АСТ, 2019. – 448 с.
3. **Зверев А.М.** Набоков / А.М. Зверев. – М.: Молодая гвардия, 2016. – 475 с.
4. **Набоков В.В.** Строгие суждения / В.В. Набоков. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. – 416 с.

5. **Набоков В.В.** Собр. соч.: В 4 т. / В.В. Набоков. – М.: Правда, 1990. – Т. 1. – 416 с.
6. **Набоков В.В.** Собр. соч.: В 4 т. / В.В. Набоков. – М.: Правда, 1990. – Т. 2. – 448 с.
7. **Набоков В.В.** Собр. соч.: В 4 т. / В.В. Набоков. – М.: Правда, 1990. – Т. 3. – 480 с.
8. **Набоков В.В.** Собр. соч.: В 4 т. / В.В. Набоков. – М.: Правда, 1990. – Т. 4. – 480 с.
9. **Набоков В.В.** Стихотворения / Подг. текста, вступ. статья и примеч. М.Э. Маликовой. («Новая библиотека поэта»). – СПб.: Академический проект, 2002. – 665 с.
10. **Набоков В.В.** Полное собрание рассказов / Сост. А. Бабинов – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 736 с.
11. **Шаховская З.А.** В поисках Набокова. Отражения / З.А. Шаховская. – М.: Книга, 1991. – 319 с.

УДК 929:141 Бердяев: (Ильин+Леонтьев)

К.Н. ЛЕОНТЬЕВ В «РУССКОЙ ИДЕЕ» Н.А. БЕРДЯЕВА

Ильин С.А.,

к. филол. н., доцент, заведующий кафедрой
русской и мировой литературы
ЛНУ имени Тараса Шевченко
г. Луганск

Аннотация: в статье С.А. Ильина «К.Н. Леонтьев в «Русской идее» Н.А. Бердяева» рассматриваются оценки, данные Н.А. Бердяевым базовым основам мировоззрения К.Н. Леонтьева: учению о принципах общественного развития и его цикличности, теории культурно-исторических стилей, эстетизму как художественному и философскому принципу.

Ключевые слова: русская идея, христианство, византизм, либерально-эгалитарный прогресс, славянофильство, романтизм, эстетизм.

Abstract: in the article by S.A. Ilyin “K.N. Leontyev in the “Russian Idea” by N.A. Berdyayev” examines the assessments given by N.A. Berdyayev to the basic foundations of K.N. Leontyev’s worldview: the doctrine of the principles of social development and its cyclical nature, the theory of cultural and historical styles, aesthetics as artistic and philosophical principle.

Keywords: Russian idea, Christianity, Byzantism, liberal-egalitarian progress, Slavophilism, romanticism, aestheticism.

«Русская идея» Н.А. Бердяева (1946) составляет «такую философскую параллель к истории новой русской литературы, без которой духовная природа последней не может быть понята вполне» [4, с.85]. Бердяевские суждения о русском национальном типе и основных проблемах русской мысли XIX и начала XX веков освещают новым светом и словесную художественную культуру, расширяют исследовательское поле и дают больший простор мировоззренческой перспективе. Охватывая огромный временной период от Средневековья до 1920-х годов, – Н. Бердяев вынужден делать выбор века, наиболее полно характеризующего русскую идею и русское призвание. Таким веком, по его мнению, является XIX век острого раскола, внутреннего освобождения и напряженных духовных и социальных исканий.

Особенное значение XIX века состоит в том, что «после долгого безмыслия русский народ, наконец, высказал себя в слове и мысли и сделал это в очень тяжелой атмосфере отсутствия свободы» [1, с.86–87]. И татарское иго, и византийское влияние подавляли русскую мысль и делали ее традиционно-консервативной. И только после соприкосновения с Западом и петровских реформ обнаружился «необычайный, взрывчатый динамизм» русского народа. По словам А. Герцена, на реформу Петра русский народ ответил явлением А. Пушкина. Не только А. Пушкина, добавляет Н. Бердяев, но и славянофилов, Ф. Достоевского и Л. Толстого, а самое главное – возникновением оригинальной русской мысли [1, с.87]. В числе русских самобытных мыслителей Н. Бердяев особо выделяет Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891).

Н. Бердяев, характеризуя философию истории П. Чаадаева, называет разочарование П. Чаадаева в России и А. Герцена в Западе основными фактами для русской темы XIX века. Это было время русского «ожидания», для которого характерны спор славянофилов и западников и противостояние двух типов мировоззрений людей 1840-х и 60-х годов. Славянофилы «не предчувствовали грядущих катастроф. Они духовно жили еще до Достоевского, до восстания Толстого, до кризиса человека, до духовной революции» [1, с.107]. Этим они существенно отличались не только от Ф. Достоевского и В. Соловьева, но и от К. Леонтьева, «уже захваченного катастрофическим чувством жизни». Славянофилы, сознававшие глубокую противоположность между святой Русью и империей, были сторонниками патриархаль-

но-органической теории общества. А поскольку основой общества является семья, то, полагали славянофилы, и общество должно строиться по типу семейственных отношений. С этим положением Н. Бердяев решительно не согласен: «более прав К. Леонтьев, который отрицал семейственность русских и большую силу видел в самодержавном государстве» [Там же]. Действительно, заключает Н. Бердяев, народы Запада, французы в особенности, более русских привержены семейным традициям, но идут другим путем.

Славянофилы, не любившие государство и власть, отрицали идею авторитета в церкви и провозглашали соборность как коммунитарность, общность, хоровое начало, единство любви и свободы. Эти воззрения были основаны на убеждении в том, что русский народ усвоил христианство в большей чистоте, чем Запад, так как западному рыцарству были свойственны нехристианский индивидуализм и гордость. Однако эти славянофильские взгляды строились на преуменьшении элементов язычества в народном православии и особенно влияния византизма. Здесь Н. Бердяев снова солидаризируется с К. Леонтьевым, который признавал православие А. Хомякова «не настоящим, слишком либеральным и модернизированным» и противопоставлял ему «аскетически-монашеское, суровое, византийское, афонское православие» [1, с. 109]. Недаром основной труд К. Леонтьева так и называется – «Византизм и славянство».

Своеобразным мостом между славянофильством и западничеством стал А. Герцен который разделял идею П. Чаадаева о том, что русский народ может в будущем создать особый новый мир, отличный от западного. Не принимая в целом левое, социалистическое западничество, Н. Бердяев отмечает, что А. Герцен «первый резко выразил русское восстание против мещанства Запада». Это восстание было связано с персоналистической этикой А. Герцена, в основу которой была положена человеческая личность. Он увидел в Европе сначала ослабление, а затем и исчезновение личности: «Средневекового рыцаря заменил лавочник» [1, с.114]. И здесь Н. Бердяев снова проводит параллель с К. Леонтьевым: революционер А. Герцен говорит то, что потом будет говорить реакционер К. Леонтьев. Они оба одинаково восстанут против европейского буржуазного мира купцов и противопоставляют ему мир русский, не согласный с торжествующим мещанством.

Хотя К. Леонтьев скромно называл себя в области философии последователем Н. Данилевского, автора книги «Россия и Европа», Н. Бердяев считает К. Леонтьева «во много раз выше Н. Данилевского»: «он один из самых блестящих русских умов» [1, с.116]. И если Н. Данилевского считают предшественником О. Шпенглера, то К. Леонтьев – предшественник Ф. Ницше, с которым его роднят следующие черты: «неустанное размышление о расцвете и упадке обществ и культур, резкое преобладание эстетики над этикой, биологические основы философии истории и социологии, аристократизм, ненависть к либерально-эгалитарному прогрессу и демократии» [Там же].

К. Леонтьева ошибочно причисляли к славянофильскому лагерю, он ему во многом противоположен. Прежде всего, его христианство не принимает никаких гуманитарных элементов и основывается на византийских монашески-аскетических принципах. Его мораль допускает насилие, это «аристократическая мораль силы». Его концепция государства основывается не на вере в русский народ как у славянофилов, а на убеждении, что величие России напрямую зависит от верности византийскому православию и византийскому самодержавию. По мнению К. Леонтьева, выдвижение на первый план национального, племенного начала неизбежно ведет к «революции и демократическому уравнию».

Большой сторонник Петра Великого и Екатерины Великой, К. Леонтьев именно в «екатерининской эпохе видел цветущую сложность русской государственной и культурной жизни» [Там же], а в старой Европе больше всего ценил сложность и разнообразие ренессанса, католическую и монархическую твердость. Согласно оригинальной теории К. Леонтьева, человеческое общество неотвратимо проходит через следующие периоды: 1) первоначальной

простоты; 2) цветущей сложности; 3) вторичного смесительного упрощения. Избежать этого процесса не может никто, потому что высшая степень сложности объединяется «неким внутренним, деспотическим единством» [Там же]. Его социология находится вне морали, поскольку неприятие либерально-демократического прогресса вызывает у него, помимо логико-рационального неприятия, прежде всего эстетическое отвращение, он видит в результатах этого прогресса гибель красоты. К. Леонтьев был убежден, что для Европы период цветущей сложности уже прошел и она неизбежно идет к упрощительному смешению, а в России еще возможны культуры цветущей сложности.

По мнению Н. Бердяева, К. Леонтьев был ренессансным человеком. Во имя цветущей культуры он принимал какие угодно страдания и истязания людей. В противоположность морали, основанной на верховенстве человеческой личности, на сострадании к человеку, он проповедовал мораль ценностей красоты, цветущей культуры и государственного могущества. «Не будучи жестоким человеком, – пишет Н. Бердяев, – он проповедовал жестокость во имя своих высших ценностей, совсем как Ницше. К. Леонтьев – первый русский эстет, он думает «не о страждущем человечестве, а о поэтическом человечестве» [2, с.70]. Для него нет гуманных государств, потому что гуманное государство разлагающееся, а принятие жизни есть принятие боли. К. Леонтьев не хочет осуществления правды и справедливости на земле, потому что тогда не будет красоты, которая всегда и всюду для него связана с неравенствами и несправедливостями, насилиями и жестокостями. Н. Бердяев отмечает смелость и радикализм мысли К. Леонтьева, ведь он осмеливается признаться в том, о чем другие молчат: «Чистое добро некрасиво; чтобы была красота в жизни, необходимо и зло, необходим контраст тьмы и света» [2, с.71]. К. Леонтьев – эстетический пессимист, он не верит в осуществление своего собственного идеала, но он многое предвидел и предсказал, его размышления о судьбе культуры остро актуальны, он предчувствовал возможный декаданс культуры.

Восхищаясь смелостью, искренностью и радикализмом мысли К. Леонтьева, Н. Бердяев далеко не во всем соглашался с ним. По К. Леонтьеву, свобода и равенство порождают мещанство, осуществление христианской, евангельской правды в жизни общества ведет к уродству, однако, возражает Н. Бердяев, в действительности либерально-эгалитарный прогресс, который К. Леонтьев ненавидел, более соответствует христианской морали, чем могущество государства, аристократия и монархия с их жестокостями. Вся мысль К. Леонтьева направлена против русского народничества, русского освободительного движения, русского искания социальной правды, русского искания Царства Божия, но это эстетическая реакция, ведь «ненависть К. Леонтьева к мещанству и буржуазности была ненавистью романтика» [2, с. 86]. Русская идея, считает Н. Бердяев, это не идея цветущей культуры и могущественного царства, это эсхатологическая идея Царства Божьего.

Литература

1. **Бердяев Н.А.** Русская идея (главы 1-3) / Н.А. Бердяев // Русская литература. – 1990. – № 2. – С.85 – 133.
2. **Бердяев Н.А.** Русская идея (главы 4–7) / Н.А. Бердяев // Русская литература. – 1990. – № 3. – С.67–102.
3. **Бердяев Н.А.** Русская идея (главы 8–10) / Н.А. Бердяев // Русская литература. – 1990. – № 4. – С.60–111.
4. **Котельников В.А.** Н.А. Бердяев «Русская идея». Вступительная заметка и примечания / В.А. Котельников // Русская литература. – 1990. – № 2. – С. 126–133.

УДК 82-1/-19

ВОСПРИЯТИЕ ПОЭЗИИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Колесник Т.И.,

старший преподаватель
кафедры романо-германской филологии
ЛНУ имени Тараса Шевченко
г. Луганск

Аннотация: статья посвящена проблеме восприятия поэзии С. Есенина и вольных переводов его лирики в немецкоязычном пространстве в контексте русско-немецких межлитературных и межкультурных связей. Выделяются особенности перевода лирики С. Есенина немецкоязычными авторами.

Ключевые слова: С. Есенин, восприятие, свободный перевод, поэзия, образ, немецкоязычное пространство.

Abstract: the article deals with the problem of the perception of S. Yesenin's poetry and loose translations of his lyrics in the German-speaking space in the context of Russian-German interliterary and intercultural relations. The features of the translation of S. Esenin's lyrics by German-speaking authors are highlighted.

Key words: S. Yesenin, perception, loose translation, poetry, image, German-speaking space.

Русскоязычная поэзия доступна многим немецкоязычным читателям из-за языкового барьера только в виде переводов. Русский фольклор более «эпичен», чем германский в целом и представляет чуждые немецкому менталитету реалии. Читая вольные переводы С. Есенина на немецкий язык, можно заметить, как сильно рознится восприятие творчества и личности русского поэта переводчиками. Целью данной статьи является анализ восприятия поэзии С. Есенина и вольных переводов его лирики в немецкоязычном литературном пространстве.

Первым автором, открывшим С. Есенина немецкоязычным странам, был И. Голль, который в 1921 году представил первый перевод на немецкий язык текста С. Есенина. Его примеру быстро последовало множество других переводчиков. На сегодняшний день 61 автор способствовал тому, чтобы немецкоязычный читатель получил наиболее целостную и реалистичную картину русского поэта-крестьянина [1, с. 1162].

И. Голль публикует фрагменты из сочинений С. Есенина «Инония» и «Преображение» вместе с адаптациями работ Блока, Белого, Маяковского и Мариенгофа в июльском номере 1921 года дрезденского журнала «Menschen». Два года спустя следует еще один перевод «Преображения» С. Тартаковера, два года спустя версия Й. Калмера, затем переводы В. Грегера, Б. Ярхо, К. Линдерберг-Дегалля, Ф. Швайферта и др. В 1927 году немецкие переводы С.А. Есенина появились в русско-немецком московском издании «Lieder der Tat», в котором, согласно подзаголовку, содержится русская, пролетарская и другая революционная поэзия [2, с. 24]. В 1933 году, несмотря на уже активную нацистскую цензуру, литературный перевод С. Есенина «Nachtstück» Р. Граши был опубликован в рубрике «Kölnische Zeitung». Вышедшие в 1934 году избранные произведения славянских поэтов «Auswahl slawischer Dichter», составленные Г. Гертрингенсом для Славянского института Берлинского университета, содержат вольный перевод поэзии Есенина «Dort wo Schweigen ewig schlummert». В 1939 году выходит издание «Русская лирика в переводах» В. Берг-Папендик, в котором содержится в общей сложности восемь текстов С. Есенина. А в 1940 году в Швейцарии на немецком языке публикуется свободный перевод «Pferde» Радеки.

В 1948–1949 С. Есенина переводят В. Челищев-Линденберг и Х. Штаммлер. Первое немецкое книжное издание Есенина под названием «Liebstes Land, das Herz träumt leise»

выходит в 1958 году и содержит адаптации А. Кристофа и Э.Й. Баха. В 1961 году К. Дедедиус представляет свою немецкоязычный сборник Есенина. В 1963 году выходит книга «Drei russische Dichter», содержащая вольные переводы П. Целана стихов С. Есенина, О. Мандельштама и А. Блока. В 1965 году Ф. Мирау публикует книгу «S. Jessenin. Gedichte. Russisch-deutsch. Nachdichtungen von Paul Celan, Adelheid Christoph, Rainer Kirsch», которая становится первым изданием, в котором переводы трех немецких поэтов публикуются вместе впервые. В 1970 году выходит сборник переводов В. Сабо под названием «Trauer der Felder». После перерыва более десяти лет в немецкоязычном восприятии С. Есенина публикуются берлинские избранные сочинения С. Есенина о России «Oh, mein Russland. Gedichte und Poeme» [4, с. 265].

В восприятии С. Есенина немецкоязычным миром существует два важных аспекта. Во-первых, следует отметить, что почти четверть из 61 немецких переводчиков С. Есенина были русскими немцами. Первые русско-немецкие свободные переводы С. Есенина В. Шелленберга и М. Вюс появляются в 1927 году в ранее упомянутой антологии «Lieder der Tat». Второй аспект восприятия С. Есенина в немецкоязычных странах касается научных исследований. Хотя С. Есенин уже был переведен на немецкий язык большим количеством переводчиков, относительно малое количество исследовательских работ посвящено изучению творчества Есенина в немецком переводе. Одним из наиболее часто цитируемых исследований, посвященных этой теме, является статья Ф. Мирау, опубликованная в 1966 году. Еще более давним является исследование русской поэзии в немецких переводах К. Дедедиуса 1961 года издания. Таким образом, несмотря на большое количество работ по литературному переводу, появившееся в последние годы, академических материалов по проблеме перевода русской лирики на немецкий язык относительно мало [4, с. 5].

Стихи С. Есенина столь же разнообразны, как и поэтика самого автора. Поэтика С. Есенина характеризуется прежде всего тем, что она является продуктом множества совершенно разных факторов влияния и что ее развитие всегда напрямую зависит от биографического процесса становления автора. Таким образом, выбор мотивов в основном основан на биографии, и каждое поэтическое произведение отражает конкретную реальность жизни автора в определенное время.

На протяжении всей своей жизни С. Есенин чувствовал прямую экзистенциальную связь со своим крестьянским прошлым, что также выражается в его поэзии. Это привело не в последнюю очередь к тому факту, что С. Есенину, частично инициированным другими, частично навязанным им самим, был присвоен образ крестьянского поэта, который выражает свою тоску, меланхолию, отчаяние и смятение через образы природы. Но С. Есенин был не только поэтом крестьянского происхождения, он был прежде всего поэтом, разрывавшимся между разными мирами жизни и беспокойными обстоятельствами своего времени, он стремился найти универсальное независимое языковое выражение.

С. Есенин идет по пути крайней лирической редукации и создает обновленный, безбалластный и точный язык. Мотивы крестьянской жизни, внутреннего противоречия, отчуждения и тоски по крестьянской жизни не следует понимать как явления, которые полностью независимы друг от друга. Универсализация природы была для С. Есенина способом справиться с потерей идентичности [см. Mierau 1966: s. 321]. В поисках органичности, С. Есенин сталкивается с вездесущими контрастами в мире, идентичностью и закономерностью противоположностей [см. Mierau 1966: s. 322]. Тот факт, что С. Есенин знает об этих противоположностях и всегда сталкивается с ними, иногда является причиной, по которой его поэтика кажется такой беспомощной и беспокойной.

Таким образом, романтика С. Есенина – это не романтика грустного безделья и приятного саморазрушения, это скорее описание эмоционального мира первооткрывателя, иска-

теля, который осознает относительность в поисках абсолютности. Насколько разной может быть переводческая акцентуация этой поэтики, показывают работы А. Кристофа, К. Дедециуса, П. Целана и В. Сабо. Ссылаясь на есенинское издание «Gedichte. Russisch-deutsch» (под редакцией Ф. Мирау), Ф. Мирау утверждает, что то, что отличает Есенинские переводы П. Целана и А. Кристофа от более ранних и параллельных попыток, – это продуктивное отношение переводчиков к текстам.

Диалектика законности и верности, произвола и свободы всегда существует в переводе и четко прослеживается. Особенно в случае перевода поэтики, перевод не может быть построен шаблонно. Стихотворный перевод должен в определенной степени заменить, адаптировать. Он становится достоверным именно опуская и добавляя что-то, словесно и формально перефразируя. Поэтому иногда близость к оригиналу достигается путем его изменения. Собственный мир переводчика проецируется на мир, описанный в стихотворении. Переводчик сравнивает, снова распознает, понимает заново, ассоциирует и делает выбор. Переводчик – это читатель перед читателем перевода [5, с. 468].

Упомянутая Ф. Мирау переводческая продуктивность присутствует не только у А. Кристофа и П. Целана, но и у К. Дедециуса и В. Сабо. Читатель, который находится перед читателем в переведенном тексте, отличается во всех четырех случаях. Каждый переводчик вносит свой собственный мир в перевод, устанавливает свои собственные отношения с автором оригинала, воспринимает другие аспекты оригинала и таким образом развивает свою собственную интерпретацию и восприятие.

Таким образом, можно сказать, что личность автора имеет существенное влияние на оформление его перевода. Так, благодаря биографическим сходствам с С. Есениным В. Сабо способен представить себя в роли «последнего поэта деревни», однако ему не хватает межкультурной компетенции, как у П. Целана, чтобы включить в свой перевод специфические русские элементы. П. Целан, который видит в переводе С. Есенина поле для своего личного поэтического развития, помимо всего прочего, не сомневается в своем стиле, хотя с точки зрения содержания стилистически отходит от оригинала.

В. Сабо видит в Есенине прежде всего крестьянского поэта, с которым он отождествляет себя, и находит в стихах С. Есенина свою собственную деревенскую среду обитания. П. Целан также отождествляет себя с Есениным, но с другим Есениным. Он узнает себя в том же Есенине, который меланхоличен, тоскует и печально анализирует свои поступки, понимает образы природы как полезный аксессуар для красивых метафор. Так кто же переводил лучше? Кто лучше понял Есенина? Это вопрос остается открытым, так как переводы могут быть по-разному интерпретированы. Безусловно, существенным фактором, определяющим интерпретацию поэзии, является личность самого С. Есенина, точнее, то, как переводчик воспринимает эту личность, то есть с каким образом Есенина переводчик работает.

Таким образом, при оценке того, правильно ли и в какой степени переводчик понимал С. Есенина, должен приниматься во внимание конкретный образ Есенина, который использовал переводчик. Но даже тогда описан только один элемент из множества, которые фундаментально определяют окончательное суждение, и поэтому каждый перевод должен всегда рассматриваться в определенном контексте.

Литература

1. **Glenn J., Remys E.** «Sergej Esenin in German: The Translations of Paul Celan and Alfred Gong.» / Glenn J., Remys E. //Germano-Slavica. – 1985. – Т. 5. – №. 2. – С. 5-22.
2. **Kasper K.** Jenseits der Aufmerksamkeit? Russische Literatur in deutschen Übersetzungen 2002/ Kasper K. //Osteuropa. – 2003. – Т. 53. – №. 8. – С. 1158–1176.
3. **Kasper K.** «Mit den Modellen des Weltalls wedelnd...» Russische Literatur in deutschen Übersetzungen 2005/ Kasper K. //Osteuropa. – 2006. – С. 121–147.
4. **Lehmann J.** Die Rezeption russischer und sowjetischer Literatur in der Sowjetischen Besatzungszone (SBZ) und in der DDR/ Lehmann J. // Russische Literatur in Deutschland. – JB Metzler, Stuttgart, 2015. – С. 221–284.
5. **Mierau F.** Sergej Jessenin./ Mierau F. – Reclam-Verlag, 1991. – Т. 1411.

УДК 821.161.2–3.09+929 Лупий

**ЭМОЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВЫЕ ДОМИНАНТЫ В
ТВОРЧЕСТВЕ О. ЛУПИЯ**

Колесникова А.Ю.,

к. филол. н., доцент

кафедры украинской филологии и издательского дела
ЛНУ имени Тараса Шевченко

г. Луганск

Аннотация: в статье в рамках психолингвистической типологии рассмотрена специфика эмоционально-смысловых доминант художественных произведений О. Лупия. Автором характеризуются особенности когнитивной и оценочной структурированности художественного мира.

Ключевые слова: текст, доминанта, инвариантная тема, семантика, аксиологическая система

Abstract: in the article, within the framework of psycholinguistic typology, the specificity of emotional and semantic dominants of O. Lupi's works is considered. The author characterizes the peculiarities of cognitive and evaluative structuring of the artistic world.

Keywords: text, dominant, invariant theme, semantics, axiological system.

Постановка проблемы. Художественные тексты многогранны, их типологизацией и анализом занимаются различные науки, среди которых литературоведение, текстоведение, лингвистика, психология, логика, этнография и многие другие. Современная тенденция к интеграции знаний, которые разрабатываются разными научными дисциплинами, способствует созданию наиболее системной и расширенной теории текста. Об актуальности психолингвистического изучения текста как художественного, так и публицистического, научного свидетельствуют современные исследования российских и зарубежных ученых.

Анализ последних исследований и публикаций. Российским научным открытием стала теория доминанты А. Ухтомского, созданная на границе физиологии, психологии, филологии, этики, ставшая одной из основополагающих принципов психологии литературного творчества. Доминанта, по мнению ученого, как стойкое возбуждение нервной системы «держит в своей власти все поле душевной жизни» [6, с. 373]. В исследовании доказывается влияние доминант на жизнедеятельность человека, ведь все понятия и представления отдельного индивида являются следствием когда-то пережитых доминант, которые могут трансформироваться в определенные комбинации.

Особенности инвариантных тем раскрыты в «Работах по поэтике выразительности» А. Жолковского и Ю. Щеглова. Ученые определяют инвариантную тему как определенный «угол зрения, под которым автор видит все вещи, любимая мысль, которую он вписывает во все свои художественные, а часто и обычные высказывания» [2, с. 19]. С помощью приемов выразительности инвариантная тема писателя, – утверждают ученые, – проявляется в большом количестве мотивов, которые также становятся постоянными.

Психолингвистическая типология художественных текстов представлена в работах В. Белянина, который рассматривает текст в совокупности лингвистических и психологических закономерностей. Ученый утверждает, что «организующим центром художественного текста является его эмоционально-смысловая доминанта. Являясь ядром модели порождения текста, эмоционально-смысловая доминанта организует семантику, морфологию синтаксиса и стиль художественного текста» [1, с. 13]. Именно анализ эмоционально-смысловой доминанты характеризует отдельный художественный текст с точки зрения метафоризации и вербализации картины мира. В. Белянин определяет, что каждый текст связан с тематикой,

представленной в нем, и предлагает новый подход к типологии текстов. На основе этого исследования нами анализируется творчество украинского писателя О. Лупия.

Цель статьи. Проанализировать эмоционально-смысловые доминанты художественных произведений О. Лупия, руководствуясь психолингвистической типологией. В рамках этой типологии эмоционально-смысловая доминанта рассматривается как основа текста, определяющая речевую системность текста на всех уровнях – фонетическом, лексическом, морфологическом, стилистическом, синтаксическом. С ее помощью определяется система образных средств текста, отражается когнитивная и оценочная структурированность художественного мира, являющаяся основой авторского смысла текста.

Изложение основного материала исследования. Эмоционально-смысловая доминанта является важной составляющей авторской модели мира. В творчестве каждого автора есть ряд тем, которые представляют его мироощущение, повторяются в разных вариациях. «Поэтический мир автора – это те постоянные темы, установки, мысли, которыми пронизаны все его произведения – на разных уровнях и в самых разных аспектах, компонентах и т. п. Поэтический мир можно представлять себе в виде набора подобных единиц (условно – тем)» [2, с. 213].

Творчество О. Лупия представлено различными жанрами: поэмами, балладами, сонетами, медитациями, романами, повестями, драмами, отображающими различные темы, исторические периоды, культурные эпохи. Произведения, написанные в течение шестидесятилетнего творческого пути в разной мере характеризуют уровень поэтического мастерства, этапы и периоды творчества, степень оригинальности и концептуальности в интерпретации событий и известных исторических личностей. Для того, чтобы выделить магистральные темы творчества О. Лупия, нужно максимально обобщенно сформулировать список субъектов и объектов, любимых мыслей, многократно отображенных в его произведениях. Абстрактная модель поэтического мира автора формулируется исходя из общности этих тем.

Для произведений автора характерна заинтересованность историческим прошлым (монгольские завоевания, деятельность украинских гетманов, события XX века), отображение украинского менталитета и культурных особенностей, широко представлена пейзажная лирика. Однако всё многообразие тем задает некоторый связный взгляд на мир, представляет перцептивный образ действительности.

По мнению Я. Мукаржовского, «действительно большое искусство предъявляет воспринимающему значительные требования, для удовлетворения которых нужны эмоциональные и даже интеллектуальные усилия... поскольку одна из существенных его задач – конкретно выражать мировоззрение и способствовать его развитию» [5, с. 539–540]. Под мировоззрением чешский литературовед понимает определенную философскую систему, которую можно обнаружить сопоставляя художественное произведение с конкретной философией, существующей вне произведения, или исследуя систему взглядов, содержащуюся в самом произведении. Оба способа могут быть использованы для выявления специфики творчества О. Лупия.

Мировоззрение писателя следует сопоставить с аксиологической системой, представляющей ценности человеческого существования, их природу, функции и иерархию. Большая часть произведений О. Лупия связана с размышлениями о смысле жизненного пути, о цели и миссии, о свободе и ответственности, об идеале и долге. Именно аксиологическая система наиболее характерно передает особенности мировоззрения и магистральную тему всего творчества писателя, состоящую в важности осознания ценностей человеческого существования. Герои произведений О. Лупия изображены в процессе осознания своего предназначения или выражают уже устоявшуюся жизненную философию. В каждом отдельном произведении эти жизненные принципы вариативны, повторяемым фактором становится особая акцентуация на них.

В соответствии с типологией эмоционально-смысловых доминант В. Белянина, нами установлены следующие особенности произведений украинского писателя. В большинстве своем это «светлые» тексты, которые характеризуются эмоционально приподнятым, возвышенным стилем, соответствующим благородным порывам героев. В произведениях утверждаются мысли о ценности и неповторимости природы, настойчиво акцентируется внимание на истинности и правильности определенных суждений, которые должны быть общепринятыми. Такие тексты созданы на основе мироощущения личности с паранойяльными чертами акцентуации, считает В.Белянин: «природа паранойяльности заключается в наличии сверхценной идеи, в оценке себя как основного центра вселенной... С одной стороны, он «несёт свет истины» другим людям, с другой стороны он насаждает своё представление о действительности и о делах» [1, с. 88]. Это проявляется, например, в критике общества («Якесь нікчемне покоління, – / Самі лакузи й торгаші, / Ані завзяття, ні горіння / Ані священного в душі» [4, с. 276]); использование призыва к действию или совета с непосредственным обращением, выраженного в повелительном наклонении («не падай духом, друже», «призабудьмо дріб'язки, братове», «вчись пробачити, юний друже», «радій, людино», «опам'ятайтесь, любі друзі»), в романном жанре исторические персонажи идеализированы, представлены в качестве образцов для подражания. В пейзажной лирике можно выделить такие семантические элементы, присущие «светлым» текстам: сердце (чувственное, любящее), движение (величественное, постоянное, непрекращающееся), солнце (теплое, золотое, лучистое), небо (светлое, голубое, бескрайнее), природа (мать, гармония, возрождение). Жить в гармонии с природой, способной раскрыть смысл всех процессов, дающей осознание, что прекрасное окружает нас повсюду, значит для писателя – понять себя, свое предназначение («Знову я серед природи / У замріянні живу, / Все довкола будить подив, / Кличе в далеч грозову...» [4, с. 342]).

В творчестве О. Лупия есть произведения, относящиеся к текстам «печальным». Особенности мироощущения личности в «печальных» текстах являются «мягкость, спокойствие, приветливость, чуткость и доброе отношение к людям с одной стороны. И пессимизм, неуверенность в себе, склонность к чувству вины – с другой. Это и есть основа амбивалентной (конфликтной в данном случае только внутренне) установки личности с депрессивной акцентуацией» [1, с. 158–159]. В поэтических текстах О. Лупия часто звучит сожаление о мимолетности жизни («На цій землі усі ми тимчасові» [4, с. 405], «Ти бачиш, як швидко минає життя» [4, с. 341]), размышления о трудности бытия («Жорстокий світ, немилосердний» [4, с. 315], «Згорить усе, згорить до тла» [4, с. 284], «Ніщо не вічне – ми під Богом» [4, с. 318]), мысли о старости и смерти («Не так важливо скільки літ» [4, с. 298], «Ще рік чи два і нас не буде» [4, с. 405], «Мене не буде, тільки дух / Колись витатиме над світом» [4, с. 316]). Размышления построены на соотношении жизнь / смерть, счастье / горе, свет / тьма, добро / зло, вечность / мгновение, радость / огорчение, старость / молодость. В произведениях акцентируется внимание на тревоге и беспокойстве, связанными с неприятием современности с её бездуховностью, прагматизмом, безразличием к глубинным национальным вопросам самоидентификации на фоне героического прошлого. Новые поколения не стремятся к сохранению культурных ценностей и это вызывает опасения лирического героя. Именно аксиологическая иерархия, в центре которой нравственные ценности, ответственность и долг, проявляется в произведениях О. Лупия.

«Печальные» тексты составляют, по мнению исследователей, большую часть русской классической литературы [1, с. 154], а также значительную часть украинской литературы. Семантические элементы этой эмоционально-смысловой доминанты: грусть, одиночество, разочарование, воспоминания, старость, смерть. Творчество О. Лупия синтезирует в себе семантику «печальных» текстов и «светлых» текстов, потому что философские размышления о жизни и смерти, о предназначении и долге характеризуются не унынием и пассивностью, что

присуще «печальным» текстам, а глубокомысленным осознанием концептуальных жизненных законов. Согласно типологии В. Беянина, в «светло-печальных» текстах «явно присутствует и благоговение перед природой (характеризующее «светлые» тексты), и мысли о смерти (характерные для «печальных» текстов)» [1, с. 200]. Так, стихотворения О. Лупия («Вічне небо, а не ми» [4, с. 374], «Як пригадаю все життя» [4, с. 280], «Вічний рух» [4, с. 403–404]) имеют следующие семантические элементы «печальных» текстов: жизнь, тревога, разлука, страдание, разочарование, ненависть, суета, раскаяние, представлены в первой части произведений; вторая часть воплощает семантику «светлых» текстов: сердце, судьба, дух, красота, раздолье, вечность, росток, урожай, солнце. Жизнеутверждающая позиция содержится в большей части произведений. Жанр рубаи (четверостишия с философским содержанием) также отражают «светло-печальную» доминанту текстов писателя: «Не журися, що швидко минають літа, / Філософія часу занадто проста: / Кожну хвилю сприймай, як дарунок Богів, / Кожна хвиля наступна твоя – золота» [4, с. 420].

Выводы. В рамках психолингвистической типологии текстов В. Беянина нами рассмотрена классификация эмоционально-смысловых доминант текстов, характеризующих специфику когнитивной и оценочной структурированности художественного мира. Творчество украинского писателя О. Лупия соотносится со «светлыми», «печальными» и смешанными («светло-печальными») текстами, своеобразие тематического диапазона соответственно представлено. В «светлых» текстах описываются благородные герои, неповторимость природы и важные жизненные ценности, в «печальных» раскрываются сожаления о мимолетности жизни, мысли о старости и смерти, воспоминания о молодости. В «смешанных» текстах в рамках одной эмоционально-смысловой доминанты описывается мироощущение, имеющее характеристики, сопоставимые с другой эмоционально-смысловой доминантой. Такими являются стихотворения и рубаи О. Лупия со «светло-печальной» тональностью, в которых размышления о жизни и смерти, о предназначении и долге, характеризуются жизнеутверждающей позицией.

Литература

1. **Беянин В.** Введение в психиатрическое литературоведение / В. Беянин. – Мюнхен : Verlag Otto Sagner, 1996. – 284 с.
2. **Жолковский А.К., Щеглов Ю.К.** Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст. / А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов // Предисл. М.Л. Гаспарова. – М. : АО Издательская группа «Прогресс», 1996. – 344 с.
3. **Карасик В.И.** Языковой круг : личность, концепты, дискурс/ В.И. Карасик – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
4. **Лупий О.В.** Поезії. Вибрані твори / О.В. Лупий. – К. : Укр. письменник, 2010. – 534 с.
5. **Мукаржовский Я.** Исследования по эстетике и теории искусства / Я. Мукаржовский // пер. с чешс. – М. : Искусство, 1994. – 606 с.
6. **Ухтомский А.** Интуиция совести : Письма. Записные книжки. Заметки на полях. / А. Ухтомский – СПб. : Петерб. писатель, 1996. – 528 с.

УДК 821.163.41-31.09+929 Павич

ДИАЛОГ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР В РОМАНЕ-АНТОЛОГИИ М. ПАВИЧА «БУМАЖНЫЙ ТЕАТР»

Котомцев Д.О.,

учитель русского языка и литературы

ГУ ЛНР «ЛУВК «Интеллект»

г. Луганск

Аннотация: в статье предпринята попытка проследить диалог славянских литератур и изучить темы времени, судьбы и христианства, художественно объединяющие эти литературы в единое культурное целое в романе-антологии М. Павича «Бумажный театр».

Ключевые слова: диалог, славянская культура, время, судьба, культурная память.

Abstract: the article attempts to trace the dialogue of Slavic literatures and to study the themes of time, fate and Christianity, artistically uniting these literatures into a single cultural whole in the novel-anthology of M. Pavich «Paper theater».

Keywords: dialogue, Slavic culture, time, fate, cultural memory.

Милорад Павич (1929–2009) – сербский писатель-постмодернист, историк литературы, переводчик, получивший всемирную известность после выхода романа «Хазарский словарь», который мгновенно стал считаться одним из самых необычных произведений мировой литературы. Это обусловлено в первую очередь формой романа – это действительно словарь, статьи которого в процессе чтения складываются в единую сюжетную конструкцию. В дальнейшем формальные эксперименты писателя не прекратились: появились роман-клепсидра «Внутренняя сторона ветра», роман-кроссворд «Пейзаж, нарисованный чаем», роман-гадание «Последняя любовь в Константинополе», в котором судьбы героев зависят от перетасовки карт Таро, и др. На первый взгляд, все романы М. Павича не являются единым целым, а представляют собой коллаж из отдельных набросков. Но именно соединение этих фрагментов создаёт объёмное изображение – и в этом выражается вся эстетика постмодернизма, для которого реальность существует только в виде мозаики.

Венцом подобной поэтики фрагмента стало одно из последних произведений М. Павича – роман-антология «Бумажный театр» (2007). Во «Вступлении от автора» читаем: «В этом романе, в этой своеобразной антологии современного мирового рассказа читатель обнаружит тридцать восемь рассказов, а также библиографические сведения об авторах этих тридцати восьми текстов, каждый из которых представляет какую-нибудь одну национальную литературу. Всех этих писателей и сведения о них выдумал Милорад Павич. Он же написал и все тридцать восемь рассказов» [2, с. 3]. Такое объяснение словно подготавливает читателя: в романе пойдёт речь о многообразии, «многоязычности» (М. Бахтин) культур и литератур и о возможностях их взаимодействия на путях сохранения и развития. В этом смысле слово «антология» в жанровом определении самого автора показательное: в буквальном переводе «антология» означает «букет цветов», а фигурально имеет значение собрания наиболее представительных текстов, несущих в себе характерные черты, которые зафиксированы в культурной памяти. Таким образом, «Бумажный театр» – это и есть многоцветный букет национальных миров и индивидуальных судеб, соединённых в одном гипертексте.

Что же позволяет понимать этот сборник рассказов как нечто целое? Е. Шатько пишет, что все «наброски», составляющие тексты М. Павича, связаны между собой сквозными метафорами, мотивами и образами [3]. Действительно, определённые темы – развитие личности, выбор пути, взаимовлияние культур – заметны во всём творчестве писателя – они же и организуют повествование. В «Бумажном театре» также есть особая тема, варьирующаяся в девяти рассказах, – это история и культура славян, которая показана с помощью той или

иной национальной литературы. Попытка проследить диалог этих литератур, который в итоге складывается в единую картину культуры славянского мира, составляет цель статьи.

«Эти рассказы, – пишет Павич, – моё своеобразное приложение к этим литературам, если, конечно, трактовать приложение как один из гарниров к рыбе в ресторанном меню» [2, с. 4]. Большинство рассказов основывается на стереотипном представлении о культуре той или иной страны. Например, Япония показана страной высоких технологий и шокирующей своей откровенностью литературы; японский рассказ в «Бумажном театре» – это поток сознания писателя, который погибает вместе с семьёй в автокатастрофе, потому что не справляется с управлением в момент надиктовывания нового рассказа на кассету. А шведский автор пишет рассказ в духе современного скандинавского детективного романа.

При всём разнообразии сюжетов и стилей рассказы, написанные авторами из славянских стран, выделяются на фоне всей антологии. Внимательно прочитав весь роман, а потом последовательно рассказы писателей из Сербии, Украины, Македонии, Словении, Болгарии, Польши, Словакии, Чехии и России, можно уловить диалогическую связь между ними. Даже при поверхностном прочтении заметны приёмы, с помощью которых М. Павич пишет эти рассказы. Во-первых, это ретардация чтения, намеренное усложнение речевой структуры рассказов славянских авторов, их стилистическая избыточность и знаменитые сравнения М. Павича, которые редко появляются в европейских и американских рассказах антологии. Во-вторых, славянские рассказы ориентированы на прошлое, тогда как европейские авторы смотрят в современность; из-за этого рассказы из Польши, Словакии и Украины намеренно стилизованы, превращены в аллегории и притчи. Интерес к современности диктует сам стиль европейских и азиатских авторов: они поглощены действием, в рассказах примитивные диалоги, их не интересуют описания и портреты, их персонажи заняты лишь сиюминутными мыслями и настоящим (как японский писатель, чей поток сознания привёл его к гибели; или швейцарский автор, чьи герои покупают комнату в замке только ради эффектного самоубийства).

Рассказы славянских авторов обращаются к прошлому. Серб Михайло Гловачки пытается отыскать истину между двух башен древней белградской крепости Калемегдан, не понимая, что истина всегда рядом с ним. Украинец Аврам изучает механизмы преемственности времени и повторяемости судеб на примере строительства египетских пирамид. Продавец икон из Македонии рассказывает историю иконы св. Димитрия, к созданию которой приложили руку все балканские народы. Словенка Эрика Бевц повествует о жизни близнецов, живущих в параллельных временах, которые в один момент всё же пересекаются. Борис Г. из Болгарии боится дьявола в шкафу, олицетворяющий все страхи, переходящие в его семье от поколения к поколению (и суеверные страхи всех славян вообще), но который в итоге оказывается лишь куклой. Полячка Катарина Мнишек, ведущая свой род от знаменитой Марины Мнишек, пишет исповедь дочери византийского императора, отданной замуж в девять лет, и понимает, как судьба её и этой девочки тесно переплетены. Ян Липка из Словакии описывает диспут двух учёных о времени и вечности человека в нём, который заканчивается убийством и самоубийством. Ближе к концу романа мы знакомимся с рассказом чешского писателя Седлачека, который рассказывает о том, как прихотлив узор судьбы: на перроне сидят два человека, бессмысленно обсуждая, скоро ли приедет поезд, – этими двумя оказываются Кафка и Гашек, а рассказ, таким образом, становится историей их «невстречи». Но Седлачек исправляет это в мире вымысла: в самом рассказе мы слышим юмор, свойственный Гашеку, а давящая и душная атмосфера перрона будто описаны Кафкой. Рассказ, завершающий антологию, принадлежит русской писательнице Екатерине Тютчевой, не имеющей никакого отношения к Ф. Тютчеву, но по мироощущению близкой к нему: она в лирическом тоне вспоминает шесть картин, когда-то принадлежащих её семье, философски осмысляет их и оказывается, что жизнь Екатерины просвечивает сквозь эти картины – моменты её биографии словно повторяют живописные сюжеты, усвоенные в детстве.

Нетрудно заметить, что лейтмотивами, организующими повествование рассказов славянских писателей (за масками которых всё время выглядывает единственный актёр бумажного театра М. Павич), становятся *время и судьба*. «Так же как существуют плодоносные и неплодоносные годы, существует плодоносное и неплодоносное время», – заявляет автор древней надписи на глиняной египетской табличке [2, с. 57]. Именно ко времени, к «плодоносному времени» – прошлому славянских народов и культур и воплощённым в нём судьбам обращены помыслы писателей; они рассуждают о цикличности судьбы во времени, о взаимопроникновении судеб прошлого и настоящего, о превратностях судьбы. Интерес к этим темам М. Павич сохранил ещё с момента написания «Хазарского словаря», где в зеркалах христианской, иудейской и исламской культур отражается «хазарский вопрос», который тянется во времени до XX в. И как не может быть единого ответа на вопрос хазарского кагана, какая религия должна быть принята его народом, так и не может быть однозначного взгляда на человеческую судьбу, протекающую во времени и в какой-то момент соединяющуюся с другими судьбами. И только сон – любимый художественный приём М. Павича – может обнажить эту связь: так, только во сне героиня рассказа «Занавеска» чувствует связь со своей сестрой-близнецом, которая живёт в параллельном времени; она переживает с ней потерю невинности, беременность, роды. Но в какой-то момент (видимо, после смерти двойника) ткань, соединяющая реальность и сон, разрывается, и в жизни героини появляется Корделия – девочка, которая родилась в параллельном времени, в мире сна.

В рассказе «Двуствольный пистолет» эта тема развивается и идёт ещё дальше. Учёные университета Джура в XVIII в. рассуждают о природе времени: один из них спрашивает, есть ли параллельное время, после чего, получив утвердительный ответ, спрашивает:

«– А что получается, когда он [человек. – Д.К.] умрёт? Я умираю каждый день. Каждый вечер происходит небольшое упражнение во временной смерти. Но смерть и в самом деле временна. Каждодневный конец жизни. Что вы об этом думаете?»

– Человек никогда не умирает. Его время никогда не угасает. Оно остаётся и после его смерти...» [2, с. 121].

Здесь слышится и «Макбет» У. Шекспира («сон – смерть каждодневной жизни»), и вера в то, что соприкоснуться с параллельной реальностью мы можем лишь во сне – или смерти. Последний вариант и выбирают учёные, когда пытаются доказать вечность человеческого времени, покинув для этой цели реальный мир с помощью двуствольного пистолета.

Тема смерти как границы между мирами связана с *христианским мироощущением*, присущим всем славянским писателям антологии. Христианские (а точнее – православные) мотивы пронизывают рассказы. М. Павич так описывает кончину Екатерины Тютчевой, автора из России: «Умерла в 2003 году, в лесу, собирая землянику, и с её кончиной связана одна небольшая история – свидетели смерти этой старой дамы говорят, что если бы кто-нибудь догадался проследить за взглядом её широко открытых мёртвых глаз, то увидел бы ангела, возносящегося к вершинам деревьев. Но никто не догадался» [2, с. 155]. Сама же Тютчева в своём рассказе вспоминает, как удивлялась в детстве, глядя на картину испанского мастера, который изобразил Христа очень похожим на испанца, а ангелов над Его головой – с лицами мавров. Детское сознание ещё не могло ощутить отпечаток культурной памяти, который придал картине такие специфические черты. Но память девочки запечатлевает любопытные детали образа Христа: «Он был бледен, а Его взгляд был так выразителен, что остался в моей памяти, хотя все остальные детали картины поблекли. Ещё мне запомнилось, что волосы у Него были тёмными, очень короткими, а залысины слишком большими для ребёнка» [2, с. 157]. Взгляд улавливает то, что способен понять только разум: выразительный взгляд и залысины – признаки уже недетской мудрости Христа.

Но Екатерина смотрела на картину. А герои рассказа «Икона на золоте» обсуждают происхождение иконы св. Димитрия. Покупатель из России, живущий в Глазго, ощущает потребность в иконостасе, поэтому собирается приобрести редкую и древнюю икону. Но его потребительский интерес вдруг пропадает, когда он попадает под очарование иконы. Продавец рассказывает сложную историю её происхождения: написана она в Македонии по греческому образцу, написал её клефта (христианин из Албании), золота для оклада добывали в рудниках Боснии, а слова «святой Димитрий» вырезаны на древнем сербском языке. Покупатель констатирует: «Получается, что вашу икону создавали все народы, которые живут на Балканах. – Верно. Поэтому она икона. В другом случае это была бы картина» [2, с. 64].

Так и со славянской литературой: создают её все народы, которые называют себя славянами, и, несмотря на все различия между национальными литературами, есть нечто общее, что объединяет их, – это пристальный и вечный интерес к времени и судьбе, прочная связь с прошлым, без которого невозможно будущее, и христианская основа мироощущения, органично впитавшая в себя славянские предания и верования. Это и воплотил М. Павич в «Бумажном театре», показав, как взаимодействуют с помощью художественного слова культуры славянских стран, но понять это можно, лишь внимательно вглядываясь в роман, «ибо ничто на свете не является таким, каким кажется на первый и даже на второй взгляд» [2, с. 29].

Литература

1. **Бахтин М.М.** Из предистории романного слова // М.М. Бахтин Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
2. **Павич М.** Бумажный театр: роман-антология, или Современный мировой рассказа/ М. Павич // пер. с серб. Л. Савельевой. – СПб: Амфора, 2009. – 163 с.
3. **Шатько Е.В.** Образы Кирилла и Мефодия в романе М. Павича «Хазарский словарь» / Е.В. Шатько // Славянский альманах» [Электронный ресурс]. – Москва, 2012. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-kirilla-i-mefodiya-v-romane-m-pavicha-hazarSKIY-slovar> (дата обращения: 12.10.2019).

УДК 821.161.1–31.09+929 Пастернак

**ОБРАЗ РЕВОЛЮЦИИ В РОМАНЕ Б. ПАСТЕРНАКА
«ДОКТОР ЖИВАГО»**

Молодцов А.Б.,

ассистент кафедры русской и мировой литературы
ЛНУ имени Тараса Шевченко
г. Луганск

Аннотация: в статье рассматривается образ революции в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» с позиций ведущей проблематики романа. Прослеживается изменение отношения протагониста к революции. Обуславливается двойственность восприятия революции и раскрывается ее суть.

Ключевые слова: революция, преемственность, новизна, простота.

Abstract: in the article the image of revolution in the novel by B. Pasternak "Doctor Zhivago" is considered from the perspective of leading issues of the novel. There is traced the evolution of protagonist's relation to the revolution. It is determined the duality of perception of revolution and its essence is revealed.

Key words: revolution, succession, novelty, simplicity.

*В неземной новизне этих суток,
Революция, вся ты как есть.*

Б. Пастернак, «Девятьсот пятый год»

Русская революция 1917 года является одним из тех событий, что определили ход мировой истории надолго вперед. По своему духу и значимости она выражает своеобразие русского характера и русского народа с присущим ему самосознанием и пониманием истории. Будучи плодом почти полувековой деятельности «новых людей», социалистов, «отцов», как называет их Б. Пастернак в поэме «Девятьсот пятый год», революция не стала местечковым конфликтом, проявилась не только в смене правящей силы и формы государственности, но и во всеобщем народном сознании, поскольку она затронула все общество в целом.

В романе Б. Пастернака «Доктор Живаго», в котором автор изобразил, по собственному определению, «роковое сорокапятилетие России», центральной силой и мерилom действия является революция 1917 года, воспринятая и понятая как метафизическое явление универсального масштаба. По словам Д. Лихачева, «Пастернак – сын своего времени, времени трех революций, когда рушились не только старое государство и старый общественный строй, но все перегородки и когда все пришло в движение» [4, с. 31].

Прямого изображения революционных событий в романе нет, само время ее свершения проявляется косвенно, в экстренных выпусках газет, объявлениях, декретах, условиях нового быта. Так или иначе предшествующие революции события, и, тем более, последующие. являются обусловленными ею, в них она находит свое отражение. Более того, по выражению В. Шаламова, в романе «Доктор Живаго» впервые за долгое время был изображен «думающий человек», поэтому именно «суждениями о жизни» роман особенно ценен. Символичность примет революционной эпохи объясняется размышлениями о них самих персонажей, в первую очередь, конечно, самого Живаго.

Среди широчайшего диапазона проблематики «Доктора Живаго» двойственность образа революции является одной из главнейших. Эта двойственность, с одной стороны, выгодно отмежевала роман Б. Пастернака от вульгарно-социологических трактовок революции, а с другой – поставила его под удар идеологически ангажированной критики и партийного руководства, запустила «травлю» поэта. Дело заключается в отношении к революции, которое запечатлено в романе: насколько охотно Живаго приветствовал ее и восхищался ей поначалу,

настолько же впоследствии относился к ней критически. Именно так трактовала роман редколлегия журнала «Новый мир», отказавшая Б. Пастернаку в его публикации. Она отказывалась понять необходимое и существенное различие между двумя ипостасями революции в восприятии Живаго и его творца. На наш взгляд, именно понимание этой двойственности образа революции и является ключом к осознанию и художественной, и даже общественно-политической обстановки послереволюционной России вплоть до Великой Отечественной войны. Двойственность революции обусловлена глубочайшей проблемой «персональной поэтики» Б. Пастернака – проблемой истинного и ложного.

С одной стороны (и в первую очередь), революция явилась России, в понимании Живаго, как безличное, почти природное явление, поскольку и история понималась им как «растительное царство». В природе она наиболее выразима в образе метели. По своей сути это блоковское восприятие революции. В его поэме «Двенадцать» революцию также символизировала метель, уравнивающая землю и небо, растворяющая границы предметов, людей и понятий. Она резко противопоставлялась размеренности будней, обыденности и косности. Опять-таки в блоковской традиции революция мыслилась апокалиптически и близилась неизбежным будущим. Однако сила, движущая и подготавливающая эту катастрофу, не совпадала с ее непосредственными исполнителями, революционерами. Перелом назревал в масштабе всего мироздания, и революция стала его главным воплощением и символом для многих людей, веривших в построение «новой» жизни. Живаго «понимал, что он пигмей перед чудовищной машиной будущего, боялся его, любил это будущее и втайне им гордился...» [3, с. 234].

Такое понимание революции возможно только с глубоких личностных позиций. Только в изображении жизни частного человека проявляется огромность свершившегося переворота. Для Живаго как для независимой, свободной личности революция явилась сбывшимся будущим, которое одновременно было подготовлено и прошлым, и совершенно новым. Отсюда вытекает и наиболее ценное в революции для Живаго – ее необузданная, стихийная и величественная свобода, пока еще не установленная и не законсервированная новая власть, но уже и не старые, изжившие себя формы общества, искусства и быта. Пораженный Живаго говорит Ларе в Мелюзееве: «Подумайте: со всей России сорвало крышу, и мы со всем народом очутились под открытым небом. И некому за нами подглядывать. Свобода! Настоящая, не на словах и в требованиях, а с неба свалившаяся, сверх ожидания. Свобода по нечаянности, по недоразумению. И как все растерянно-огромны! Вы заметили? Как будто каждый подавлен самим собою, своим открывшимся богатством <...> Революция вырвалась против воли, как слишком долго задержанный вздох. Каждый ожил, переродился, у всех превращения, перевороты. Можно было бы сказать: с каждым случилось по две революции, одна своя, личная, а другая общая» [3, с. 185–186].

Следствием этого чудесного освобождения Живаго (а за ним и Б. Пастернак) видит утопическое, к сожалению, не сбывшееся будущее: «Мне кажется, социализм это море, в которое должны ручьями влиться все эти свои, отдельные революции, море жизни, море самобытности. Море жизни, сказал я, той жизни, которую можно видеть на картинах, жизни гениализированной, жизни, творчески обогащенной» [3, с. 186].

Будучи поэтом, Живаго, по большому счету, склоняется перед величием момента и видит в нем великий шанс, возможность «новой» жизни, которая заключается, в первую очередь, в равенстве человека самому себе, в его величии и свободе (то есть в тех чертах, которыми обладала революция). Для Живаго такое понимание революции останется истинным до конца жизни, он не обманулся в эпохальности происходящего, и вкус свободы был реален, о чем он запишет впоследствии уже в Варыкине по отъезде Лары: «За своим плачем по Ларе он оплакивал также то далекое лето в Мелюзееве, когда революция была тогдашним с неба на

землю сошедшим богом, богом того лета, и каждый существовал по-своему, и жизнь каждого существовала сама по себе, а не пояснительно-иллюстративно, в подтверждение правоты высшей политики» [3, с. 586].

Однако уже по возвращении в Москву с фронта он замечает какую-то искусственность поведения людей и начинает писать «Игру в людей», «мрачный дневник или журнал тех дней, состоявший из прозы, стихов и всякой всячины, внушенной сознанием, что половина людей перестала быть собой и неизвестно что разыгрывает» [3, с. 235]. Уже без радостной патетики, а в глубокой задумчивости Юрий Андреевич будет констатировать о революции: «Какая великолепная хирургия!» [3, с. 248]. Но корнем и нервом живаговского понимания и восприятия революции является ее изначальная «неслыханная простота», с которой совершается великий момент и с которой не может соразмериться человек. В этом истинном, по Б. Пастернаку, образе революции простота величественности является ее главным признаком, в принципе родственным и присущим в своей чистоте русскому характеру: «В том, что это так без страха доведено до конца, есть что-то национально-близкое, издавна знакомое» [3, с. 248]. Но дело не только в «вечно величественных и гибельных выходках, которых никогда нельзя предвидеть» [3, с. 504], а в том особо русском совмещении полярных явлений: быта и бытия, прозы и поэзии, любви и ненависти, вещного и отвлеченного, а применительно к образу революции – великого и простого, выдающегося и незаметного, внезапного и подготовленного, – которое характерно для русского народа. Верность не только величию, но и его естественности далеко не до конца понята в романе. «Главное, что гениально? <...> Это небывалое, это чудо истории, это откровение ахнуто в самую гущу продолжающейся обыденщины, без внимания к ее ходу. Оно начато <...> в первые подвернувшиеся будни, в самый разгар курсирующих по городу трамваев. Так неуместно и несвоевременно только самое великое» [3, с. 248–249].

Однако, с другой стороны, образ революции в реальности воплотился в опошлившемся искажении истинного, в карикатуре, подделке. Торжество ложной революции Живаго, чуткий диагност, начал распознавать уже в зародыше – тогда же в Москве меж двух революций и перед гражданской войной («Игра в людей» и т.д.). Как ни парадоксально, но ложность революции кроется как раз в подготовленности, соблюдении форм и обрядов, в несамостоятельности и творческом бесплодии мышления получивших власть людей, в их паразитировании на свободе и недоверии к ней.

Все дальнейшее развитие действия прослеживает, как «время свертывает в творог седые сливки бытия» (как писал Б. Пастернак о судьбе В. Маяковского), то есть как живительная сила и свобода революции слабеет и костенеет. В лучшем случае ее судьба схожа с нечеловечески железным характером Антипова-Стрельникова, не обладающего, несмотря на все свои волевые усилия, «даром случайности» и не способного к естественному соответствию с самим собой, отчего у него жизнь искусственно раздвоилась и, в конце концов, погасла в силу им же придуманных причин. В худшем случае судьба ложной революции – это судьба революционеров, переродившихся в советских бонз и чинуш, Антипова-старшего и Тиверзина. Б. Пастернак называет этот процесс «поклонением духу ограниченности». Живаго записывал: «Истории никто не делает, ее не видно, как нельзя увидеть, как трава растет <...> Революции производят люди действенные, односторонние фанатики, гении самоограничения. Они в несколько часов или дней опрокидывают старый порядок. Перевероты длятся недели, много годы, а потом десятилетиями, веками поклоняются духу ограниченности, приведшей к перевероту, как святыне» [3, с. 585–586].

Таким образом, наиболее трудное и важное отличие между истинным и ложным образом революции в романе «Доктор Живаго» заключается в том, что последняя отчаянно «воспроизводит» первую, но никак не может предстать в ее величии, и пропасть между ними только растет. Причина тому лежит в невысказанной в романе прямо, но обнаруженной нами

закономерности: «неземная новизна» истинной революции не является случайной, как это кажется Живаго, – эта случайность подготовлена целым комплексом сошедшихся усилий мысли и дела. Отсюда ее, на первый, будничныи взгляд, невысмысленное, но – при тщательном рассмотрении – закономерное и естественное появление как соответствие преемственности, ее породившей. Она почти незаметна, как шум водопада во время поездки на Урал. Ложное восприятие образа революции сопряжено с полным отказом от преемственности, дающей силу и величие. Оно толкает на искусственность и броскость. Дело в том, что если революция в истинном понимании предстает более как освобождение от условностей форм, нежели как утверждение каких-то новых неукоснительных правил, то в ложном понимании она диктует все новые, насильственные и искусственные условия, которым нужно подчиняться и подчинять жизнь. Однако свободу нельзя «построить». Тем парадоксальнее разница между ними, что ложные условия уходят от настоящей жизни все дальше и становятся фикцией, головной выдумкой, карикатурой в силу отсутствия внутренней силы преемственности, освобождающей от форм. Ложность восприятия революции началась не с нее, это косное сознание присутствует у разных персонажей романа на протяжении всего действия и основывается на разрыве с естественным и незаметным зовом свободы в пользу вычурной кабалы условности.

Литература

1. **Быков Д.Л.** Борис Пастернак / Дмитрий Быков. – 13-е изд. – М. : Молодая гвардия, 2016. – 893 с.
2. **Лейдерман Н.Л.** Теория жанра [Монография] / Н.Л. Лейдерман. – Екатеринбург, Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО; Ур-ГПУ, 2010. – 904 с.
3. **Пастернак Б.Л.** Доктор Живаго: [роман] / Б.Л. Пастернак. – М. : Издательство АСТ, 2015. – 704 с. – (Эксклюзив: Русская классика).
4. **Пастернак Б.Л.** Собр. соч.: В 5 т. / Вступ. статья Д. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1989. – Т. 1. – 751 с.

УДК 821.161.1 – 311.2.09: 929 Шолохов

**СВОЕОБРАЗИЕ СИМВОЛИКИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В
РОМАНЕ М.А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»****Овчинников Ф.В.,**

ассистент

кафедры русской и мировой литературы

ЛНУ имени Тараса Шевченко

г. Луганск

Аннотация: в статье анализируются проблемы, связанные с символикой изображения гражданской войны, революции в романе-эпосе М. Шолохова. Рассматриваются вопросы жанрового и художественного своеобозразия символической поэтики в сюжетно-композиционной структуре романа «Тихий Дон».

Ключевые слова: казачество, революция, гражданская война, символика, реализм, общечеловеческие нравственные ценности.

Annotation: the article analyzes the problems associated with the symbolism of the image of the civil war, the revolution of the epic novel of M. Sholokhov. The issues of genre and artistic originality of symbolic poetics in the plot-compositional structure of the novel "The Quiet Don" are considered.

Keywords: Cossacks, revolution, civil war, symbolism, realism, universal moral values.

Любая гражданская война и ее последствия – трагическая страница жизни и истории как для отдельного человека, его близких, так и для всего общества. Начало XX века ознаменовалось тяжелыми бедствиями и потрясениями для многих народов, ставшими заложниками тяжелого экономического кризиса, геополитических интересов крупнейших мировых держав, приведшего к Первой мировой войне, февральской и октябрьской революциям 1917 года в России. Вследствие ряда вооруженных столкновений между различными политическими и социальными формированиями, а также усиления недовольства среди простого народа, страдающего от затянувшихся военных действий на фронтах Первой мировой, голода, разрухи, смены государственного управления, началась гражданская война, неисчислимо увеличив страдания и горе российского народа. Исторические события того времени освещали на страницах своих произведений такие мастера советской литературы, как В. Зазубрин («Два мира»), М. Булгаков («Дни Турбинных», «Бег»), В. Иванов («Бронепоезд 14-69»), И. Бабель («Конармия»), Б. Пастернак («Доктор Живаго»), А. Толстой («Хождение по мукам»), И. Шмелев («Солнце мертвых»). Пожалуй, одним из самых значительных произведений советской литературы XX столетия, раскрывающем всю эпическую полноту жизни донского казачества в период жизненных потрясений на фоне гражданской войны и ряда последующих вооруженных конфликтов, является роман М.А. Шолохова «Тихий Дон».

Новизна работы состоит в том, что данная тема еще не была представлена в шолоховедении в детальном аспекте. В процессе её реализации будут привлечены различные методы литературоведческого характера. Также предпринята попытка рассмотрения значения символики как художественного образного приема на целостное идейно-художественное восприятие романа «Тихий Дон». Кроме того, анализ своеобозразия образов-символов в рамках повествования о гражданской войне и других вооруженных конфликтах на Дону позволяет определить новые и малоизученные аспекты жанровой специфики прозы М. Шолохова в контексте русской литературы XX века.

Михаил Шолохов, рассказывая о своей нелегкой жизни и становлении как писателя, так и говорил о себе: «Поэты рождаются по-разному. Я родился из гражданской войны»

на Дону» [5, с. 157]. Находясь определенный период своей жизни в самом эпицентре этого социально-политического противостояния на территории белого казачьего правительства (1918–1920), будущий писатель видел жизнь в белом лагере воочию. Несомненно, это не могло не повлиять на выбор ракурса художественного освещения событий в «Тихом Доне»: показать не борьбу красных с белыми, а наоборот, белых с красными. Интерес к гражданской войне и ее литературно-историческому осмыслению не стихает и в новом XXI-м столетии, являясь предметом исследований современных литературоведов Юрия Дворяшина, Натальи Корниенко, Татьяны Осиповой, Галины Воронцовой, Александра Дырдина, Юрия Костина и др. Примечательна оценка самого Шолохова относительно освещения в литературе гражданской войны и ее трагических последствий, которую писатель высказывает во вступлении к рассказу «Лазоревая степь»: «Какой-нибудь не нюхавший пороха писатель очень трогательно рассказывает о гражданской войне, красноармейцах, – непременно «братишках», о пахучем седом ковыле. <...> Помимо этого можно услышать о том, как в степях донских и кубанских умирали, захлёбываясь напыщенными словами, красные бойцы. <...> На самом деле – ковыль белобрый трава. Вредная трава, без запаха. <...> Поросшие подорожником и лебедой окопы, молчаливые свидетели недавних боёв, могли бы порассказать о том, как безобразно-просто умирали в них люди» [3]. Другими словами, М. Шолохов призывает к правдивому освещению гражданской войны, не вдаваясь в различного рода украшения ее, безусловно, трагических реалий.

Своим гениальным произведением М. Шолохов продемонстрировал не приукрашенную, жестокую правду о революции и гражданской войне на примере Григория Мелехова, его семьи и всего донского казачества. Главная движущая сила любого вооруженного конфликта между различными социальными группами – политическая и классовая борьба – показана писателем правдиво и реалистично. Противостояние интересов и война внутри отдаленно взятой семьи, между родными, односельчанами разделяет близких, разрушает самое ценное – духовное единство между людьми.

Исследователь В. Гура так характеризует появление идеологических и социальных противоречий в повествовании «Тихого Дона»: «Движение огромных людских масс, решающих судьбу свою в драматических и трагических столкновениях эпохи – все нарастает. Стихия этого людского потока врывается в повествование» [1, с. 246]. Подобно древним эпическим памятникам литературы, роман «Тихий Дон» насыщен символическими образами, способствующими более полному и объективному восприятию широкой панорамы событий в романе. В художественном повествовании, содержащем реалистичные картины как мирной жизни, бытописания, так и военных действий, борьбы двух противоположных политических сил, ключевая роль отводится таким знаковым объектам как донскому пейзажу, земле, «вечным» явлениям природы – солнцу, восходу, закату, ветру, временам года... По мнению литературоведа Л. Черниенко, одна из наиболее сложных проблем, связанных с произведениями М. Шолохова – использование различного типа символики для решения сложнейших художественных задач, которые стремился реализовать писатель. «Реалистические символы в шолоховском романе многофункциональны как и другие художественные приемы. Идеино-художественные задачи, решаемые с их помощью, различные, но особенно активно и результативно они работают на основную гуманистическую идею произведения, раскрытие «диалектики» персонажей, передают настроение, дух эпохи, выражают авторское отношение к герою, событию, идее» [4, с. 17]. Данный вид символа земли, тесно связанный с фольклорными мотивами, иллюстрирует образ земли, дающей жизнь всему живому, возникает уже в эпитафии:

Распахана наша земляшка лошадиными копытами,
 А засеяна славная земляшка казацкими головами,
 Украшен-то наш тихий Дон молодыми вдовами,
 Цветет наш батюшка тихий Дон сиротами,
 Наполнена волна в тихом Дону отцовскими,
 материнскими слезами.

Старинная казачья песня словно предвещает трагические вехи в жизни донского казачества. Символический образ земли тесно соприкасается с вечными понятиями жизни и смерти всех без исключения персонажей романа. В самом начале «Тихого Дона» М. Шолохов рисует живописную картину народной жизни, труда казаков-земледельцев в степи на родной земле. Эти сцены мирного бытописания соприкасаются с тревожным мотивом «колючего солнца, укутанного марью». Можно утверждать, что образ «колючего солнца» несет эмоциональную составляющую и связан с символом тревоги – в мирную, размеренную жизнь казаков скоро ворвется война.

Образ земли-защитницы, словно талисман оберегает Григория и его сослуживцев в кровопролитных сражениях: «...ракета вскинула алое зарево; при свете его Валет видел, как солдаты муравьями ползали меж кустов и деревьев, уже не брезгая грязной землей, а прижимаясь к ней, ища защиты. Люди копошились у каждой рытвинки, никли за каждой крохотной складкой земли, совали головы в каждую ямку» [5, с. 219].

Гражданская война ворвалась в мирную жизнь казаков, подобно хищной птице, оставляя все больше гнетущих символов: «По ночам на колокольне ревел сыч. Зыбкие и страшные висели над хутором крики, а сыч перелетел на кладбище, стонал над бурями затравевшими могилами. – Худому быть, – пророчили старики. – Война пристигнет» [5, с. 252]. Художественный гений М. Шолохова повествует обо всех ужасах Первой мировой и в последствии гражданской войны, с фотографической точностью демонстрируя весь трагизм сражений, бессмысленность жертв, изматывающие будни простых солдат по обе стороны противостояния – «Ложились родимые головами на все четыре стороны, лили рудую казачью кровь и, мертвоглазые, беспробудные, истлевали под артиллерийскую панихиду в Австрии, в Польше, в Пруссии... Знать, не доносил восточный ветер до них плача жен и матерей. Цвет казачий покинул курени и гибнул там в смерти, во вшах, в ужасе» [5, с. 363].

Со свойственным М. Шолохову гуманизмом, стремлением показать реальную жизнь казаков в условиях войны, когда каждый день может оказаться последним, особое значение для писателя приобретает понятие подвига: «А было так: столкнулись на поле смерти люди.., натыкались, сшибались, наносили слепые удары, уродовали себя илошадей и разбегались, вспугнутые выстрелом, убившем человека, разъехались нравственно искалеченными. Это назвали подвигом» [5, с. 313]. В результате длительных нравственных поисков между заклятыми классовыми врагами – белыми и красными Григорий приходит к заключению, что «неправильный у жизни ход...». Представители обеих противоборствующих сторон для достижения своих целей используют одни и те же средства – насилие, террор, подавление всяческого инакомыслия, не допуская возможности мирного решения конфликтных ситуаций. Внутренние противоречия Григория, его мучительные раздумья тесно переплетаются с художественными символами-воспоминаниями, способствующим более глубокому пониманию трагедии человека в период потрясений гражданской войны. Григорий, везший на быках по зимней дороге патроны, мучительно думает о неприятии взглядов двух враждующих сторон, а затем, уткнувшись лицом в сено, «пропахшее сухим донником и сладостным куревом июньских дней», засыпает. Во сне «со спящей яркостью» видит он Аксинью, какой была она пять лет назад в Ягодном, ходит с ней по высоким шуршащим хлебам. Проснулся от толчка. Встречные сани везли мертвецов, «тифозных». И, отворачиваясь, уходя от жестокой

действительности, вновь возвращается Григорий во сне к полузабытому прошлому. Во время восстания, пытаясь в пьянстве, в случайных связях найти забвение, уйти от неотвязных мыслей о гибельности выбранного им пути, Григорий вспоминает Аксинью как незабываемую, единственно любимую. И рядом, тут же, «голубым солнечным днем проплывало в несвязных воспоминаниях детство...» [1, с. 276].

В реалистичное повествование трагедии гражданской войны Шолохов вплетает ряд символов-лейтмотивов, таких как туман, мгла, месяц, гром, ассоциируемых со страшными природными знаменьями: калено-красный огромный щит месяца, трескучие раскаты грома, оледенение веток... «Будто конная невидимая рать шла левобережьем Дона, темным лесом, в сизой тьме, позвякивая оружием и стремями» [1, с. 116]. Все эти символы создают предчувствие скорого прихода красных, заостряют внутренние противоречия от неминуемой и бессмысленной братоубийственной войны.

С большой достоверностью Шолохов повествует о ходе военных действий в «Тихом Доне». Как будто писатель сам присутствует во всех без исключения батальных сценах и сражениях: «От Балтики смертельным жгутом растягивался фронт. В штабах разрабатывались планы широкого наступления, над картами корпели генералы, мчались, развозя боевые припасы, ординарцы, сотни тысяч солдат шли на смерть» [5, с. 336]. Но если в Первую мировую казаки, солдаты и вся российская армия сражалась с внешним врагом, то трагедия революции и гражданской войны состояла в том, что «классовый антагонизм» лишает людей истинных стремлений, приводит к бессмысленным жертвам.

Говоря о символике в контексте отображения гражданского противостояния, борьбы красных и белых сил, необходимо отметить значительную роль природы, которая всем своим единством призывает героев отказаться от насилия и жестокости. Лейтмотивом сквозь весь роман проходит образ донской степи, которая одухотворена и наделена многими «живыми» чертами. В результате осмысления роли образов-символов в освещении событий гражданской войны в «Тихом Доне» очевидным становится то обстоятельство, что, несмотря на все политические и социальные противоречия, человек способен достичь счастья только в гармонии с естественными законами природы и общества. «Гражданская война, она, брат, помимо всего прочего, тем пакостна, что ни победы, ни победителей в ней не бывает...», – говорил Шолохов сыну, – ведь беды Гражданской войны на Дону для Шолохова – не абстракция, но горький личный опыт, который плугом прошел и через их большую семью [2].

Литература

1. **Гура В.В.** Как создавался «Тихий Дон»: Творческая история романа М. Шолохова / В.В. Гура. – М.: Советский писатель, 1989. – 390 с.
2. **Кетлинская В.** Михаил Шолохов // Комсомольская правда. – 1934. – 17 августа.
3. **Кузнецов Ф.** «Тихий Дон»: Судьба и правда великого романа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : – <http://tihij-don.odn.org.ua/c777.htm>
4. **Черниенко Л.В.** Об одной из особенностей художественной системы М. Шолохова / Л.В. Черниенко // Шолоховский сборник: материалы Шолоховских чтений, прошедших к 100-летию М.Шолохова. – Луганск: Альма-матер, 2005. – С. 16 – 19.
5. **Шолохов М.А.** Собр. соч.: В 8 т. – М.: Правда, 1980. – Т. 2. – 357 с.

УДК 061.2:37:304(477.61-ЛНР)

ОТ СОТРУДНИЧЕСТВА К ИНТЕГРАЦИИ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ЛУГАНСКАЯ АССУЛ»

Селютина Е.В.,

старший преподаватель
кафедры русской и мировой литературы
ЛНУ имени Тараса Шевченко
г. Луганск

Аннотация: в работе рассматриваются отдельные аспекты сотрудничества Луганской Народной Республики и Российской Федерации в сфере науки и образования в разрезе региональной интеграции на примере образовательных учреждений и общественных организаций. Заострено внимание на вопросах духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания молодежи в современных условиях.

Ключевые слова: сотрудничество, образование, интеграция, воспитание, духовность, патриотизм, наука, общественная организация, народная дипломатия.

Abstract: the paper considers certain aspects of cooperation between the Lugansk People's Republic and the Russian Federation in the field of science and education in the context of regional integration using the example of educational institutions and public organizations. Attention is focused on the issues of spiritual, moral and civil-patriotic education of youth in modern conditions.

Keywords: cooperation, education, integration, upbringing, spirituality, patriotism, science, public organization, public diplomacy.

Современной особенностью глобализации и усложнения политических и интеграционных процессов является выход на лидерские позиции так называемой народной дипломатии, то есть непрофессиональной дипломатии, поскольку она осуществляется лицами или организациями, не облеченными политическими или дипломатическими правами и статусами. Народная дипломатия возникает на основе инициативы от народа, направленной на оказание помощи официальным дипломатическим службам в качестве элемента самоуправления в гражданском обществе, и ее цель – мирным путем участвовать в разрешении возникающих внутренних и внешних проблем своего государства. В условиях «нового мирового порядка» народная дипломатия становится одним из основных акторов международных отношений.

Среди всего многообразия направлений международного сотрудничества именно гуманитарная сфера, включающая жизненно важные вопросы культуры, образования, науки, информации, миграции и социально-трудовых отношений, занимает одно из приоритетных мест.

Толчком нашей интеграции в образовательное пространство Российской Федерации стали не столько горькие события 2014 года, сколько поездка в мае 2015 года в Волгоград, а затем в октябре этого же года в Дагестан на I Всероссийский форум учителей русского языка и литературы. Результатом этих поездок стало подписание договора о сотрудничестве между муниципальным общеобразовательным учреждением «Лицей № 5 имени Ю.А.Гагарина Центрального района Волгограда» и государственным учреждением Луганской Народной Республики «Луганское общеобразовательное учреждение – гимназия № 30 имени Н.Т. Фесенко», а также вступление делегации учителей-филологов из Луганска в ряды Общероссийской общественной организации «Ассоциация учителей литературы и русского языка» (далее АССУЛ) и как результат создание регионального отделения ООО «АССУЛ» общественной организации «Луганская АССУЛ» (руководитель Вокалова Л.А., директор ГУ ЛНР «Гимназия № 30 имени Н.Т. Фесенко»).

Так как в образовании интеграция рассматривается как проявление и отражение реальных связей, имеющих место в объективном процессе воспитания и образования, то на сегодняшний момент в деятельности ЛУГАССУЛ можно выделить несколько интеграционных направлений: воспитательное, образовательное, научно-методическое. Надо отметить, что в каждом направлении ОО «Луганская АССУЛ» выступает как активный участник, так и инициатор проведения различных мероприятий городского, республиканского и международного уровней.

Научно-методическое направление.

1. Ежегодный литературный конкурс «Читаем Альберта Лиханова: книги об истине, честности, победах». 2016 год. В конкурсе приняли участие 143 учащихся из 24 учреждений образования. Победителями стали 47 учащихся из 24 учреждений образования города Луганска и 8 обучающихся из МОУ лицей №5 им. Ю.А. Гагарина г. Волгограда. Каждый из конкурсантов признавался, что, однажды взяв книгу в руки, уже не мог оторваться. 2017 год. 135 учащихся с третьего по 11 класс из 20 учреждений образования города Луганска присоединились к чтению книг Альберта Лиханова и проявили свое творчество в разных номинациях: «Отзыв на книгу», «Подсказанное книгами писателя эссе», «Рисунки, иллюстрирующие произведение писателя», «Обложка книги», «Художественное чтение», «Буктрейлер по произведению писателя». 2019 год. 30 учащихся, пройдя конкурсное испытание в номинации «Заметки на полях»: конкурс эссе к цитатам из книг А. Лиханова» становятся участниками фестиваля русского языка на Луганщине «Родная речь – Отечеству основа». Участники самостоятельной выбирали из прочитанного произведения А.А. Лиханова (или ряда произведений) понравившуюся цитату или отрывок и писали о своем личном восприятии текста, раскрывая глубину понимания мысли автора, свои чувства, образы и ассоциации, возникшие при выборе избранных строк.

2. Акция «Далевский диктант». 22 ноября 2016 года в честь 215-летия со дня рождения Владимира Ивановича Даля Государственное учреждение «Луганский учебно-воспитательный комплекс специализированная школа I ступени – гимназия № 30», Луганская «Ассоциация учителей литературы и русского языка» («АССУЛ») при поддержке Управления образования Администрации г. Луганска Луганской Народной Республики, ГУ «Луганский методический центр», инициировали акцию «Далевский диктант». В Акции приняли участие 50 образовательных учреждений Луганска и 327 образовательных учреждений РФ. Всего в акции приняло участие более 50 000 тысяч обучающихся. 2018 год. В акции приняло участие 23 729 человек из разных областей Российской Федерации: Астраханской, Белгородской, Брянской, Владимирской, Волгоградской, Воронежской, Ивановской, Калининградской, Калужской, Кемеровской, Курганской, Магаданской, Московской, Мурманской, Нижегородской, Новосибирской, Рязанской, Саратовской, Тульской, Ульяновской, Ярославской; Пермского Ставропольского и Хабаровского краев, Ненецкого автономного округа, а также Республики Дагестан, Республики Карелия, Республики Коми, Республики Саха (Якутия), Удмуртская Республика, Чувашской Республики, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики. Участники Акции – это обучающиеся 3–11 классов и взрослые, коллективы образовательных учреждений и индивидуальные участники. 2 996 участников стали победителями акции «Далевский диктант – 2018».

3. Акция «Молодая гвардия» – новое дыхание» планировалась как Республиканская, а стала Международной! Юноши и девушки из Луганской Народной Республики, из различных областей Российской Федерации: Амурской, Астраханской, Волгоградской, Иркутской, Калужской, Московской, Орловской, Ульяновской – из Кабардино-Балкарской Республики, Республики Калмыкия, Республики Крым, читая и перечитывая роман А. Фадеева «Молодая гвардия», приобщились к героическому прошлому своей Родины. Авторские работы (стихот-

ворения) обучающихся и студентов, художественное чтение отрывков из романа показали высокий творческий потенциал молодого поколения и дал новое дыхание патриотическому движению. Еще раз показал, насколько уважительно новое поколение мальчишек и девчонок трепетно относится к исторической памяти.

Продолжая разговор о научно-методическом направлении хочется отметить участие членов ЛУГАССУЛ в жюри очного тура I Всероссийской универсиады «ВЕЛИКИЙ, МОГУЧИЙ!» в январе 2019 года, в рамках которого ГУ ЛНР «Гимназия № 30 имени Н.Т. Фесенко» была вручена благодарность ООО АССУЛ за высокий уровень проведения и учебно-методическое сопровождение международной акции «Далевский диктант – 2018»; а так же обучение луганских асуловцев в июле-августе 2019 года во Всероссийской методической школе молодых педагогов «ДОН: достоинство, оптимизм, новаторство» (ВМШ «ДОН»).

Воспитательное направление – одно из приоритетных в рамках интеграции в образовательное пространство РФ.

2016 год. Февраль. В Луганске инициирована ставшая ежегодной общественная патриотическая акция «Знамя Победы», организованная Управлением образования Администрации города Луганска по инициативе ГУ ЛНР «Гимназия № 30 имени Н.Т. Фесенко» и ОО «Луганская АССУЛ». Делегация школы-гимназии № 30 была участником акции «Знамя Победы» в г. Волгограде в 2015 году, они и привезли копии знамени Победы в Луганск из города-героя Сталинград, ныне – Волгоград.

В этом же году инициирована акция: Вахта Памяти «Пост № 1». 9 мая 2016 года, в 71-ую годовщину Победы в Великой Отечественной войне, вахту Памяти у Пилона Славы несла знаменная группа «Молодогвардеец» гимназии № 30.

04 мая 2017 года в малом зале школы-гимназии № 30 состоялся телемост «Волгоград – Луганск», во время которого был дан старт международной патриотической акции «Лица великой Победы», посвященной 75-ой годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Инициаторами акции стали департамент по образованию администрации Волгограда, комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав в Волгограде, Детский Совет Волгограда, Совет молодых педагогов Волгограда, муниципальное общеобразовательное учреждение «Лицей № 5 имени Ю.А. Гагарина Центрального района Волгограда». В Луганске патриотическую акцию «Лица великой Победы» поддержали управление образование Администрации города Луганска, детско-юношеская организация «Молодая Гвардия» общественного движения «Мир Луганщине», Совет молодежных и детских объединений Луганщины, гимназия № 30 и ЛУГАССУЛ. Итогом акции станет изготовление двух Книг Памяти с информацией об участниках Великой Отечественной войны, подготовленных учащимися МОУ Волгограда и ОУ г. Луганска, и создание на основе собранного материала баннеров с изображением скульптуры «Родина-мать зовёт!» и памятника «Комбат», изготовленного из фотографий лиц участников Великой Отечественной войны.

Духовно-нравственное воспитание.

Сегодня интеграция Донбасса в Российскую Федерацию происходит и в духовной сфере. С сентября 2016 года в Луганске инициирована Международная акция «Звон мира, памяти и радости» в рамках Международного проекта «Колокольчик мира». «Назначение колокольчика – звенеть, извещать. Поэтому колокольчик имеет полное право стать символом памяти, символом мира и символом, приносящим в любой дом радость, – отметила в приветственном адресе руководитель Международного проекта «Колокольчик мир», депутат Волгоградской городской Думы, председатель комитета по образованию, науке, спорту и туризму Волгоградской городской Думы, директора Лицея № 5 имени Ю.А. Гагарина Л.А. Тропкина. – И если во всех уголках нашей планеты в одно время позвонить в колокольчик, то этот перезвон может стать голосом памяти, мира, радости». Вот уже 2 года акция «Звон мира, памяти и

радости» проходит 21 сентября на территории храма в честь иконы Божьей Матери «Умиление», напоминая людям о том, что мир – это ответственность каждого живущего на нашей прекрасной Земле за судьбы нашей планеты и жизни людей.

Образовательное направление.

Международные связи в сфере образования сегодня осуществляются еще и благодаря юным гражданам республики – детям, которые принимают активное участие во многих российских и международных конкурсах, проектах, соревнованиях и других мероприятиях. «Космос говорит по-русски!» – это и название, и девиз Всероссийского фестиваля русского языка на Волге, посвящённого 55-летию Первого полёта в космос Юрия Гагарина, в рамках Всероссийского социально значимого проекта «Ежегодный фестиваль русского языка на Волге», призерами и победителями которого стали луганские школьники. В 2018 году папы учащихся ГУ ЛНР «Гимназия № 30 имени Н.Т. Фесенко» поддержали волгоградскую акцию «Папа, почитай», а в мае 2019 ЛУГАССУЛ инициировала Международную акцию «Папа, почитай о подвигах, о доблести, о славе!»

Можно было бы еще долго перечислять все аспекты и проявления интеграции в сфере науки и образования в республике, реализуемой ОО «Луганская АССУЛ». В перспективе они еще более расширятся. Одно можно сказать твердо: реализация этих проектов и их продолжение явятся существенным фактором развития региона в настоящем и будущем, подготавливая не только профессионально-кадровую, научную, образовательную базу для республики, но и способствуя сближению государств на гораздо прочном и надежном уровне, чем правительственный – на уровне «от сердца к сердцу», «рука к руке», «локоть к локтю» – на уровне общественной дипломатии.

Литература

1. **Азаров В.** «Народная дипломатия» как инструмент формирования положительного имиджа России в мире [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ruskline.ru/analitika/2018/10/2018-10-02/narodnaya_diplomatiya_kak_instrument_formirovaniya_polozhitel'nogo_imidzha_rossii_v_mire/ (дата обращения 14.10.2019).
2. **Словари и энциклопедии на Академике** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://spiritual_culture.academic.ru/1356/%D0%9D%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%B4%D0%B8%D0%BF%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%8F (дата обращения 13.10.2019).

УДК 821.161.2-3.09+929Шевченко

ТВОРЧЕСТВО Т.Г. ШЕВЧЕНКО В УСЛОВИЯХ ЦЕНЗУРЫ

Сорокина Г.А.,

д. пед. н., профессор, первый проректор
ЛНУ имени Тараса Шевченко

г. Луганск

Фоменко В.Г.,

д.филол. н., к.пед. наук, профессор, заведующий
кафедрой журналистики и медиакоммуникаций
ЛНУ имени Тараса Шевченко

г. Луганск

Аннотация: в статье анализируются особенности творчества Т.Г. Шевченко в условиях цензуры. Исследуется период написания «Дневника», а также особенности творчества после возвращения из ссылки. Авторы определяют особенности тематики произведений, влияние античности на творчество поэта, а также роль и значение Петербурга в жизни и творчестве Т.Г. Шевченко.

Ключевые слова: Т.Г. Шевченко, творчество, цензура, «Дневник», фольклор, литература.

Abstract: The article analyzes the features of T. Shevchenko art under censorship. The period of writing the “Diary” is studied, as well as the peculiarities of Shevchenko’s art after his returning from the exile. The authors determine the features of the themes of the works, the influence of antiquity on the poet’s work, and also the role and importance of St. Petersburg in life and T. Shevchenko works.

Key words: T. Shevchenko, art, censorship, “Diary”, folklore, literature.

В процессе изучения произведений XIX века происходит ряд трансформаций как интерпретационного, так и методологического характера. Причин для этого достаточно много и не все они относятся к компетенции литературоведения. В первую очередь, это, очевидно, касается отношения к тому или иному произведению как со стороны общества, официальной науки, которая также подпадает под конъюнктурное влияние, не говоря уже о волюнтаристских вмешательствах различных социальных заказов, в результате которых одни писатели возвращаются из небытия, а другие – на него обрекаются.

С учетом темы и цели нашего исследования мы рассмотрим основные направления творчества Т.Г. Шевченко в период ссылки и жизни в Санкт-Петербурге.

Т.Г. Шевченко – поэт максимально близкий к духовному макрокосму того общества, которое формировалось не под воздействием разнообразных цивилизационных новаций, научно-технологических революций, а ресурсом тысячелетнего опыта работы человека на земле.

Традиции (в том числе и моральные) народной жизни в самом широком понимании: семейные, социально-бытовые, культурные, в объеме сельских будней, касались образной и художественной семантики общенародных разговорных практик, большая часть которых принимала участие и в поэтическом мышлении тех, кто не просто чувствовал, а нашел в лице Т.Г. Шевченко выразителя духовной целостности жизни.

Логика реального мира и мира художественного не совпадали. Как и не совпадала обшая картина жизни, о которой идет речь, например, в поэме «Сон» и в повести «Художник», где царская столица находится в контексте судьбы поэта, но судьбы, которая не соотносится с концептом его родной земли. Обратимся к разделению в творчестве поэта Петербурга прозаического и Петербурга поэтического. Т.Г. Шевченко в своем письме из Новопетровского укрепления к А. Толстой пишет: «Я до того дошёл в своих предположениях (где и как после

освобождения жить), что вообразил себя на Васильевском острове в какой-нибудь отдалённой линии, в скромной художнической кельи об одном окне, работающим над медною доскою (я исключительно намерен заняться гравированием *акватинта*. Живописцем я себя уже и вообразить не могу). Далее, воображаю себя уже и искусным гравёром, делаю несколько рисунков сепией с знаменитых произведений в Академии и в Эрмитаже, и с таким запасом отправляюсь в мою милую Малороссию и на хуторе у одного из друзей моих, скромных поклонников муз и граций, воспроизвожу в гравюре знаменитые произведения обожаемого искусства. Какая сладкая, какая отрадная мечта» [1, с. 118]. Ничем не завуалированная просьба к своей адресатке просить «высочайшего позволения» не только об освобождении, а и о разрешении на проживание в столице, определяет личностно-цивилизационный выбор поэта, который сросся с городом более глубоко и органично, нежели это может показаться читателю, который доверяет мечтам о «хатиночці в тім раї», где поэт чувствовал себя абсолютно счастливым.

Записи в «Дневнике» свидетельствуют о том, что вчерашний бесправный солдат сразу после прибытия с Ново-Петровского укрепления в Астрахань, начинает вести себя, как человек, привыкший к столичной жизни. В «Дневнике» читаем: «По слухам знаю я, о существовании книги под названием «Описание города Астрахани». Но о приобретении её здесь, на месте, и помышлять нечего. Город, не имеющий книжной лавки, значит и читателей не имеет. А как бы, кстати, иметь теперь в руках эту книгу. Там, верно, помещены документальные сведения о времени построения Кремля и собора» [3, с. 80]. «Дневник» свидетельствует о широких знаниях поэта европейской музыки, архитектуры, живописи, это касается и литературы. Поэт благоговел перед могучим протестным духом стихотворений М. Лермонтова и Пьера Жана Беранже.

Акцентируем внимание на необходимости различать образ поэта и личность поэта, а тем более мышление, в частности: «обыденное» и художественное. Высокая поэзия Т.Г. Шевченко, дух которой чувствуется даже в простом пересказе советов Гесиода, присутствовала в душах тех, кто им, безусловно, следовал, считая своим главным занятием работу на земле, сбор урожая, отсутствие войны. Однако войны, в каждом последующем веке становятся более жестокими, длятся меняя не только политическую, но и экономическую «карту» мира, на которой появляются все новые и новые столицы-победительницы. Поэт в предчувствии конца ссылки мысленно рвался в Петербург, а когда там оказался, не скрывал радости по поводу того, что снова может чувствовать себя тем, кем не переставал быть и в ссылке – жителем города, при этом высококультурным: «Были с Семёном в Эрмитаже в отделении древней и новой скульптуры. Я не воображал в таком количестве остатков древней скульптуры в Эрмитаже, вероятно, они собраны со всех дворцов. Прекрасная мысль. В отделении новой скульптуры меня очаровал Танерини своей умирающей Душенькой и обидно разочаровал покойник Ставассер своей неуклюжей русалкой. Смотрели музей древностей, библиотеку и на первый раз тем кончили. Внимание утомилось. Залы музея отделаны с большим вкусом, нежели картинная галерея» [1, с. 179]. Эти записи не отрицают и не преуменьшают значение общечеловеческой составляющей Шевченковского суда над прошлым, которое узаконило социальное неравенство, власть царей. Психологическим фундаментом спора поэта с неправдой была правда и совсем не цивилизационная, хотя намек на неё существует в дневниковой записи от 27 августа 1857 года, в которой рассказывается о нескольких ночах на пароходе «Князь Пожарский». На протяжении этого времени поэт наслаждался игрой на скрипке вольноотпущенного крепостного помещика Крюкова, а теперь буфетчика О.П. Панова, в репертуаре которого было много «общеславянских, сердечных, глубоко унылых песен». «Под влиянием скорбных вопиющих звуков этого бедного вольноотпущенника, – пишет поэт, – пароход в ночном погребальном покое мне представляется каким-то огромным, глухо ревушим чудовищем с рас-

крытой огромной пастью, готовую поглотить помещиков-инквизиторов. Великий Фультон! И великий Ватт! Ваше молодое, не по дням, а по часам растущее дитя в скором времени пожрёт кнуты, престолы и короны, а дипломатами и помещиками только закусит, побалуется, как школьник леденцом. То, что начали во Франции энциклопедисты, то довершит на всей нашей планете ваше колоссальное гениальное дитя. Молю только многотерпеливого Господа умягчить малую часть своего бездушного терпения. Молю его коснуться своим свинцовым ухом хоть одной полноты этого душу раздирающего вопля, вопля своих искренних простосердных молителеев» [3, с. 86–87]. Принципиальное отличие Т.Г. Шевченко от своих малороссийских писателей-современников заключалась в том, что внутренне он не принадлежал к общеимперскому культурному контексту. Причинами этого стали: во-первых будущий поэт родился в селе, был крестьянским ребенком и освоил традиционно культурную сельскую культуру. Во-вторых, его читательские вкусы и пристрастия формировались в вильнюсской библиотеке Энгельгардтов и только в Петербурге расширились на русскоязычные издания. В-третьих, художественная речь и содержательно-ассоциативные поля рецепторики Шевченко-графика, маляра (и наконец, гравера) были общеевропейскими, что сказалось и в его первых поэтических пробах пера, где «ревучий» Днепр, степь, казак, русалка, судьба являются топосами не фольклорного, а литературного происхождения. «Садок вишневи коло хати» – это тоже не подарок Украине Т.Г. Шевченко, а, наоборот, его духовно-космологический артефакт, которым он Украину обозначил и поэтически обессмертил.

Таким образом, на протяжении первой половины XIX века литература Украины своими фольклорно-этнографическими темами выбирала «славное прошлое», которое, собственно, и стало тем «новым», что вырвало её из того образца, в котором преобладали опереточное веселье, героизированное казачество и простонародная готика. Творческое наследие Т.Г. Шевченко положило начало новой литературе, фундаментом которой стало творческое соревнование поэта со временем.

Литература

1. Шевченко Т.Г. Повне зібрання творів: у 12 т.; редкол. Жулинський М., Бородін В. / Тарас Шевченко. – К. : Наук. Думка, 2001 – Т.1 : Поезія 1837 – 1847. – 2001. – 784 с.
2. Шевченко Т.Г. Повне зібрання творів: у 12 т.; редкол. Жулинський М., Бородін В. / Тарас Шевченко. – К. : Наук. Думка, 2001 – Т. 2: Драматичні твори. Повісті. – 2003. – 592 с.
3. Шевченко Т.Г. Повне зібрання творів: у 12 т.; редкол. Жулинський М., Бородін В. / Тарас Шевченко. – К. : Наук. Думка, 2001 – Т. 5 : Щоденник. Автобіографія. Статті. Археологічні нотатки. «Буквар южнорусский». Записи народної творчості. – 2003. – 496 с.

УДК 82.091

ТЕМА ПАТРИОТИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ С. ЕСЕНИНА И Г. ЛОРКИ

Талалаева О.Г.,
преподаватель кафедры
романо-германской филологии
ЛНУ имени Тараса Шевченко
г. Луганск

Аннотация: в статье анализируется поэзия испанского и русского писателей как высшая форма национальной идентичности. Поэзия Сергея Есенина и Гарсиа Лорки сравнивается как наиболее яркие представители национального духа в двадцатом веке.

Ключевые слова: национальное мировоззрение, поэтический образ, метафора, культура, национальные традиции.

Abstract: the article analyzes the poetry of Spanish and Russian writers as the highest form of national identity. The poetry of Sergei Yesenin and Garcia Lorca is compared as the most prominent representatives of the national spirit in the twentieth century

Keywords: national ideology, poetical image, metaphor, culture, national traditions.

Данная тема является актуальной, так как есть много факторов, которые влияют на формирование литературы. Одним из них является история, это древний фундамент, на котором возведена художественная литература; другой фактор – фольклор, с которым рождается литературное произведение; третий фактор – политическая реальность, которая способна раскрыть все двери в новый мир, так что артисты дышат полной грудью, но иногда наоборот действует как кляп что бы прикрывать рты. Однако есть еще одна реальность, более загадочная и иррациональная, которая охватывает все факторы, упомянутые здесь и, как ветер, дует где хочет, игнорирует языковые барьеры и преодолевает культурно-исторические различия. Эта реальность является духом времени, который возникает в разных странах, разделенных тысячами километров, литературные явления, которые не перестают нас удивлять своими удивительными сходствами. Параллели, которые существуют в жизни и работе двух поэтов-мучеников: испанского поэта Г. Лорка и русского поэта С. Есенина. Изучая их биографии, и проанализировав их поэтическую работу можно почувствовать почти мистический тремор, видя, что их жизни были отмечены теми же вехами и что их поэзия выражала те же мотивы и акценты.

Испания и Россия, по меткому выражению Х. Ортеги-и-Гассета, являются «противоположными полюсами европейской оси». Поэтому в культуре этих стран происходило взаимопроникновение Запада и Востока, Юга и Севера, порождая пограничный и синтетический характер этих культур. Испанская культура выступает как продукт средиземноморского евразийско-африканского культурного синтеза. Русская культура в свою очередь сочетает в себе традиции византийской культуры, монгольской государственности, церковно-славянской литературно-языковой традиции. Осознание себя как некоторой целостности, самобытного культурно-исторического типа – главный стержень философских поисков двух наций на протяжении XIX–XX вв. История формирования национальной целостности, критическое осмысление национального мировоззрения, выраженное в методологической и теоретико-познавательной проблематике – таковы ведущие типологизирующие признаки национальных философских традиций. Национальная философская традиция предстает в этом аспекте как высший уровень национального самосознания, который содержит в себе определенную картину мира, философию истории и типичную для данного сообщества иерархию ценностей.

Поэтический мир С. Есенина и Г. Лорки выбран нами как объект сравнения, так как оба поэта являются наиболее репрезентативными выразителями национального духа в начале XX века.

«Но и тогда, / Когда во всей планете / пройдет вражда племен, / Исчезнет ложь и грусть – / Я буду воспевать / Всем существом в поэте / Шестую часть земли / с названием кратким «Русь»» [2, с.37].

Оба поэта через эстетизацию национального пейзажа и национального характера создавали «совокупный образ национального бытия». В творчестве Сергея Есенина осуществлен синтез языческой славянской культуры и христианства. Поэтический мир Г. Лорки сочетает языческие представления с элементами римской мифологии и христианства [1, с. 84].

Среди большого количества схожих тем у обоих поэтов особое место занимает пейзажная лирика. Любовь к своей родине так отчетливо видна в строках, описывающих природу и красоту таких далеких, но таких родных сердцу стран.

Тема Родины в творчестве С. Есенина раннего периода тесно связана с видами пейзажей центральной полосы России: безграничных полей, золотых лесов, живописных озер. Поэт любит крестьянскую Россию, что находит выражение в его текстах. Героями его стихов являются: мальчик, который просит милостыню, рабочий, идущий на фронт, девушка, которая ждет любимого с войны. Такова была жизнь людей в те дни. Октябрьская революция, которая, как думал поэт, станет этапом на пути к прекрасной новой жизни, привела к разочарованию и недоразумению.

Каждая строка стихотворений поэта полна любви к Родине. Родина в творчестве С. Есенина, по его признанию, является главной темой.

Безусловно, поэту удалось заявить о себе с самых первых произведений, но это особенно оригинально, почерк отчетливо виден в стихотворении «Гой, ты Русь, моя родная». Поэт чувствует от природы: богатство, вред, порой превращающийся в вандализм, безграничную любовь к родине. Самые ранние стихи С. Есенина на земле полны ярких красок, запахов, звуков. Возможно, именно простота и ясность большинства людей сделали его таким знаменитым за свою жизнь. Примерно за год до своей смерти С. Есенин пишет полные стихи разочарования и горечи, в которых говорится о его переживаниях за судьбу своей родины: «Но более всего / Любовь к родному краю / Меня томила, / Мучила и жгла» [3, с. 146].

Жизнь и творчество С. Есенина попадают в период великих перемен в России. Поэт находится на пути из России, охваченной мировой войной, в страну, полностью измененную революциями. События 1917 года вселяли в С. Есенина надежду на светлое будущее, но вскоре он понял, что обещанный утопический рай невозможен. Находясь за границей, поэт вспоминает свою страну, внимательно следит за всеми событиями, которые происходят. Его стихи отражают опыт судьбы людей, отношение к переменам: «Мир таинственный, мир мой древний, / Ты, как ветер, затих и присел. / Вот сдавили за шею деревню / Каменные руки шоссе» [2, с. 209].

Работа С. Есенина пронизана тревогой за судьбу села. Он знает о трудностях сельской жизни, об этом свидетельствуют многие стихотворения поэта, в частности: «Край ты мой заброшенный».

Однако, как бы прекрасно и творчески С. Есенин ни пел о простоватой Руси, его любовь к родине, несомненно, глубже, он гордился своей страной и тем, что родился для нее в такое трудное время. Тема нашла отражение в поэме «Русь советская».

Из-за крестьянского происхождения, детство и юность обоих поэтов были пронизаны духовностью своих народов; но они также подвергались опасности, которая очерняла человеческие жизни в то время. Брат Г. Лорки умер в возрасте двух лет, а у матери С. Есенина умерли 10 детей из 14, которых она родила. Будущих поэтов смерть тоже коснулась своим

черным крылом; Г. Лорка заболел тифом, когда он уже жил в Гранде. С. Есенин тоже заболел тифом, когда ему было 16 лет. Так же следует отметить, что оба поэта, как бы не любили свои деревни, в которых они родились, переехали в столицы. С. Есенин прибывает в Москву в 1912 году, в возрасте 17 лет, а Г. Лорка переезжает в Мадрид в 1919 году, в возрасте 21 года. Именно здесь мы видим, как разные дороги, которые привели их к высокой поэтической славе.

Поездка в Нью-Йорк является так же одной из этих удивительных параллелей, которые мы видим в биографиях С. Есенина и Г. Лорки. Испанский поэт совершил поездку в Северную Америку, чтобы учиться в Колумбийском университете. Как и С. Есенин, Г. Лорка видел Нью-Йорк как вершину дегуманизации. За десять месяцев его пребывания в Нью-Йорке, он не перестал обличать город, утверждая, то он как смесь жестокости и страданий, «где не существует небес». Его повседневный опыт в Нью-Йорке был отражен в книге стихов, которые не будут опубликованы до его смерти. Поэт пишет: «Nueva York de cieno, Nueva York de alambre y muerte. Qué ángel llevas oculto en la mejilla?» [5].

Красота образов, созданных Г. Лоркой и С. Есениным, не обусловлена только их поэтическим талантом, но и глубокими знаниями их родных языков, метафорических структур, а так же их фольклорных корней.

Главная особенность, которая связывает поэтическую работу Г. Лорки с С. Есениным – это метафора.

Квинтэссенция образов Г. Лорки находится в этих знаменитых словах: «Empieza el llanto de guitarra / Se rompen las copas de lamadrugada...» [5].

Этот образ как визуальный, так и звуковой: чаша рассвета ломается, и свет льется как золотое вино, и звон первых голосов эхом отходит. Очень любопытно, что в одном из своих стихов С. Есенин употребляет почти похожую метафору: «Грянул гром. Чашка неба расколота. Разорвалися тучи тесные».

В стихах русского поэта мы найдем полный мир цветов, голосов и запахов. «Свищет ветер, серебряный ветер, В шелковом шелесте снежного шума» – говорит поэт в одном из своих последних стихов. Читатель слышит свист зимнего ветра, видит грустный свет снежинок и даже ощущает холодное касание на своем лице. Есенинская зима «Поет зима – аукает, / Мохнатый лес баюкает / стозвоном сосняка». В этих строках лес больше не просто лес, а спящий зверь. В метафорах русского поэта раскрывается вся величина поэтического образа, как определено Г. Лоркой в его лекции: «La imagen es, pues, un cambio de traje, fines u oficios entre objetos o ideas de la Naturaleza. Tiene sus planos y sus órbitas. La metáfora une dos mundo antagónicos por medio de un salto ecuestre de la imaginación» – образ – это смена костюма, граница и работа между объектами или идеями Природы. У них есть свои плоскости и свои орбиты. Метафора объединяет два антагонистических мира через скачок воображения» [4]. Это то, что никогда не соединяется и не сталкивается: большое и малое, живое и неодушевленное, вечное и мимолетное. Поэтический образ объединяет все эти миры, образуя единую вселенную, в которой все явления и все вещи, люди и животные, являются сообщающимися сосудами. Луна, королева этой магической вселенной, постоянно маскируется до такой степени, что читатель уже чувствует растерянность и не понимает, где находится небо и где находится темная вода пруда, населенного лягушками и черепаками; Лорка говорит: «Blanca tortuga, luna dormida, / qué lentamente caminas!» – «Белая черепаха, спящая луна, как медленно ты идешь!»; и Есенин: «Золотую лягушкой луна / Распласталась на тихой воде».

В волшебной вселенной, созданной поэтами, деревья занимают особое место. Они больше не дрова для наших печей, не древесина для постройки наших домов, а укрытие для птиц, или живых существ со своими судьбами и характерами. «Держат липы в зеленых лапах / Птичий гомон и щебетню», – так описывает Есенин одно из своих любимых деревьев. В стихах Г. Лорки мы часто видим оливковые деревья, эти деревья типично испанские: «Los

olivos / están cargados / de gritos. / Una bandada de pájaros cautivos, / que mueven sus larguísimas / colas en lo sombrío» [5]. В творчестве обоих поэтов каждому дереву соответствует его роль, его образ. Для С. Есенина березы похожи на белые свечи, сосна похожа на старуху с носовым платком на голове, ивы сравниваются со скромными монахинями, а клен – это давний друг, с которым поэт делится своими глубочайшими чувствами.

С. Есенин и Г. Лорка, эти поэты-мученики, были поглощены молохом диктатуры. Но они оставили нам свою поэзию, которая уже является частью нашей жизни, нашей души. Как сказал Г. Лорка в одном из своих самых привлекательных стихов: «Las alamedas se van, / pero dejan su reflejo...» – «Увядают тополя, / Оставляя свой отсвет».

Литература

1. **Арсентьева Н.Н.** «Серебряный век» русской и испанской поэзии. Опыт сопоставления / Н.Н. Арсентьева. – Москва: Изд-во РИО МПГУ, 1995. – 108 с.
2. **Есенин С.А.** Полное собр. соч.: В 7 т. / С.А. Есенин – М.: «Наука» – «Голос», 1997.– Т. 2. – 464 с.
3. **Есенин С.А.** Собр. соч.: В 3 т / С.А. Есенин. – М.: Правда, 1970. – Т.3. – 383 с.
4. **Federico García Lorca.** La imagen poetica de Luís de Góngora [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.biblioteca.org.ar/libros/155302.pdf>, свободный.
5. **Lorca Federico García Libro de poemas (1921)** [Электронный ресурс] / Federico García Lorca – Электрон. текстовые дан. – ES. : [б.и.], 2004. – Режим доступа: https://federicogarcialorca.net/obras_lorca/libro_de_poemas.htm, свободный.

УДК 929

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН – УЧАСТНИК ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Трушин А.С.,

к. техн. н., доцент РГРТУ им. В.Ф. Уткина

г. Рязань

Аннотация: в статье рассматривается участие великого русского поэта-лирика Сергея Есенина в I Мировой войне в должности санитаря Царскосельского военно-санитарного поезда № 143 Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны. Представлены на картах того времени маршруты санитарного поезда к фронту, возвращения в тыл и развозка раненых по госпиталям. Рассмотрены стихи С.Есенина, связанные с I Мировой войной.

Ключевые слова: Сергей Есенин, санитарный поезд, маршруты санитарного поезда.

Abstract: the article considers the participation of the great Russian poet-lyricist Sergei Yesenin in the I World war as an orderly of the Tsarskoye Selo military sanitary train No. 143 of Her Imperial Majesty Empress Alexandra Feodorovna. Presented on maps of the time routes hospital train to the front, returning to rear and conveying the wounded to hospitals. S. Eсенин's poems related to World war I are considered.

Key words: Sergey Yesenin, sanitary train, participation in the war, sanitary train routes.

Первая мировая война была незаслуженно забыта. Долгое время о миллионе павших русских солдат старались не вспоминать. К счастью, есть литература: эпопея А.Н. Толстого, стихи Н.С. Гумилева, А.А. Блока, С.А. Есенина. Их произведения имеют особую ценность, так как вышли из-под пера писателей-участников войны, хроникеров, по свежим следам фиксировавших живые картины войны.

ФИО литератора	Военно-учетная специальность
Есенин С.А. Паустовский К.Г. Пришвин М.М. Вертинский А.Н.	Санитар военно-полевого поезда
Демьян Бедный (Придворов Е.А.)	Фельдшер
Саша Черный (Гликберг А.М.)	Рядовой полевого лазарета
Булгаков М.А.	Военврач
Зощенко М.М.	Штабс-капитан
Гумилев Н.С. Бианки В.В.	Прапорщик
Кузрин А.И. Лавренев Б.А.	Поручик
Катаев В.П. Несмелов А.И.	Подпоручик
Блок А.А.	Инженерно-строительная дружина
Тихонов Н.С. Хлебников В.В.	Рядовой
Всеволод Вишневский	Юнга Балтийского флота
Брюсов В.Я. Пришвин М.М. Толстой А.Н. Городецкий С.М.	Военный корреспондент

Не менее интересны и судьбы самих писателей и поэтов, прошедших через страшные испытания той войны. Великий лирик русской поэзии С.А.Есенин проходил воинскую службу

в должности санитар Царскосельского военно-санитарного поезда № 143 Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны. Данная тема поднималась в работах членов Есенинской группы ИМЛИ, опубликовавшие значительное количество материалов в I томе «Летописи жизни и творчества Есенина» в 2001 г. [1, с. 291].

В январе 1916 года один из друзей Есенина, поэт Сергей Городецкий, обращается к полковнику Д. С. Ломану, уполномоченному по царскосельскому военно-санитарному поезду № 143, с просьбой устроить Есенина санитаром в поезд. Ломан внял просьбе Городецкого и 16 января направил в мобилизационный отдел Главного управления Генерального штаба ходатайство за № 56, в котором среди других призываемых в Царское Село санитаров были названы фамилии Есенина и Николая Ключева. По отношению к Есенину просьба была удовлетворена, а вот Ключева признали негодным к военной службе.

Первым днем призыва объявляется 25 марта (все даты до 1917 г. указаны по старому стилю), а фактическое начало службы состоялось 20 апреля 1916 г., когда санитар Есенин (личный знак №9999) является в Царское Село к месту своего назначения, предъявив по прибытии документы № 6224-6228, выданные ему в Петроградском резерве санитаров. Даже в автобиографии Есенин не забыл о полковнике Ломане – к тому времени расстрелянном: «При некотором покровительстве полковника Ломана, адъютанта императрицы, я был представлен ко многим льготам».

Основным средством эвакуации раненых и больных в период 1 Мировой войны был железнодорожный транспорт. Военно-санитарный поезд – специальный поезд, как правило, целый железнодорожный состав, предназначенный чаще всего для эвакуации и оказания медицинской помощи раненым и больным в ходе военных действий [2, с.37]. 4 декабря 1876 года вышел императорский указ о формировании 14 санитарных поездов «на случай войны». По «Положению о военно-санитарных поездах» (1912) по своему месту обращения они разделялись на полевые, тыловые и специальные («заразные»), для инфекционных больных. Кроме военных, были сформированы также временные санитарные поезда общественных организаций. Их эксплуатация всецело находилась в руках военно-санитарных эвакуационных органов. Имелись также почти не поддававшиеся никакому управлению так называемые «именные» или «шефские» поезда. При влиятельной поддержке сверху и особенно Верховного начальника санитарной и эвакуационной части их коменданты поначалу делали что хотели. Однако позднее был издан приказ о воспрещении впредь внеочередного движения таких поездов в ущерб «простым». В 1916 году общее число военно-санитарных поездов достигло 370, а к началу 1917 г. – 405.

20 мая 1877 года первый санитарный поезд России отошёл от перрона Николаевского вокзала. Военно-санитарный поезд, куда Есенина определили санитаром, был необычным – ему покровительствовала сама Императрица Мария Федоровна.

Рис. 1 С. Есенин (лежит в первом ряду второй справа) с персоналом полевого царскосельского военно-санитарного поезда № 143 7 июня 1916 г. на станции Новоселицы (район г. Черновцы)

С самого начала войны военно-санитарные поезда стали подвергаться нападениям вражеской авиации [3, с. 478]. Русское командование, следуя положениям Женевской конвенции, решило вначале покрасить крыши военно-санитарных поездов в белый цвет с нанесением на них изображения международного знака Красного Креста. Однако после этого нападения с воздуха на военно-санитарные поезда еще более участились.

Военно-санитарный поезд, на который попал С. Есенин, также был до середины 1916 г. выкрашен в синий цвет с белыми крышами. Позднее, в связи с налетами самолетов и цеппелинов, принимается решение перекрасить крыши вагонов в обычный зеленый цвет и окончательно покончить с какими бы то ни было на этот счет иллюзиями. В целом с начала войны до сентября 1915 г. было зарегистрировано 142 нападения самолетов и цеппелинов на русские военно-санитарные поезда.

26 апреля 2016 года отдается приказ, что повелением императрицы Александры Федоровны «...поезд завтра 27-го сего апреля отойдет в 30-ю поездку по направлению Москва – Курск – Симферополь – Евпатория, забрав раненых из Петрограда и Царского Села». В объявленном распределении по вагонам фельдшеров и санитаров указано: «Вагон № 6: фельдшер Иконников и санитары Гречишников, Ежов, Зубин и Есенин».

Персонал служащих в поезде состоял из коменданта, старшего врача, двух младших врачей, священника, 8 сестёр милосердия, 65 санитаров, кухонная и походная прислуга – всего около 100 человек. Санитарный поезд имел 20 вагонов: 16 пульмановских и 4 пассажирских. Поезд рассчитан на 436 человек. Первые 2 вагона – багажные, перевозили все запасы продовольствия, белья и пр. Далее следовали два вагона, оборудованные специально для тяжело раненых; в каждом из них помещается по 20 человек. Койки в два ряда расположены вдоль вагона. Пятый вагон – аптека и перевязочная. Далее располагались 8 совершенно одинаковых вагонов для легко раненых и больных. Они оборудованы точно так же, как и первые два вагона для тяжело раненых и больных, с тем лишь различием,

что в них койки расположены поперек вагона в три этажа, и помещается в каждом вагоне по 53 человека. Часть вагона № 7 была приспособлена специально для господ офицеров, числом на 14 человек. В вагонах с 14 по 20 размещались: команда и слесаря, кухня, столовая, сестры милосердия, классные чины, электрическая станция и ледник-морг. В каждом из 10 вагонов с ранеными работу исполняют: сестра милосердия (одна на два вагона для легко раненых), фельдшер, надзиратель, писарь и 2 санитаря.

У санитаря 6 вагона С. Есенина были следующие обязанности: поддержание чистоты и порядка в вагоне, переноска на носилках тяжелораненых и больных, их размещение в вагонах, погрузка и выгрузка имущества, получение продуктов, раздача пищи, дежурство по вагону санитаром или дневальным, участие в дезактивации вагонов. С. Есенин не оставил воспоминаний о работах в поезде. Но мы можем составить представление об этой деятельности по воспоминаниям К. Паустовского, в рассказах «Санитар» и «За мутным Саном» Паустовский вспоминает: «... мы, простые санитары, должны были не только обмыть, напоить и накормить всех раненых, но и проследить за их температурой, за состоянием их перевязок и вовремя дать всем лекарства, ...смыть с полов ...кровь, убирать заскорузлые повязки, а в хирургическом отделении отрезанные конечности».

Автором разработана временная графическая модель военной службы С. Есенина с декомпозицией периода службы в военно-санитарном поезде и графические модели четырех маршрутов поезда №134 по картам 1916 года.

Служба поэта начинается 20 апреля 1916 года и заканчивается 30 июня 1917 года. Этот период делится на службу в военно-санитарном поезде № 143 и службу в Царскосельском лазарете № 17. На санитарном поезде Есенин участвовал в 4 поездках с документальными номерами с 30 по 33. Между 31 и 32 поездками у поэта была операция аппендицита и его на несколько дней отпустили домой в село Константиново. Об этом вспоминала его сестра Катя: «Худой, остриженный наголо, приехал он на побывку <в Константиново>. Отпустили его после операции аппендицита». После 33 поездки поэт получает отпуск, о чем сохранилась запись в специальной регистрационной тетради: «Июня 13. <Увольнительный билет> санитару поезда Сергею Есенину в Рязань сроком на пятнадцать дней по 30 июня с/г». В Евпаторию поезд прибывает 1 мая (по старому стилю) в 1 час ночи. В то время станция находилась в районе нынешней станции Евпатория-Товарная. Утром команда санитаров, в которой состоял и Есенин, участвует в «сдаче по назначению 18 офицеров и 33 нижних чинов». Работа санитаров в основном состояла в доставке раненых из вагонов в санитарный транспорт, на котором происходила перевозка по городу до ворот госпиталя. Там раненых снова выгружали и доставляли в палаты. Для санитаров-новобранцев это было непростым физическим и моральным испытанием.

Маршрут военно-санитарного поезда № 143 в поездке № 30 проходил в период с 20.04 – 02.05.1916 г. Основными станциями на маршрутке были: Царское Село, Петроград, Москва, Харьков, Евпатория, Севастополь, Симферополь. Поездка № 31 – это возвращение поезда из Симферополя в Царское Село с заездом к Юго-Западному фронту до г. Ровно. Основными станциями на маршрутке были: Симферополь, Лозовая, Полтава, Киев, Клевань, Ровно, Шепетовка, Бердичев, Киев, Гомель, Жлобин, Орша, Витебск, Царское Село.

Следующий маршрут поезда № 143 в поездке № 32 проходил от Царского Села до Киева. В этот раз поезд шел медленно, часто подолгу стоит, и Есенин 31 мая успевает переписать набело свою поэму «Русь», делая пометку «У Конотопа». Далее была длительная поездка по многим украинским станциям, побывали и вблизи боевых позиций. Основными станциями на маршрутке были: Царское Село, Петроград, Москва, Брянск, Конотоп, Бахмач, Киев, Фастов, Казакин, Бердичев, Шепетовка, Фастов, Киев. Маршрут № 33 проходил через Киев – (Могилев-Подольский) – Киев – Царское село.

Сергей Есенин о войне вспоминал часто – во многих стихах и поэмах. Поэма «Анна Снегина» начинается с непарадных воспоминаний о Великой войне. О войне написаны строки в поэме «Русь», «Молитва матери», «Узоры», «Рекруты», «Богатырский посвист». Но это были краткие экскурсы в прошлое. Мы в творчестве Есенина почти не находим героического эпоса, видимо слишком мучительными и кровавыми были эти воспоминания. Ярким исключением является стихотворение «Удалец», где переливаются яркие и эмоциональные строки об удалом воине-казачке.

Литература

1. **Летопись жизни и творчества С.А. Есенина** (в 5 т.) Книга первая: 1895–1916 гг. – М. : ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. – Т.1. – С. 291–388 с.
2. **Из брошюры** «Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны Царскосельский военно-санитарный поезд № 143», Симферополь: Типография «Южное слово», 1916 г. – 129 с.
3. **Поезд военно-санитарный** // Советская Военная Энциклопедия (в 8 т.) /Н.В. Огарков (пред. гл. ред. комиссии). – М.: Воениздат, 1978 – Т.2. – С. 391–671.

УДК 821.161.1–3.09+929Даль В.И.

«Я РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК»: КАРТИНА МИРА В ТВОРЧЕСТВЕ В.И. ДАЛЯ

Турбина М.А.,

ассистент кафедры русской и мировой литературы
ЛНУ имени Тараса Шевченко
г. Луганск

Аннотация: в статье М.А. Турбиной «Я русский человек»: картина мира в творчестве В.И. Даля» рассматривается проблема национальной идентификации В.И. Даля и ее реализация в творчестве В.И. Даля и литературном процессе середины XIX в. Проза В.И. Даля рассмотрена в контексте натуральной школы и теории реализма.

Ключевые слова: проза, натуральная школа, реализм, этнографизм, национальная идентификация, литературный процесс.

Abstract: in the article by M.A. Turbina «I am a Russian person»: a picture of the world in the work of V.I. Dahl» considers the problem of national identification of V.I. Dahl and its implementation in the work of V.I. Dahl and the literary process of the middle of the XIX century. Prose V.I. Dahl is considered in the context of the natural school and the theory of realism.

Keywords: prose, natural school, realism, ethnography, national identification, literary process.

*Когда изгнанника печалю,
Шёл снег, как в русском городке,
Нашёл я Пушкина и Даля
На заколдованном лотке...*

В.В. Набоков

Владимир Иванович Даль (1801–1872) принадлежит к числу тех талантливейших русских писателей, которые внесли неоценимый вклад в историю русской литературы. В.Г. Белинский писал: «После Гоголя это до сих пор решительно первый талант в русской литературе» [4, с. 557]. Яркая, оригинальная личность В.И. Даля, сочетающая патриотизм, любовь к простому народу, стремление быть ему полезным нашла отражение во всех его делах и творческих поисках. Творения В.И. Даля необычны благодаря глубокой связи с жизнью народа и энциклопедическим знанием его устного поэтического творчества. Близость В.И. Даля к народу подчеркивал его современник И.С. Тургенев: «Русского человека он знает как свои пять пальцев», «он проникнулся весь сущностью своего народа, его языком, его бытом» [10, с. 7]. Он сумел уловить специфику далевской народности, отмежевывающейся от всех видов популизма: «Русскому человеку больно от него досталось – и русский человек его любит, потому что и Даль любит русского человека» [10, с. 8]. В.И. Даль был сыном датчанина и французенки. На вопрос о его принадлежности к какой-либо национальности, писатель отвечал вполне определенно: «Я русский человек, потому что я думаю по-русски» [7, с. 2247]. С тех пор способом определения собственного отношения к тому или иному народу, предложенным Владимиром Ивановичем, пользуются по всему миру.

Художественный опыт В.И. Даля непосредственно учитывался его современниками – А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем, И.С. Тургеневым, И.А. Гончаровым, М.Е. Салтыковым-Щедриным, Н.А. Некрасовым. Его проза получила высокую оценку В.Г. Белинского, В.К. Кюхельбекера, С.П. Шевырева, А.И. Герцена. В статье «Русская литература в 1845 году» критик В.Г. Белинский подчеркивает: «В физиологических же очерках лиц разных сословий он – истинный поэт, потому что умеет лицо типическое сделать представителем сословия,

возвести его в идеал, в истинном его смысле – воспроизведения действительности во всей ее истине» [3, с. 558]. В рецензии на «Повести, сказки и рассказы Казака Луганского», вышедшие в 4-х частях в 1846 г., критик приходит к выводу о народности писателя: «К особенностям его любви к Руси принадлежит то, что он любит ее в корню, в самом стержне, основании ее, ибо он любит простого русского человека, на обиходном языке нашем называемом крестьянином и мужиком» [4, с. 559].

В.И. Даль воспринимался учеными в XX в. прежде всего как представитель «натуральной школы». Уделяя внимание далевской литературной сказке 1830-х гг., литературоведы не отмечали ни особых их художественных достоинств, ни заслуг автора в развитии этого жанра. Произведения В.И. Даля, написанные в середине 1850–1860-х гг. после неудачного участия писателя в полемике о народной грамотности, не были предметом глубокого и непредвзятого литературоведческого анализа. В советский период редкие публикации сборников произведений В.И. Даля не отличались разнообразием, полное собрание сочинений писателя до сих пор не издано. С середины 1980-х гг. интерес к фигуре В.И. Даля в обществе и литературоведении возрождается, что связано с постепенным возвращением к ценностям, которые в своем творчестве культивирует писатель (духовность, религиозность, национальная самобытность, гуманизм), с осознанием необходимости полноправного включения творческой деятельности В.И. Даля не только в контекст «натуральной школы», но и в общий литературный процесс XIX в.

Следуя эстетико-художественным установкам, провозглашенным «натуральной школой», в 1840-е гг. В.И. Даль создает значительное количество повестей, причем разнообразных жанровых модификаций. Основная их часть – социально-бытовые повести («Мичман Поцелуев», «Отец с сыном», «Колбасники и бородачи»). Каждое произведение имеет и дополнительные жанровые характеристики. Так, «Мичман Поцелуев» – автобиографическая повесть, «Отец с сыном» и «Колбасники и бородачи» обнаруживают близость к жанру «физиологического» очерка. В.И. Даль работает также в жанре социально-психологической («Павел Алексеевич Игривый») и социально-философской («Жизнь человека») повести.

Художественная картина мира повестей «Колбасники и бородачи», «Отец с сыном», «Жизнь человека», «Павел Алексеевич Игривый», «Мичман Поцелуев» отображает современную автору действительность. Наверное, лишь в одном случае, при написании «петербургского текста» русской литературы в «Жизни человека», автор намеренно использует прием пересечения различных временных пластов повествования – история в виде знаковых памятников и дворцов Петербурга, а также природных катаклизмов (печально знаменитое наводнение 1824 г.) властно вторгается в частную жизнь «маленького человека» и в значительной степени влияет на его мировоззрение и даже судьбу.

Изображая жизнь русской столицы и глубинки 1830 – начала 1840-х гг., автор не стремится избежать показа актуальных социальных, общественных процессов, которые для этой эпохи были характерны. Так, в произведениях «Колбасники и бородачи» и «Отец с сыном» анализируется процесс капитализации России (необходимость создания заводов по переработке мяса, налаживание сети сбыта продукции, привлечение иностранного капитала, эффективность труда на российских и западноевропейских заводах и др.); в повести «Мичман Поцелуев» речь идет о военной защите морских рубежей Российского государства в Черном море (в Крыму и на Кавказе) от посягательств иноземных держав, что являлось актуальной задачей для империи на протяжении всего XIX в.

Пространство написанных В.И. Далем в русле «натуральной школы» повестей достаточно широко – охватывает хорошо известные современникам автора локусы (Петербург в «Жизни человека», Замоскворечье в «Отце с сыном», Таврида (Николаев, Инкерман, Севастополь и др.) в «Мичмане Поцелуеве» и вымышленные писателем населенные пункты Российской империи, характеризующие провинцию (г. Тугарин в «Колбасниках и бородачах»,

не имеющие в тексте названий мелкие поместья дворян в «Павле Алексеевиче Игривом»). Когда писатель точно указывает место действия рассказа, причем оно рождает многочисленные ассоциации как с событиями современной для читателей общественной жизни, так и с литературной традицией, далевская повесть и ее персонажи вовлекаются в соответствующий контекст («петербургский» в «Жизни человека» или «крымский» в «Мичмане Поцелуеве»).

В повестях периода «натуральной школы» В.И. Даль исследует образы, представляющие различные социальные среды: помещиков («Павел Алексеевич Игривый»), чиновников («Отец с сыном», «Жизнь человека»), купечество («Колбасники и бородачи», «Отец с сыном»), военных, морских офицеров («Мичман Поцелуев»). Жанр социально-бытовой, социально-психологической и философско-психологической повести предполагает глубокий анализ психологии и философии героев, характера их взаимоотношений с другими персонажами. Особое внимание в произведениях писатель уделяет становлению характера человека, рассмотрению процесса его взросления, выявлению причин формирования личности и особенностей ее поведения.

Работая над своими произведениями, автор, с одной стороны, находится в русле магистрального развития русской литературы («натуральной школы»), разрабатывает характерные для второй половины 1830–1840-х гг. темы, мотивы, жанры, создает узнаваемые типы персонажей. Его творчество продолжает поиски в области жанров реалистической прозы А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя и др. С другой стороны, В.И. Даль значительно развивает популярный в 1840-е гг. жанр повести. Он предлагает оригинальные повороты сюжетов, варианты известных тем, свои жанровые модификации повести.

Трудно переоценить вклад этого деятеля в лингвистику, в изучение языка русского народа и нашей культуры. Н.В. Гоголь в письме о «Современнике» к П.А. Плетневу от 4 декабря 1846 г. выражает свои творческие отношения с Далем-писателем: «Он не поэт, не владеет искусством вымысла, не имеет даже стремленья производить творческие создания. Ум твердый и дельный виден во всяком его слове, а наблюдательность и природная острота вооружают живость его слова. Все у него правда и взято так, как есть в природе. Ему стоит, не прибегая ни к завязке, ни к развязке, над которыми так ломает голову романист, взять любой случай, случившийся в русской земле, чтобы вышла сама собой наизумительнейшая повесть. По мне, он значительней всех повествователей-изобретателей. Может быть, я сужу здесь пристрастно, потому что писатель этот более других угодил личности моего собственного вкуса» [1, с. 424]. Н.В. Гоголь говорит и о влиянии В.И. Даля на собственное творчество: «Каждая его строчка меня учит и вразумляет, придвигая ближе к Познанию русского быта и нашей народной жизни. Его сочинения – живая и верная статистика России» [1, с. 425]. Впоследствии Н.В. Гоголь приподнимает в «Авторской исповеди» творчество В.И. Даля до поистине вечного образца в определении таланта народного русского писателя: «выступать на поприще» из писателей должны «только такие, которые, любя Россию также пламенно, как тот, который дал себе название Луганского Казака, умеют по следам его живописать природу, как она есть, не скрывая ни дурного, ни хорошего в русском» [1, с. 425]. Художественная картина мира творчества В.И. Даля во многом обусловлена эстетико-литературными контекстами, в которых формировался и развивался писатель. В.И. Даль был человеком необычайно талантливым. Это был человек, который всю свою долгую жизнь преданно и честно служил России, русскому народу, русской науке, русской литературе. И не случайно он так писал о себе: «Отец мой выходец, а мое Отечество Русь, Русское государство!».

Литература

1. **Асанов Л.Н.** Дело всей жизни: К 175-летию со дня рождения В.И. Даля / Л.Н. Асанов // Волга. – 1976. – № 10. – С. 420–428.
2. **Асанов Л.Н.** О жизни и творчестве В.И. Даля // Даль В.И. Пословицы русского народа. – М. : Худож. литература, 1994. – Т.3. – С. 702–715.
3. **Белинский В.Г.** Были и небылицы Казака Луганского. Русские сказки // В.Г. Белинский. Полн. собр. соч.: В 13 т. – М. : Наука, 1955. – Т. 1. – С. 550–563.
4. **Белинский В.Г.** Наши, списанные с природы русскими. Вып. XIV. Уральский казак. Сочинение В.И. Даля // В.Г. Белинский. Полн. собр. соч.: В 13 т. – Т. VI. – С.556–560.
5. **Белинский В.Г.** Повести, сказки и рассказы Казака Луганского // В.Г. Белинский. Полн. собр. соч.: В 13 т. – Т. X. – С.79–83.
6. **Бобров Е.А.** Два вопроса в творчестве Н.В. Гоголя // Е.А. Бобров. Изв. отд. рус. яз. и словесн. АН. – 1910. – Вып. XV. – № 1. – С.63–83.
7. **Даль В.И.** Автобиографическая записка // В.И. Даль. Русский архив. – 1872. – №11. – С.2246–2250.
8. **Колодина Н.А.** С.Т. Аксаков и В.И. Даль: современники. (Жизненные и творческие связи) / Н.А. Колодина // В.И. Даль в парадигме идей современной науки: языки словесность – самосознание – культура. – Иваново, 2001. – Ч. 1. – С. 248–255.
9. **Ольховский Е.Р.** Владимир Иванович Даль / Е.Р. Ольховский // Деятели русской науки XIX–XX вв. – СПб. : Академический проект, 2000. – Вып.2. – С.34–52.
10. **Прищепенко В.Н.** Великий словознавец Владимир Иванович Даль / В.Н. Прищепенко // Российский писатель. – 2001. – №22. – С. 1–10.
11. **Тургенев И.С.** Повести, сказки и рассказы Казака Луганского // И.С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. – М. : Наука, 1978. – Т. 1. – С. 271 – 280.
12. **Чернышевский Н.Г.** Картины из русского быта В. Даля // Н.Г. Чернышевский. Полн. собр. соч.: В 15 т. – М. : Гос. лит. издат., 1950. – Т. VII. – С. 980 – 987.

УДК[821.161.1-1.09:929Есенин]: 17.022.1

ДУХОВНЫЕ ПОИСКИ И ЭСТЕТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ С.А. ЕСЕНИНА

Хатнюк А.В.,

магистрант кафедры русской и мировой литературы
ЛНУ имени Тараса Шевченко
г. Луганск

Аннотация: актуальность выбранной темы обусловлена важностью выяснения творческих предпочтений автора с тем, чтобы более глубоко и всесторонне понять его работы и влияние, оказываемое им на русскую культуру.

Ключевые слова: *Есенин, творчество, эстетика, природа, прекрасное, дух, Россия.*

Abstract: the chosen topic is relevant due to importance of clarifying the author's creative preferences for deeper and more comprehensive understanding of his works and the impact it has on Russian culture.

Keywords: *Yesenin, art, aesthetics, nature, beautiful, spirit, Russia.*

Проблематика исследования заключается в том, что до сих пор нельзя с полной ясностью сказать, какие именно источники вдохновения в той или иной мере направляли творчество С.А. Есенина а также его эстетические взгляды.

Был проведён анализ последних исследований и статей, благодаря которым удалось получить более объективный взгляд на поставленную проблему.

Цель статьи заключается в выяснении вопросов о духовных поисках С.А. Есенина, его творческих источниках и о формировании его эстетического взглядов.

В контексте поэтической программы Есенина ярко выделяется тема родины, родной природы. С.А. Есенин исключительно внимателен к самой незначительной мелочи, которая связана с природой и составляет вместе в ней часть целого – России. Поэт любит каждую мелочь, хочет пристально рассмотреть каждую частицу, вобрать в себя и сохранить, услышать все звуки окружающего мира. Так видеть и слышать можно только в одиночестве, наедине с природой. Поэтому любимый мотив ранних стихотворений С.А. Есенина одинокое созерцание природы. Так появляется в его лирике мотив странствия.

Лирический герой стихотворения «Пойду в скуфье смиренным иноком» счастлив тем, что «жизнь свою украсил / Бродяжной палкой и сумой». Странствия и моления «на копны и стога» помогают герою ответить на вопросы: что же такое человеческая судьба? Что такое Родина? Что затаилось и ждет в ее бескрайних полях и темных лесах? [1, с. 19].

Образ странника не случайно возникает в ранней лирике С.А. Есенина и продолжается в целом ряде более поздних произведений («Табун», «Где ты, где ты, отчий дом...», «О пашни, пашни, пашни...», «Сельский часослов», «Иорданская голубица», «О верю, верю, счастье есть!..» и др.). В своём трактате «Ключи Марии», написанном в 1918 году, С.А. Есенин утверждал, что пастухи «были первые мыслители и поэты». Свобода, независимость, готовность отправиться в путь – важные качества для поэта, который «мудро благословил себя, с скарбом открытых для себя сущностей, на вечную дорогу, которая означает движение, движение и только движение вперед» [2, с. 34].

Вопросы искусства были актуальны в начале XX века, в эпоху развития русского модернизма. На ранних этапах своего творческого пути С.А. Есенин не мог не испытать влияния деятелей «нового искусства». Организационно русский модернизм оформился отчетливо в трёх поэтических течениях – символизме, акмеизме, футуризме. Творчество поэтов XIX столетия, а также поэтов-модернистов начала XX века стало импульсом для осмысления молодым С.А. Есениным своего места в обществе, важности его словесного искусства, ключевая

для С.А. Есенина тема гражданского подвига поэта, его страданий во имя народа восходит к традициям классической литературы, также тема художественного творчества у С.А. Есенина непосредственно связана с темой природы, с мотивом странничества и есенинская поэзия вырастает из пристального изучения реальности, из постижения ее скрытой гармонии. Сам С.А. Есенин считает, что предназначение поэзии связано с глубинным постижением идеальных основ и бытия в целом [4, с. 67].

Произведение, на которое также стоит обратить внимание при изучении С.А. Есенина, «Матушка в Купальницу по лесу ходила» 1912 года, является его своеобразным поэтическим кредо. Поэтика образов стихотворения становится понятной только после анализа купальских обрядов. Древний праздник, давно перешедший в России в разряд игровых, Есенин использует для развертывания поэтического подтекста о рождении незаурядного человека, познавшего силу и могущество таинственных трав земли. Не случайно поэт так «ошибся» с датой своего рождения (родился он в сентябре). Связав рождение своего героя с праздником Купалы, С.А. Есенин подчеркивает органическую сущность с естественными природными циклами. Здесь поэт объясняет силу своего поэтического таланта родственной близостью к матери-природе, к древней крестьянской земле, к крестьянским календарным праздникам с их удивительной поэзией. В этом стихотворении с большой выразительностью развит мотив, который пройдет в творчестве Есенина до самого конца: подлинная поэзия возможна лишь как выражение материальных связей предметов, которые особым образом зарегистрированы в ритуалах календарных праздников.

Особенностью литературы начала XX века является существование плеяды крестьянских поэтов-профессионалов (Н. Клюев, С. Клычков, С. Есенин, П. Орешин, А. Ширяевец), которые получили наименование новокрестьянских несмотря на то, что их формальное объединение после нескольких попыток не состоялось. В противовес поэтам-модернистам, поэты-новокрестьяне подчеркивают свою близость к земле. В их поэзии звучит мотив братского, кровного родства поэзии с живой природой. Несмотря на заметное увлечение Есенина символистами, в письме к А. Ширяевцу от 24 июня 1917 года, он противопоставляет группу литераторов «из народа» писателям «петербуржцам» (Д. Мережковскому, З. Гиппиус, С. Городецкому и А. Блоку): «Мы ведь скифы, принявшие глазами Андрея Рублева, Византию и писания Козьмы Индикоплова с повериями наших бабок, что земля на трех китах стоит, они все романцы, брат, все западники. Им нужна Америка, а нам в Жигулях песня да костер Стеньки Разина» [6, с. 82]. В этом высказывании отражается главная мысль всего есенинского творчества о неразрывной связи литературы и искусства с народной поэзией, с фольклором, где смешано различные древние представления о природе и богах.

Поскольку особенностью поэтического стиля раннего творчества С.А. Есенина являются всевозможные христианско-религиозные сюжеты, образы, в разделе рассматривается также вопрос о религиозности раннего периода творчества С.А. Есенина, который, как считает автор, стоит в тесной связи с вопросом о поиске им нового поэтического языка. Ярлык религиозности, приписываемый поэзии Есенина, автоматически был перенесен и на его первую книгу «Радуница». Большинство исследователей видит в этом названии религиозный, церковный смысл (Г. Хомяковский, И. Беляев, А. Воронский, Е. Наумов, М. Иванова, Л. Занковская).

В действительности, история слова, ставшего заглавием, уходит в глубь веков. Древняя радуница связана с окликами мёртвых. Если масленица как проводы зимы символизировала воскрешение природы, то радуница была обращена к памяти предков. На, фольклорное происхождение данного праздника указывают В.Я. Пропп, а также крупнейший знаток славянского фольклора и мифологии А.Н. Афанасьев. Мотивы стихотворений сборника «Радуница» не вполне христианские. Все стихотворения этого сборника пронизаны единым религиозным духом, но христианство здесь срослось с язычеством. Основной смысл названия книги: это

мотив единения предков и потомков, человека и природы, крестьянина и его земли, вчерашнего, сегодняшнего и будущего времени в нескончаемом круговороте жизни [5, с. 104].

С.А. Есенин, опираясь на многовековой опыт народного творчества, учитывая поиски символистов, собственный творческий опыт, намечает самые перспективные пути развития нового искусства. Во всех революционных поэмах С.А. Есенина, начиная с «Певущего зова», основным стилеобразующим приемом является взаимодействие церковно-книжной лексики с разговорно-бытовой речью и с речью, созданной самим поэтом. Поэмы включают в себя поэтику мифов, библейскую образность для того, чтобы придать революционным событиям космическую масштабность, эпический размах, потрясти планетарными образами воображение слушателей, сделать сам стих упругим, внушительным, пророческим и одновременно разговорно-бытовым, мирским. С.А. Есенин стремится найти основу нового поэтического языка, новой образной системы. И то, что он использует библейскую символику, вовсе не свидетельствует о его религиозности, как считают многие исследователи. Поэт готовился теоретически обобщить свои раздумья об истоках искусства, стремился найти новую образную основу для нового языка, пытаясь, таким образом, раскрыть главную тему цикла своих «богоборческих» поэм. Тему предназначения искусства в духовном строении мира, которая, в свою очередь, основополагает одну из самых заветных проблем есенинского творчества – нужности и важности поэтического ремесла. Проанализировав ключевые образы, можно сказать, что мысль поэта о новом искусстве выражена в поэмах в заданной форме «нового бога» [7, с. 54].

Проведённый анализ основных источников есенинского стиля позволяет сделать следующие выводы:

1) С.А. Есенин не смог избежать эстетических влияний, часто противоречивших его творческой природе, но по существу уже с самого начала он шёл своим путем, крепко держался народных основ;

2) фольклор явился основным источником поэтической лаборатории С.А. Есенина, помог ему стать глубоко народным поэтом, овладеть национальным характером мировосприятия, передать образ мыслей народа, его чувства и настроения, быт, характер, нравственные представления и понятия;

3) использование С.А. Есениным в ранней поэзии религиозных образов и мотивов является свидетельством поиска духовных ориентиров, причастности к общенациональным идеалам;

4) С.А. Есенин создавал ту поэтическую теорию, которая вбирала все достижения народной культуры и служила платформой для создания оригинальных произведений, глубоких и многозначных [7, с. 119].

Литература

1. **Афанасьев А.Н.** Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий / А.Н. Афанасьев. – М.: Русь, 1865. – 215 с.
2. **Бахтин М.М.** Вопросы российской и советской литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – М.: Русь, 1975. – 321 с.
3. **Веселовский А.Н.** Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – М.: Ласточка, 1989. – 385 с.
4. **Выходцев П.С.** Русская поэзия и народное творчество / П.С. Выходцев. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. – 549 с.
5. **Иванюшина И.Ю.** Русский футуризм: Идеология, поэтика, прагматика / И.Ю. Иванюшина – Саратов: Надежда, 1993. – 184 с.
6. **Есенин С.А.:** Материалы к биографии. Воспоминания, дневники, письма / С.А. Есенин. – М.: Русь, 1993. – 451 с.
7. **Коваленко А.Э.** Лирический эпос в советской поэзии: Динамика жанра / А.Э. Коваленко. – М.: Литера, 1989. – 423 с.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В СВЕТЕ ТРАДИЦИЙ СЛАВЯНСКОГО МИРА

УДК 378

СПЕЦИФИКА ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ «РУССКОГО МИРА» (НА ПРИМЕРЕ ДОНЕЦКОЙ И ЛУГАНСКОЙ НАРОДНЫХ РЕСПУБЛИК)

Борисов В.И.,

д. ист. н., профессор кафедры История России,
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»,
г. Смоленск (Россия)

Аннотация: бурные процессы, происходящие в мире, постсоветском пространстве, оказывают большое влияние на Россию, Донецкую Народную Республику и Луганскую Народную Республику, но нравственные идеалы граждан остаются незыблемыми. Приоритетная цель состоит в воспитании гражданина-патриота своей Родины, ориентированного на прогресс общества и общечеловеческие ценности. В статье показано по каким ценностным идеалам развивается «Русский мир».

Ключевые слова: аксиология, Донецкая Народная Республика, идеология, Луганская Народная Республика, менталитет, самосознание, «Русский мир», ценность.

Abstract: the turbulent processes taking place in the world and in the post-Soviet space have a great influence on Russia, the Donetsk People's Republic and the Luhansk People's Republic, but the moral ideals of citizens remain unshakable. The priority goal is to educate a patriotic citizen of his homeland, focused on the progress of society and universal values. The article shows by what value ideals the "Russian World" is developing.

Keywords: axiology, Donetsk People's Republic, ideology, Lugansk People's Republic, mentality, self-awareness, «Russian World», value.

В русской философской литературе имеется понятие «самосознание», которое является аналогом термина «менталитет». Эту проблему разрабатывали Н.А. Бердяев, А.А. Богданов, С.Н. Булгаков, Н.Я. Данилевский, П.А. Кропоткин, Н.О. Лосский, В.С. Соловьев, П.А. Флоренский, С.Л. Франк, А.С. Хомяков и другие видные философы России. Обобщая их взгляды, можно сказать, что самосознание мыслится как единство «мысли» и воли – что человек мыслит, так и поступает. Происходит слияние интеллектуального и экзистенциального начал в поступках человека [1, с. 238–240]. Набор ценностей порождает менталитет человека или группы общества. Но следует учитывать, что эти ценности могут быть как созидательные, так и разрушительные, что ярко проявилось в различных слоях населения Украины в последние годы.

Ныне, в философской и психолого-педагогической науке, развиваются идеи аксиологического мышления. Выделим работы О.Ф. Турянской, где обосновывается тезис о том, что духовные ценности необходимо систематически актуализировать средствами образовательного процесса, в том числе и при формировании предметных компетенций [4; 5]. Эта идея позволит объединить теоретические убеждения и практические навыки человека.

Особенностью российского аксиологического мышления является попытка преодоления крайностей в ценностных ориентациях Запада и Востока не путем их отрицания, а путем

интеграции в рамках единой общечеловеческой системы. Отсюда вытекает присущая «Русскому миру» терпимость к ценностям этическим, эстетическим, религиозно-конфессиональным, мировоззренческим, политическим и т.д. Эти качества полностью присущи многонациональному населению Донбасса, формированию духа интернационализма, противостоящего галицийскому национализму.

Наличие целого ряда проблем социально-экономического, организационно-управленческого, психолого-педагогического характера в период становления Луганской и Донецкой Народных Республик, стремительные и кардинальные изменения в политической сфере накладывают отпечаток на каждого отдельного члена государства, на его институты, тем самым выводят на первый план деятельность педагогов, как активных участников построения нового общества. Именно педагоги формируют интеллектуально-духовное развитие общества путем развития аксиологического мышления каждого обучающегося.

Действия украинских националистов вызвали возмущение во многих городах Украины, а в Донбассе народ с оружием в руках поднялся на защиту «Русского мира». С образованием республик в Донбассе встал вопрос о политическом просвещении народа. И здесь высшая школа стала перестраиваться в идеологическом плане, и на одно из первых мест вышло политическое воспитание студентов.

За последние 20–30 лет мировоззрение школьников, а потом и студентов формировалось, с одной стороны, под мощным влиянием СМИ, которые беззастенчиво проповедали и проповедуют культ потребительства, эгоизма, денег (во всем видеть свою выгоду), насилия, секса, безразличия к общечеловеческим ценностям. Влияние СМИ на ценностные установки молодежи весьма ощутимо. Можно даже сказать, что у нашей молодежи сформировалась ярко выраженная потребительская духовная шкала, которая «армирует» их идеалы, превращая последние в духовный иждивенческий «монолит» – в основе этого «колосса» выделяются три позиции: получить полезные знания, тратить на их приобретение как можно меньше сил и времени, не обременять себя нравственными вопросами.

Сегодня более детально и конкретно высвечиваются в полном объеме негативные изъяны в духовном облике современной молодежи (в том числе и студенчества). Другие духовные образования, патриотические идеалы (как и идеалы в целом) живут во времени, их содержание развивается, совершенствуется, изменяется с изменением самого человека и его общественного бытия, его деятельностью. Патриотические идеалы современного студенчества перегружены потребительскими, иждивенческими ожиданиями. Нынешнее поколение утратило пассионарность (незаурядное мужество, физическую выносливость и заряд духовного оптимизма) предшествующих поколений, которые работали сверх напряженно. Именно они построили мощную супердержаву – СССР, которая не нуждается в характеристиках по количеству и сущности представляемых населению культурно-значимых услуг.

В последние годы стремление к ценностному измерению политического поведения россиян стало актуальной задачей в отечественной общественной науке. Существует ли связь между новыми политическими институтами, возникшими в процессе посткоммунистической трансформации и политическими ценностями, формирующимися в сознании россиян в ходе становления демократического общества?

Проблема эта важна и в теоретическом и в практическом отношении, она неизбежно влечет за собой целый ряд других вопросов. Воздействие политических ценностей и ориентации на становление демократии имеет двоякий характер. С одной стороны, возникает вопрос, насколько демократия нуждается в опоре на массовые демократические ценности, являются ли они предпосылками для демократизации общества? С другой стороны, какие именно политические ценности и установки способствуют формированию и функционированию институтов демократии? Ситуация глубоких социально-экономических перемен создает

уникальную возможность для изучения меняющихся и устойчивых ценностей, групп интересов. В процессе становления демократического общества, формирование новых институтов власти и новых политических ценностей органично взаимосвязано и оказывает двустороннее влияние друг на друга.

Чтобы понять действительно ли это так, рассмотрим некоторые политические ценности и установки граждан, наиболее адекватно характеризующие нынешнюю ситуацию, сложившуюся на политической пространстве. Сразу стоит отметить, что картина массовых политических настроений в современном постсоветском обществе довольно противоречива.

Одной из основных, на наш взгляд, политической ценностью, характеризующей массовое сознание, является их отношение к демократии. Проведенный в Донецком национальном техническом университете – Автомобильно-дорожном институте в г. Горловка (Донецкая Народная Республика) социологический опрос среди студентов-магистрантов дал результаты, которые наводят на глубокие размышления.

Данные социологического исследования позволяют утверждать, что базовые демократические ценности и демократические институты не имеют достаточно широкой поддержки среди студентов Донбасса. При этом анализ результатов опроса выявляет заметное своеобразие в восприятии демократии, и ее институтов. На уровне абстракции, когда речь идет о демократии и гражданском обществе вообще, многие высказывают позитивное отношение к этим институтам. В частности, свыше 47% студентов считают демократическую политическую систему подходящей для России и Донбасса, из них 6% оценивают ее как «очень хорошую», а 41% – как «скорее хорошую». Отвергают же демократические методы управления около 28% опрошенных. Однако при оценке конкретных процедур и правил демократии, их эффективности, в нынешних условиях согласие с демократическими ценностями резко падает. Так, 54% опрошенных согласны

с утверждением, что «демократические системы не слишком хороши для поддержания порядка», тогда как возражающих против такой постановки вопроса вдвое меньше. Еще больше сочувствующих (62,6%) встречает тезис о том, что «при демократических системах мало дела и слишком много пустой болтовни». Следует учитывать, что опрос проводился в 2017 г., когда идет война в Донбассе и когда перед глазами «демократические реформы», проводимые на Украине, раздувающие националистический пожар [3, с. 127].

Таким образом, когда речь идет о демократии вообще, т.е. демократии на нормативном уровне, то позитивно ее воспринимают почти все. Когда же вопрос ставится более конкретно, в связи с оценкой собственных обязательств, соблюдением всех процедур и правил, без которых невозможно существование демократии, то поддержка ее снижается.

На наш взгляд, важными политическими установками населения является то, что многие считают, что для наведения «порядка» необходимо ограничивать «демократию». Такая ориентация на порядок связана с тем, что не оправдались надежды большинства народов на постсоветском пространстве, которые они возлагали на демократические преобразования и реформы. 80% россиян стали жить хуже при новом режиме. И вторая установка, которая парадоксально сочетается в сознании народа с нормами демократии - это тяготение к «сильной руке», способной создать нормальную жизнь, вызвать патриотизм и адекватные ему морально-идеологические и психологические качества народа [2, с. 46].

В «Русском мире» до сих пор сохраняют лидирующие позиции традиционные российские ценности, целенаправленно усиленные за годы советской власти, в т.ч. преобладание коллективистских интересов и ценностей над индивидуальными, безусловное доминирование интересов страны, Родины, т.е. патриотизм. Значительное число россиян готово существенно поступиться лично-семейными материальными интересами (размерами заработка, материального вознаграждения и т.д.), если активизация их труда будет способствовать укреплению

и процветанию отечества. То есть, в России патриотизм фактически обладает реальной материальной силой. Это убедительно доказано массовым героизмом в военных конфликтах, добровольным проявлением трудового энтузиазма в периоды выживания страны, когда само ее существование и суверенитет оказывались под угрозой.

К сожалению, в процессе проведения «демократических реформ» происходит целенаправленное уничтожение многих позитивных качеств, специфического менталитета русского народа, в т.ч. коллективизма, действительного патриотизма и т.д. Производится это по разным направлениям, среди которых можно выделить, на наш взгляд, следующие:

1. Искусственно, массово и агрессивно внедряются специфически западные и чуждые традиционному, историческому русскому менталитету ценности и нормы, в т.ч. индивидуализм, космополитизм, резко выраженный эгоизм.

2. Искусно и практически незаметно для простого человека выхолащивается сущность патриотизма и многих других национальных ценностей, заменяется довольно броскими, но по существу бесплодными суррогатами. Например, искусственно стираются различия участия в боевых действиях между действительными именно народными патриотами «красными» и советскими воинами и в буквальном смысле слова вешателями и душегубами простых россиян «белыми» казаками, немецкими, румынскими, испанскими, итальянскими и другими фашистами, а так же – украинскими националистами.

3. Из сложной и неизбежно неоднозначной истории такой огромной страны, как Россия и Советский Союз, искусственно «выдергиваются» и затем абсолютизируются негативные или проблемные моменты, а факты действительного патриотизма, готовности пожертвовать самым дорогим ради Родины, ради торжества правого дела замалчиваются, или грубо искажаются, дискредитируются. Например, пересмотр на Украине боевой деятельности «Молодой гвардии» в Краснодаре. Утверждение, что молодоговардейцы работали под руководством украинских националистических организаций. Принижение их патриотической работы в условиях немецкой оккупации. И эта политика проводится на государственном уровне.

Политическое воспитание молодежи Донецкой и Луганской Народных Республик происходит в сложных условиях войны. Война откладывает свой негативный отпечаток на сознание людей. Чем острее борьба на фронте, тем большее сопротивление нынешнему украинскому режиму происходит на Донбассе. Народ не хочет быть покоренным чуждой идеологией, тем более попасть под ее государственную власть. Поэтому в республиках Донбасса большое внимание уделяется политическому и патриотическому воспитанию молодежи. От успеха политического воспитания, зависит будущее Донбасса. Таким образом, обучение в Донбассе принимает совершенно новую форму. Необходимо поломать старую систему образования, которая сложилась на Украине, и внедрять новые принципы, уже сложившиеся в России, с учетом специфических условий многонационального Донбасса и, чтобы это было не только на бумаге, но и в стенах школ и университетов.

Для осуществления гражданского и патриотического воспитания надо понимать, – патриотами чего и кого должны стать наши дети, защитниками каких ценностей и каких идеалов? Этот вопрос является первостепенным по отношению к методике, технологиям и механизмам воспитания.

Литература

1. **Борисов В.И., Денисенкова Н.Н., Теплицкий Ю.М.** Идеи глобализации в мировой истории и славяно-евразийская цивилизация : монография. – Смоленск, «Свиток», 2014. – 392 с.
2. **Борисов В.И., Гречко И.В., Ковалева О.В.** Горловка – передовой фронт борьбы за идеалы Русского мира (2014–2017 гг.) // Успехи современной науки и образования. –2017. –Т.6. – № 3. – С. 44–47.

3. **Ковалева О.В., Гречко И.В.** К вопросу о посттравматическом стрессовом расстройстве (ПТСР) и личностных изменениях в экстремальной ситуации войны в Донбассе // Международный научный теоретико-практический альманах. – Смоленск, 2018. – С. 124–131.
4. **Турянская О.Ф., Борисов В.И.** Проблема формирования предметных компетентностей в условиях лично ориентированного подхода к обучению // Проблемы безопасности российского общества. – 2016. – № 3–4. – С. 200–211.
5. **Турянская О.Ф.** Теоретические основы лично ориентированного подхода к обучению : монография. – Орел : Издательство ФГБОУ ВПО «ОГУ», 2015. – 278 с.

УДК 929[Владимир Великий+Ярослав Мудрый]:373-029:9

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЛАДИМИРА ВЕЛИКОГО И ЯРОСЛАВА МУДРОГО ПО ОТКРЫТИЮ ПЕРВЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ШКОЛ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Гаврыш О.В.,

к. ист. н., доцент, доцент кафедры
истории Отечества
ЛНУ имени Тараса Шевченко
г. Луганск

Аннотация: в статье анализируется деятельность Владимира Великого и Ярослава Мудрого по открытию первых государственных школ в Древней Руси. Также автором исследованы цель, задачи и содержание школьного образования в изучаемый период.

Ключевые слова: Древняя Русь, Владимир Великий, Ярослав Мудрый, «дворцовая» школа, монастырская школа, содержание образования, христианство.

Abstract: the article analyzes the activities of Vladimir Velikiy and Yaroslav Mydrui the ise in opening the first public schools in Ancient Russia. The author also investigated the purpose, objectives and content of school education in the study period.

Keywords: Ancient Russia, Vladimir Velikiy, Yaroslav Mydrui, the “palace” school, the monastery school, the content of education, christianity.

История развития школьного образования уходит своими корнями к истокам формирования отечественной государственности, когда Древнерусское государство, динамично развиваясь, достигло значительных результатов в сфере культуры, образования и религии. Высокий уровень образования в Древней Руси стал образцом для множества соседних государств. Многие идеи и принципы современной школы также берут свое начало в период становления Древнерусского государства. Поэтому изучение историко-педагогических особенностей становления и развития отечественного образования через призму прошлого приобретает особую значимость.

Анализ научных достижений показывает значительную заинтересованность исследователей различными аспектами развития образования периода Древнерусского государства. Над этой темой работают такие современные ученые, как О.Ю. Колпачева, Т.Б. Земляная, О.Н. Павлычева, Т.В. Козырева и др [1–3]. Однако вопросу по поводу деятельности и роли древнерусских князей в развитии отечественной системы образования пока еще уделяется достаточно мало внимания. Поэтому целью данного исследования является анализ деятельности Владимира Великого и Ярослава Мудрого по открытию первых государственных школ в Древней Руси.

В исторической литературе существует точка зрения, что процесс становления и развития образовательной системы в Древнерусском государстве был обусловлен двумя факторами. Во-первых, это менталитет народа, его традиции. Во-вторых, это роль влиятельных государств, среди которых следует отметить Византию и Болгарию [3, с. 85]. Действительно, в то время наши предки часто посещали Константинополь по торговым делам. Известны им были и другие южные страны. С нашей точки зрения, к факторам, которые непосредственно повлияли на формирование системы образования в Древнерусском государстве также следует отнести такие, как становление феодального государства с новым типом производства, рост городов как социально-культурных центров, налаживание дипломатических отношений, потребность в грамотном государственном аппарате и единой правовой политике и другое. Особое внимание следует обратить на активную поддержку развития образовательных учреждений со стороны государственной власти, в частности древнерусских князей.

Традиционно считают, что появление письменности в Древнерусском государстве и активизация развития системы образования связаны с деятельностью великого князя Владимира Святославовича и с таким историческим событием, как принятие христианства на Руси в 988 году. Однако, до этого еще при князе Игоре в 945 году был заключен договор с греками, согласно которому русские обязывались удостоверить личность прибывающих в столицу Византии письменными документами. Эти, так называемые «паспорты», писались ими на церковнославянском языке. Как отмечал епископ Русской православной церкви Василий (в миру Василий Хрисанфович Преображенский), что еще со времен князя Игоря «как бы то ни было стала тогда заниматься заря русского образования. Еще тьма была кругом, но с полуденной стороны пробиваются лучи света» [7, с. 8].

Согласно «Повести временных лет» первая школа в Древнерусском государстве была открыта князем Владимиром Великим в 988 году. После крещения Руси он принимает решение основать при своем дворе школу [6, с. 285]. Однако, желающих получать образование в данном учебном заведении было не так много. Князь Владимир Святославович тогда приказывает провести специальный набор. Таким образом, ученики были набраны, и к ним были приставлены учителя. Первый митрополит Киевский Михаил выступает перед учениками с «руководящими правилами образования». По мысли первосвятителя русской церкви, учителя должны учить детей книжному учению и, вместе с тем, обучать их благонравию, правде, любви, страху Божьему и чистоте. Школа должна была стать не только учебным, но и воспитательным учреждением. Перед школой стояла задача – воспитывать и обучать «христиан православных по вере и житию». Желанный результат – образованный и благонравный христианин [7, с. 12].

Продолжателем дела своего отца стал князь Ярослав Мудрый. Более того, он открывает в Киеве публичную библиотеку. Книгами из этой библиотеки могли пользоваться не только ученики школы при дворе князя [7, с. 12]. Следует отметить, что в то время собрать свою библиотеку частному человеку было, практически, не по силам, потому что книги были имели достаточно высокую цену. В то же время, при наличии средств в княжеской казне, достать нужные книги было непросто. Поэтому Ярослав Мудрый, кроме своих средств, жертвует и своими трудами, и временем.

Великий князь прикладывает немало усилий для развития Киевской школы. Что же можно сказать о других древнерусских городах? В Софийской первой летописи, датированной 1030 годом, написано, что прибыл из Юрьева Великий князь Ярослав в Новгород и издал указ об открытии школы на 300 детей для почетных граждан города [8]. В данном случае может возникнуть вопрос по поводу того, что неужели до этого времени в Новгороде не было школы. В Переяславской летописи под 988 годом читаем следующее: «Владимир одновременно с основанием Киевской школы по всем градам своего царства и по странам повелел детей отымать у нарочитых людей и учить грамоте» [4, с. 81]. Это значит, что набор учеников для дворцовых школ был произведен Владимиром не только в Киеве. Это способствует становлению и распространению системы образования во многих городах Древней Руси.

Рядом с так называемыми «правительственными» или «дворцовыми» школами существовали и частные учебные заведения. Дело в том, что с распространением грамотности увеличилась и потребность общества в тех, кто этой грамотности сможет обучить. Кроме того, преподавание наук стало делом достаточно выгодным с точки зрения получения доходов. Поэтому даже в самые отдаленные города стали уезжать учителя и обучать людей основам наук. Стоит отметить, что учителями в изучаемый период, были, в первую очередь, духовные лица. О ростовском святителе Леонтие, например, известно, что в 992 году он прибывает в Ростов и начинает учить детей при храме [7, с. 16].

Школы также образовывались и при мужских, и при женских монастырях. Так, в 1086 году великий киевский князь Всеволод Ярославич заложил в Киеве церковь св. Андрея. При церкви он основал женский монастырь, в котором постриглась в монахини и его дочь Анна. Именно она основала при монастыре школу для обучения девиц. Известна и другая княжна инокиня, преподобная Ефросиния Полоцкая, которая также свою жизнь посвятила обучению детей [7, с. 17].

Таким образом, уже к середине XI века в Древней Руси насчитывалось достаточно большое количество школ. Были образцовые учебные заведения, где на высоком уровне преподавались различные науки. Были и те, которые обучали только основам грамотности. Но к какому бы разряду эти школы не относились, задача у всех была одна – с книжным научением воспитать в душах учащихся страх Божий. Дело в том, что наши предки не могли себе представить науку, которая не содействует нравственному воспитанию учеников. По этой причине на первый план были поставлены богословские науки. Наиболее распространенным в этой области знаний курсом было руководство Иоанна Дамаскина под названием «Точного изложения веры православной» [5]. Также изучение закона Божьего происходило и с помощью произведений святых отцов. Кроме богословия преподавались и светские науки. Ближе всего к богословию была диалектика. Известно, что автором руководства по этому предмету был уже упоминаемый Иоанн Дамаскин. Преподавалась также риторика, или наука о красноречии. Обучение обязательно начинали с грамматики и далее знакомство учеников расширялось до изучения произведений греческих авторов в отрывках. Изучались, кроме того и те предметы, которые входили в так называемый круг квадратура. Это были разного рода математические науки. Что касается музыки, то содержание этого предмета имело чисто церковный характер [7, с. 19].

Несколько иная ситуация была в школах при приходских церквях. Здесь курс обучения зависел от воли настоятеля или учителя. Вместо богословия часто преподавали краткий катехизис в роде «изложения вкратце о вере» Анастасия Синанта (антиохайского патриарха). Могли довольствоваться и чтением по складам, за складами следовали молитвы, а затем переходили к чтению часослова и псалтыря. По мере приобретения навыка в чтении, приступали к обучению письму. Умение писать четко и красиво в то время очень высоко ценилось. Преподавание арифметики в приходских школах едва ли заходило дальше элементарных сведений по части счета [3, с. 88].

В заключение стоит вспомнить, что мудрецом в древности называли того, у кого жизнь не расходилась со знанием. Так и наши предки достаточно требовательно относились к характеру и содержанию образования. Недобродетельный и порочный не мог считаться образованным. Это и есть одна из тех ценных черт образования древнерусского общества. Умели наши предки организовать школу и учебный процесс такими, когда вместе с основами богословия, «книжного разума», как тогда называли, детей учили благонравию, правде, любви, чистоте и многим другим ценностным качествам личности. Таким образом, школа развивала ум учащихся и воспитывала их нравственно. И этому всячески способствовали древнерусские князья.

Литература

1. **Земляная Т.Б., Павлычева О.Н.** Состояние и развитие образования в Древней Руси / Т.Б. Земляная, О.Н. Павлычева // Журнал научно-педагогической информации. – 2009. – № 3. – С. 1–11.
2. **Козырева Т.В.** Роль христианства в становлении образования в Древней Руси / Т.В. Козырева // Вестник угроведения. – 2011. – № 1. – С. 115–121.
3. **Колпачева О.Ю.** Школа и образование в Древней Руси / О.Ю. Колпачева // Историко-педагогический журнал. – 2014. – № 4. – С. 85–94.
4. **Летописец Переяславля Суздальского.** – М. : Археографический центр, 1995. – 184 с.
5. **Преподобный Иоанн Дамаскин.** Точное изложение православной веры. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Damaskin/tochnoe-izlozhenie-pravoslavnoj-veruy/. – (дата обращения: 19.09.2019).
6. **Повесть временных лет.** – СПб. : Наука. Ленинградское отделение, 2007. – 672 с.
7. **Преображенский В.Х.** Чему и как учились у нас в древней Руси? / В.Х. Преображенский. – СПб. : Типо-лит. П.И. Шмидта, 1887. – 19 с.
8. **ПСРЛ. Том V.** Издание 2-е. Софийская первая летопись. [Электронный ресурс]. – Л., 1925. – Режим доступа: http://psrl.csu.ru/toms/Tom_05.shtml. – (дата обращения: 19.09.2019)

УДК 378.4:017.4

ПАТРИОТИЗМ КАК АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА

Зинченко В.О.,

д. пед. н., доцент, профессор кафедры педагогики
ЛНУ имени Тараса Шевченко
г. Луганск

Аннотация: В статье патриотизм рассматривается как аксиологическая основа подготовки современного специалиста – ответственного гражданина, понимающего роль своей профессиональной деятельности в развитии государства и общества. Автором обосновывается необходимость интенсификации работы в высших учебных заведениях по патриотическому воспитанию студенческой молодежи, поиск новых методов и средств ее реализации в рамках целостного учебно–воспитательного процесса. Акцентировано внимание на потенциальных возможностях учебного процесса по ведению патриотического воспитания среди студентов.

Ключевые слова: студенческая молодежь, патриотизм, патриотическое воспитание, воспитательная работа в высшем учебном заведении, учебный процесс.

Abstract: the article considers patriotism as an axiological basis for the training of a modern specialist – a responsible citizen who understands the role of his professional activity in the development of the State and society. The author justifies the need to intensify work in higher educational institutions on patriotic education of student youth, to find new methods and means of its implementation within the framework of a holistic educational and educational process. Emphasis was placed on the potential of the educational process for patriotic education among students.

Keywords: student youth, patriotism, patriotic education, educational work in the highest academic institution, educational process.

Происходящие на Донбассе процессы общественно–политических и социально–экономических преобразований выдвинули ряд важных задач по созданию суверенного, экономически развитого и демократического государства, что в значительной мере повлияло на политику по работе с молодежью, одним из важных направлений которой является подготовка в системе образования патриота–гражданина с высокой моральной установкой и готовностью к служению и защите Родины. Данные аспекты отражены в Законе «Об основах государственной молодежной политики» № 48–ПЗ/15 от 22 мая 2015 г., Законе «О системе патриотического воспитания граждан Луганской Народной Республики» № 51–П от 30 июля 2015 г. и обуславливают необходимость формирования у подрастающего поколения высоких нравственных качеств, и, в частности, патриотизма, гражданского и военного долга, ответственности за судьбу Отечества.

Патриотизм – любовь к Родине, семье, культуре и традициям своего народа – основополагающая ценность народной педагогики и семейного воспитания, остающаяся на протяжении многих веков стержнем отечественной воспитательной системы. Вместе с тем, проблема патриотического воспитания молодежи является одной из актуальных для современного общества, что обусловлено как отсутствием на протяжении длительного времени системного подхода к реализации задач патриотического воспитания, определенным моральным устареванием традиционных методов и средств патриотического воспитания, а также (что на наш взгляд важно открыто признавать) отсутствием должной реакции самого общества на многолетнюю идеологическую информационную обработку подрастающего поколения со стороны «либералов» и «приверженцев демократии», пытающихся обесценить достижения прошлого, уникальный опыт многих поколений наших соотечественников и принизить их вклад в развитие человечества.

В свете тех событий, свидетелями и участниками которых мы являемся, важность ведения системной работы по патриотическому воспитанию на всех уровнях образования не вызывает сомнения, а поиск новых форм, методов и средств воспитательной деятельности должен иметь для педагога такое же значение, как и организация инновационного обучения. Само такое обучение теряет смысл, поскольку любая инновация связана с развитием и личности, и среды в которой она находится, а значит и с родным краем, обществом, государством. И если нет уважения к этим краеугольным камням патриотизма, то ради чего осуществлять инновационную деятельность?

Необходимо отметить, что особого внимания требует сегодня организация работы по патриотическому воспитанию студенческой молодежи, взрослые родители которых пришлось на период крушения государства, разжигание межнациональных конфликтов, активизацию терроризма и бандитизма, и это в определенной мере повлияло на обесценивание достижений прошлого и снижение доверия к государству, которое зачастую нашими гражданами отождествляется с понятиями «Родина» и «Отечество». Само же студенчество, в силу невысокого уровня воспитательной работы в период их обучения в школе, не всегда адекватно может оценить потоки негативной информации, которая искажает прошлое и настоящее, представляя в негативных тонах и само будущее.

Поэтому ученые и практики ведут сегодня активный поиск новых подходов организации патриотического воспитания студенческой молодежи, о чем свидетельствуют работы Л.В. Байбородовой, Н.А. Белоусова, В.В. Буткевич, Н.Б. Воронцовой, М.С. Джилкишиевой, А.Д. Живейко, Н.В. Ермоленко, С.М. Ёлкина, Г.С. Квасных, М.Б. Кусмарцева, С.П. Меньшикова, О.А. Овчинникова, А.Н. Саржановой, В.А. Середы, А.Ф. Хутина, К.И. Шик и других авторов. Исследователи единодушны в том, что сегодня решение задач патриотического воспитания во многих вузах осуществляется преимущественно во внеучебной деятельности студентов и носит мероприятийный характер.

Вместе с тем, развитие личности тесно связано со средой. Активный и двусторонний характер взаимодействия человека и среды приводит к формированию и развитию у личности тех качеств, которые заложены в потенциале среды. Поэтому процесс патриотического воспитания будет эффективным, если использовать потенциальные возможности учебного и внеучебного процессов, создать в вузе образовательную среду, которая обеспечит комплексное многоаспектное формирование у будущих специалистов патриотизма и гражданственности. Данный тезис идет в контексте с требованиями государственных образовательных стандартов, что предполагает создание в вузах образовательной среды с ярко выраженными социально-воспитывающими характеристиками.

Процесс патриотического воспитания многогранен. Он связан и с «формирование в личности приверженности важнейшим духовным ценностям» (А.Н. Вырщиков, М.Б. Кусмарцев [2]), и с «формирование патриотических взглядов и убеждений, чувств и норм поведения» (А.Д. Живейко [4]), и с «формированием ценностного отношения к семье, родному, краю, истории и культуре своего народа, своему Отечеству» (С.М. Ёлкин [3]).

С.П. Меньшиков рассматривает патриотическое воспитание как целостную систему деятельности по созданию условий для возрождения в российском обществе национального достоинства, гражданских качеств, готовности к выполнению гражданского и воинского долга [6].

Близкой позиции придерживаются Г.С. Квасных и А.Н. Саржанова, которые патриотическое воспитание студентов вуза рассматривают как многоуровневую педагогическую теоретическую модель, задающую принципы, структуру и нормы деятельности по формированию образовательной среды, процесса обучения вуза, структуры личности преподавателя и студента [5].

По мнению В.В. Буткевич, патриотическое воспитание – это «формирование патриотизма как интегративного качества личности, заключающего в себе любовь к Родине и стремление

к миру, внутреннюю свободу и уважение государственной власти, государственной символики, символики других стран, чувство собственного достоинства и дисциплинированность, гармоническое проявление национальных чувств и культуры межнационального общения» [1].

С одной стороны, патриотическое воспитание – это систематическая и целенаправленная деятельность, с другой стороны, – это формы и методы педагогического воздействия, направленные на объект воспитания, на формирование у него определенных социально-нравственных качеств.

Решая проблему патриотического воспитания студентов вуза, необходимо сосредоточить свои усилия на формировании у них ценностного отношения к явлениям общественной жизни прошлого и современности. Как отмечает Г.К. Селевко, особенностью современного патриотического воспитания является увеличение значения регионального и местного компонентов патриотизма. В связи с этим ученый предлагает существенно обновить содержание гуманитарного образования, более широко использовать активные методы обучения и воспитания [9].

Исследуя проблему патриотического воспитания среди курсантов военных училищ, О.А. Овчинников указывает, что в содержании этого воспитания необходимо объединить два компонента – социально-педагогический и специфический [7]. Первый из них составляет ядро патриотического воспитания и основывается на позитивных мировоззренческих взглядах и позициях по основным социальным, историческим, нравственным, политическим, военным и другим проблемам; важнейших духовно-нравственных, деятельностных качествах. Специфический компонент патриотического воспитания характеризуется конкретной и деятельностной направленностью, связанной с будущей профессией студентов, их пониманием своего места и роль в развитии Отечества.

Мы рассматриваем патриотическое воспитание в вузе как составляющую патриотического воспитания молодежи в системе образования, осуществляемую на научной основе и направленную на формирование гражданина-патриота, бережно сохраняющего и преумножающего историческое и культурное наследие Родины, готового к отстаиванию и защите ее интересов.

Считаем, что работа по патриотическому воспитанию студенческой молодежи должна:

1. Осуществляться в целостном учебно-воспитательном процессе вуза, используя потенциальные возможности учебной и внеучебной деятельности студентов на принципах научности, гуманизма, демократизма, единства теории и практики, приоритетности исторического, культурного наследия страны, преемственности, разнообразия форм, методов и средств воспитания.

2. Носить конкретный деятельностный характер, что позволит актуализировать патриотическое отношение личности будущего специалиста, наполнить смыслом и содержанием его патриотическую деятельность, сделать устойчивыми его убеждения и установки.

3. Осуществляться на основе активных и интерактивных методов и средств обучения и воспитания.

Коснемся немного потенциала по патриотическому воспитанию студенческой молодежи, который заложен в учебном процессе. И в этом контексте не можем не согласиться с мнением О.А. Овчинникова, которые указывает на значение содержания таких учебных дисциплин, как «История», «Философия», «Политология», «Право», «Русский язык и культура речи» и других дисциплин, изучаемых студентами практических всех направлений подготовки [7].

Кроме того, существует и значительное количество нормативных профильных или вариативных дисциплин, в которых можно отражать отдельные аспекты патриотического воспитания. С учетом многонациональности и многоконфессиональности нашего государства особе внимание необходимо уделить содержательному наполнению таких дисциплин, как «Психология межличностного общения», «Межкультурная коммуникация», «История искусств», «История отечественной культуры», «Религоведение», «Международное публичное

право» и многие другие. Полученные знания позволяют лучше понять живущие рядом народы и народности, укрепляют дружбу и сотрудничество между ними.

Особе внимание в рамках учебного процесса необходимо уделить раскрытию в учебном материале историко-культурного, рекреационного, научного, производственно-технологического, экономического потенциала региона, в котором расположен вуз, в частности Луганщины и всего Донбасса, задач по развитию Республики, роли молодежи и представителей конкретных профессий в их решении. В связи с этим патриотическое воспитание может находить свое аспектное отражение в тематике курсовых и выпускных квалификационных работ, магистерских диссертаций, а также при проведении круглых столов, научно-практических конференций, самостоятельной и научно-исследовательской работе студентов [8].

Таким образом, патриотизм, является основополагающей ценностью становления личности будущего специалиста. Сегодня все более становится очевидным тот факт, что от того, насколько глубоко молодое поколение профессионалов осознает свою роль в сохранении и развитии государства, зависит будущее нашей Родины с ее многонациональной культурой и многовековыми традициями, внесшей неоценимый вклад в развитие человечества. Поэтому необходимо интенсифицировать работу по патриотическому воспитанию студенческой молодежи, придав ей содержательный и деятельностный характер, что обеспечит формирование у нового поколения профессионалов устойчивых патриотических убеждений.

Литература

1. **Буткевич В.В.** Патриотическое воспитание учащихся: история и современность: пособие для педагогов общеобразовательных учреждений, учреждений внешкольного воспитания и обучения / В.В. Буткевич. – Мн.: Нац. ин-т образ., 2010. – 207 с.
2. **Вырщиков А.Н.** Патриотическое воспитание молодежи в современном Российском обществе. Монография / А.Н. Вырщиков, М.Б. Кусмарцев. – Волгоград: Авторское перо, 2006. – 272 с.
3. **Ёлкин С.М.** Патриотическое воспитание детей средствами народной педагогики // Вестник НовГУ. – 2017. – №4 (102). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/patrioticheskoe-vospitanie-detey-sredstvami-narodnoy-pedagogiki> (дата обращения: 26.09.2019).
4. **Живейко А.Д.** Идеологические аспекты формирования патриотизма и гражданственности белорусского студенчества: информационные материалы для преподавателей, кураторов и студентов / А.Д. Живейко, / Министерство образования Республики Беларусь, Учреждение образования «Витебский государственный технологический университет». – Витебск: ВГТУ, 2008. – 20 с.
5. **Квасных Г.С.** Патриотическое воспитание студентов в современном вузе / Г.С. Квасных, А.Н. Саржанова // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология. – 2015. – № 1 (20). – С. 87–90.
6. **Меньшиков С.П.** Военно-патриотическое воспитание студентов университета в современных условиях (на примере Северо-Кавказского региона): автореф. дис. на соискание наук. стет. канд. пед. наук : 13.00.08 / С.П. Меньшиков. – Майкоп, 2006. – 23 с.
7. **Овчинников О.А.** Педагогические условия военно-патриотического воспитания курсантов вузов Федеральной службы исполнения наказаний: Дис... канд. пед. наук. 13.00.01 / Олег Александрович Овчинников. – Владимир, 2016. – 183 с.
8. **Патриотическое воспитание в высшем учебном заведении:** коллективная монография / под ред. канд. пед. наук, доц. В.О. Зинченко; ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко». – Луганск : Книта, 2018. – 180 с.
9. **Селевко Г.К.** Энциклопедия образовательных технологий: В 2 т. / Г.К. Селевко. – М.: НИИ школьных технологий, 2006. – Т. 2. – 816 с.

УДК 37.051.31:17.022.1

**ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА****Кирмач Г.А.,**к. пед. н., доцент,
доцент кафедры педагогики
ЛНУ имени Тараса Шевченко
г. Луганск

Аннотация: в статье анализируется актуальность духовно-нравственного воспитания в современном обществе, рассматриваются факторы, препятствующие организации духовно-нравственного воспитания молодежи. Раскрыта роль учебных дисциплин и личности преподавателя в духовно-нравственном воспитании.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, мировоззрение, смысл, ценности, учебные дисциплины.

Abstract: the article deals with the relevance of spiritual and moral education in modern society, factors hindering the organization of spiritual and moral education of youth are also noted. The role of academic disciplines and the personality of the teacher in spiritual and moral education is examined.

Key words: spiritual and moral education, worldview, sense, values, academic disciplines.

Проблема духовно-нравственного воспитания современной молодежи, в том числе и будущих педагогов, становится с каждым годом актуальнее в связи с возникшими угрозами национальной безопасности страны. Одним из вызовов системе образования является проблема вовлечения в секты и деструктивные сообщества детей и молодежи. Известна, какая роль была отведена сектантским, экстремистским и террористическим молодежным организациям для свержения законной власти на Украине (в 2004 и в 2014 гг.) и развязывания гражданской войны. Подобные примеры подводят нас к мысли о том, что наука и образование – это отрасли стратегического значения для любого государства.

Быть или не быть целостной системе духовно-нравственного воспитания в ЛНР – вот коренной, главный вопрос наших дней. Причем быть – это колоссальный, осознанный и кропотливый труд на всех уровнях. Не быть – никаких трудов не надо.

А ведь именно духовно-нравственное воспитание определяет самое главное – быть или не быть человеку и обществу, какие ценности, идеи и принципы станут основополагающими для большинства наших сограждан. Таким образом, духовно-нравственное воспитание дает каждому человеку мировоззренческое пространство и возможность ответить на самый главный вопрос: зачем я живу на свете?

И только ответив на этот вопрос, человек понимает, для чего он живет на земле. Вне этого – тихое и бессмысленное существование, которое, при малейшем изменении обстоятельств, выбрасывает человека в духовно-нравственное неблагополучие и болезнь. Почему сегодня много молодежи уходит в наркотики, в алкоголизм, в экстремистские религиозные секты или кончают жизнь самоубийством. Ответ очевиден – бессмысленность существования.

Результаты всего этого красноречиво показывает статистика:

– в России регулярно употребляют наркотики 6 млн. человек, из них 20% – школьники, 60% – молодежь в возрасте 16–30 лет;

– средний возраст приобщения к наркотикам в России 15–17 лет, и он катастрофически уменьшается. Замечены случаи приобщения к наркотикам детей 6–7 лет (через родителей наркоманов);

– число смертей от употребления наркотиков за последние годы выросло в 12 раз, а среди детей – в 42 раза. Приблизительная продолжительность жизни наркомана с момента начала употребления наркотиков составляет 4–5 лет;

– по данным МВД 90% преступлений происходит на почве наркомании;

– по данным статистиков к настоящему времени Россия вышла на второе место в мире по числу самоубийств;

– более полторы тысячи несовершеннолетних кончают жизнь самоубийством каждый год;

– среди подростков 15–19 лет на 100 тысяч приходится 20 случаев самоубийств, что в 2,7 раза превышает средний общемировой уровень.

В теории В. Франкла смысл представлен как жизненная задача. В качестве ведущей движущей задачи поведения он постулирует стремление человека найти и исполнить свой смысл жизни. «Для того, чтобы активно действовать, человек должен верить в смысл, которым наделены его поступки» [3, с. 110]. Падение старых идеалов, отсутствие смысла означает экзистенциальную фрустрацию, которая порождает у человека состояние, названное В. Франклом «экзистенциальным вакуумом». Именно экзистенциальный вакуум является причиной, порождающей в широких масштабах специфические «ноогенные неврозы».

Как помочь молодежи преодолеть бессмысленность? Бессмысленность преодолевается смыслом. А нахождению его и служит воспитание. Поэтому воспитание – это не проведение воспитательных мероприятий (желательно как можно больше), а формирование человека перед лицом коренных проблем человеческого бытия.

Значит, именно духовная сфера является главной в человеке. И как духовное существо человек живет не только по законам материального мира, но и духовного. И поэтому на первое место в образовании выходит духовно-нравственное воспитание, оно становится приоритетом в образовании.

Анализ работ современных ученых (А.Я. Данилюк, И.В. Метлик, Н.П. Шитякова) показывает, что они связывают духовно-нравственное воспитание с такими процессами как смыслообразование, формирование ценностно-смысловой сферы личности, принятие личностью определенной мировоззренческой позиции.

Таким образом, нам понадобятся кардинальные изменения в мировоззрении общества, которое по-новому увидит человека, чтобы кардинально изменился взгляд на задачи и подходы в воспитании.

Для того, чтобы успешно решать задачи духовно-нравственно воспитания в нашем обществе, следует помнить о ряде факторов, препятствующих организации духовно-нравственного воспитания, а подчас и направленных на его разрушение:

Во-первых, противоречие между заявленной государством приоритетной ролью духовно-нравственного воспитания личности и отсутствием единства в трактовке сущности этого процесса;

Во-вторых, противоречие между декларируемой государственными документами необходимостью приобщения молодых людей к высоким духовным ценностям в целях преодоления существующего духовного кризиса и наличием альтернативных систем ценностей (гуманистических, этнических религиозных), отражающих различное отношение к окружающему миру;

В-третьих, противоречие между отсутствием государственной идеологии и попытками определить единый перечень духовно-нравственных ценностей гражданина ЛНР и др.

В-четвертых, особенности современной политической, культурной и общественной жизни обуславливают разнотипность ценностных установок молодых людей, в том числе и студентов вузов.

Система высшего профессионального образования призвана сформировать у будущего профессионала целостное мировоззрение. «Мировоззрение представляет собой целостную систему научных, философских, социально-политических, нравственных, эстетических взглядов на мир (т.е. на природу, общество и мышление). Воплощая в себе достижения мировой цивилизации, научное мировоззрение вооружает человека научной картиной мира как системным отражением наиболее существенных сторон бытия и мышления, природы и общества» [1, с. 17]. Структура мировоззрения, представляющая собой комплексный взгляд на мир, содержит в себе такие важнейшие характеристики, как понимание смысла жизни, принятие определённых критериев добра и зла, что определяет понимание самого бытия человека и мира. Понимание смысла жизни может быть различным. Задача высшей школы – познакомить студентов с основными мировоззренческими концепциями и помочь в усвоении взглядов, представлений, принципов, направленных на выяснение отношения к миру, определение человеком своего места.

Духовно-нравственное воспитание системно появляется в христианских школах, в которых кардинально изменился взгляд на мир и на человека. Человек в христианстве, это образ и подобие Божие, духовное существо. Согласно христианской антропологии именно духовная сфера является главной в человеке. И как духовное существо человек живет не только по законам материального мира, но и духовного. Поэтому на первое место в образовании выходит духовно-нравственное воспитание, оно становится приоритетным в образовании.

Таким образом, сегодня требуется кардинальное изменение мировоззрения общества, которое принципиально по-другому посмотрело бы на человека, который наделен не только телом, но и душой и духом. Только христианское учение о человеке представляет целостный взгляд на всего человека, так как это одновременное видение человека в его происхождении, сущности, бытии и назначении. В нем же заключена сила личности, устремляющая человека к добру и верному, даже перед лицом угроз и испытаний.

Современный подход в преподавании учебных дисциплин предполагает единство знаний, ценностных отношений и познавательной деятельности. Следует заметить, что любая учебная дисциплина обладает потенциалом для достижения важнейших воспитательных результатов. Особый акцент необходимо сделать на гуманитарных дисциплинах, которые имеют весомый содержательный базис, понимаемый нами как экзистенциально ориентированную систему способов и результатов формирования и развития человеческой духовности. Она существует в форме «текста», в котором воплощены способы и смыслы человеческого бытия, нравственные, эстетические, политические, религиозные и другие ценности. Из этого следует, что мы должны относиться к преподаванию гуманитарных дисциплин как к средству усвоения и реализации человеком своей родовой сущности.

Мне думается, что сегодня настало то время, когда в Университетах и Вузах необходимо, также как и в школе, вводить курсы «Православной культуры», которые помогли бы молодежи самоопределиться в серьезнейших мировоззренческих выборах. Конечно, в Университете подобный курс должен читаться на более высоком уровне, чем в школе, с привлечением специалистов, совмещающих богословские и специальные знания.

Многие преподаватели высшей школы обычно не упускают возможности затронуть нравственные вопросы в рамках своей преподаваемой дисциплины. Делать это нужно систематически и тактично. Однако, научным фактом, с которым согласно большинство ученых, является глубокая зависимость гуманитарного знания от ценностных ориентаций. Вскрывать эти ориентации, рассказывать о мировоззренческой позиции, о биографии того или иного изучаемого автора является необходимой задачей для более глубокого проникновения в суть изучаемых текстов. И одновременно, это подталкивает к постановке вопроса об истинном мировоззрении, об Истине с большой буквы.

Формирование у студентов мировоззренческой позиции возможно только тогда, если сам педагог имеет свое собственное мировоззрение. К.Д. Ушинский писал о том, что важнейшая дорога человеческого воспитания есть убеждение, а на убеждение можно только действовать только убеждением. Педагог, лишенный твердых убеждений, превращается в слепого исполнителя чужих инструкций. Великий педагог считал, что сочетание названных требований в профессиональной позиции учителя возможно в ситуации полноценного университетского образования педагогов, с одной стороны, и воспитания будущих учителей в духовной культуре религиозной традиции – с другой. В работе «Вопросы о народных школах» основоположник педагогического образования в России пишет: «Нет нужды доказывать, что убеждения всякого народного учителя христианского народа должны быть проникнуты идеей христианства. Вот почему народных учителей вредно возводить на ту среднюю ступень образования, или, лучше сказать, сообщать им то поверхностное, самонадеянное полуобразование, которое, скорее всего, ведёт к сомнению в религии, а потом к безверию. Ожидать, чтобы учитель народной школы сам перешагнул за эту ступень и достиг того высшего образования, которое снова возвращает человека к религии, никак нельзя. При образовании учителей более всего надо бояться этого полуобразования, возбуждающего самонадеянность и не дающего положительных и полезных знаний...» [2, с. 85].

Таким образом, духовное возрождение нашего общества – прежде всего изменение внутреннего мира человека. Это проблема выхода человека за рамки узко-эмпирического бытия, преодоления себя «вчерашнего» в процессе обновления и совершенствования.

Литература

1. **Сластенин В.А., Каширин В.П.** Педагогика и психология / В.А. Сластенин, В.П. Каширин – М.: Академия, 2001. – 480 с.
2. **Ушинский К.Д.** Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии // К.Д. Ушинский. – Педагогические сочинения в 6 т., т. 5, 6. – М.: Педагогика, 1990.
3. **Франкл В.** Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем./ Общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева; вст. ст. Д.А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990. – 368с: ил. – (Б-ка зарубежной психологии.).

УДК 371.13.036

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ СТУДЕНТОВ

Кондратенко А.П.,

к. пед. н., доцент, доцент кафедры педагогики
ЛНУ имени Тараса Шевченко
г. Луганск

Аннотация: в статье проанализирована роль аксиологического подхода в решении проблем профессионально-личностного развития студентов, выделены компоненты, входящие в структуру ценностно-развитой личности студента, обоснованы факторы, способствующие решению проблем профессионально-личностного развития студентов на основе аксиологического подхода.

Ключевые слова: аксиологический подход, методология, ценностные ориентации, профессионально-личностное развитие, гуманизация, мировосприятие, самореализация.

Abstract: The article analyzes the role of the axiological approach in solving the problems of professional and personal development of students, identifies the components that are part of the structure of the value-developed personality of the student, substantiates the factors that contribute to solving the problems of professional and personal development of students on the basis of the axiological approach.

Keywords: axiological approach, methodology, value orientations, professional and personal development, humanization, worldviews, self-realization.

Стратегической целью современного образования является формирование всесторонне развитой личности: профессионально ориентированной, духовно богатой, творчески направленной. Проблема всестороннего воспитания, формирования системы ценностных ориентаций личности все больше приобретает планетарный масштаб и предстает как проблема воспитания гражданина мира с планетарным мышлением, планетарным сознанием (Д. Лихачев).

Обращение к проблеме ценностей как ведущей в педагогической науке вызвано демократическими преобразованиями в системе образования и обусловлено изменением традиционной авторитарно-дисциплинарной модели обучения на личностно ориентированную, сущностью которой является обучение и воспитание с максимально возможной индивидуализацией, создание условий для саморазвития и самореализации личности. Такой подход позволяет рассматривать сущность образования как область субъект-объектных и межсубъектных отношений, где знания, педагог и обучающиеся объединяются ценностным отношением к действительности в процессе осмысленного определения своих возможностей и жизненных ценностей [1].

Анализируя мировой педагогический опыт можно убедиться, что всестороннее развитие личности, эффективное профессиональное становление студентов невозможно осуществлять в отрыве от формирования гуманистических ценностных ориентаций личности. Проблема выбора системы ценностей в значительной степени определяет содержание образования. Переосмысление культурных достижений прошлых веков позволяет определить научные, духовно-эстетические, нравственные ценности, формированию которых необходимо уделять внимание в процессе образовательной деятельности. Гуманистическая парадигма профессиональной подготовки современных специалистов дает возможность определить систему ценностей образовательного процесса и само образование как общечеловеческую ценность [2, с. 125]. Аксиологический подход, таким образом, является одним из основных

методологических принципов профессиональной подготовки студентов, способствующий решению проблем их профессионально-личностного развития.

Отметим, что в современной науке проблема ценностей является предметом междисциплинарного исследования. Проблеме аксиологического подхода посвящены работы многих философов, педагогов, психологов (Р. Бернс, И. Бех, Б. Гершунский, Л. Выготский, А. Маслоу, В. Сластенин, В. Сухомлинский, Б. Теплов, Г. Щедровицкий, А. Ярошенко и др.).

Среди современных исследований ученых есть разработки, касающиеся проблемы формирования интереса к будущей профессиональной деятельности на основе аксиологического подхода (А. Кузьмин), изучения аксиологического подхода в системе профессионально-педагогической подготовки будущего учителя (Т. Калюжная, Н. Шепилова), выявления особенностей аксиологического подхода в развитии индивидуальности личности студента (В. Елагина, Э. Меттини). Таким образом, разработка аксиологических основ решения проблем профессионально-личностного развития студентов является важной педагогической проблемой, и, несмотря на достаточную разработанность отдельных ее компонентов, она нуждается в целостном обосновании.

Целью статьи является выявление сущности и значения аксиологического подхода в решении проблем профессионально-личностного развития студентов, что предусматривает реализацию следующих задач: выделение компонентов, входящих в структуру ценностно-развитой личности студента; обоснование факторов, способствующих решению проблем профессионально-личностного развития студентов на основе аксиологического подхода.

Концептуальным подходом в нашем исследовании является аксиологический, предусматривающий решение проблем профессионально-личностного развития студентов на основе гуманистически-ценностных ориентаций. Обозначим главные приоритеты такого подхода.

Аксиологический подход позволяет исследовать ценностные аспекты природы человека, рассматривая аксиологическую функцию образования как приоритетную. Это дает возможность реализовать самую высокую цель образования: формирование целостного гуманистического мировосприятия на основе полноценного гармоничного развития всех задатков и способностей личности. В этом смысле аксиология, которая носит более общий характер по отношению к гуманистической проблематике, может рассматриваться как основа новой философии образования и, соответственно, методологии современной педагогики.

Гуманизм – это основа системы определенных взглядов на мир. Именно человек выступает системообразующим фактором, ядром гуманистического мировоззрения, в котором находят отражение различные отношения: к личности, обществу, духовным ценностям, миру в целом. Гуманность понимается как совокупность морально-психических качеств, которые находят свое выражение в осознанном отношении к человеку как к наивысшей ценности. Таким образом, ведущей психолого-педагогической установкой гуманизма является восхождение к личности, его основной характеристикой – гуманность, в которой центральное место занимает нацеленность в будущее, стремление к свободной самореализации (Г. Олпорт, А. Маслоу), вера в себя, в возможность достижения «Я-идеального» (К. Роджерс).

Аксиологически-гуманистический подход к решению проблем профессионально-личностного развития студентов, по нашему мнению, заключается в признании личности наивысшей социальной, образовательной, жизненной ценностью и предусматривает гуманизацию всей атмосферы жизни студентов, ориентирует на построение отношений в системах «педагог-обучающийся», «обучающийся-обучающийся» на принципах человечности, взаимопонимания, обеспечения положительного эмоционального самочувствия [3]. Ценностное отношение к личности студента, признание ее наивысшей жизненной ценностью, порождает у нее такие гуманистические качества, как уважение человеческого достоинства, милосердие, человечность, умение прощать, не причинять людям зла, противодействовать ему. Эти каче-

ства направлены на утверждение во всех сферах человеческой жизни принципов гуманизма, развитие гуманных взаимоотношений, создание условий для развития, саморазвития и самореализации каждой личности.

По нашему мнению, среди гуманистических ценностей, которые должны формироваться в процессе профессионально-личностного развития студентов, особо следует выделить:

- самоценность жизни как феномена глобального масштаба;
- основные общечеловеческие ценности: Истину, Добро, Красоту, Любовь, Справедливость;
- ценность окружающего мира как чуда, источника вдохновения человека;
- гражданско-патриотические ценности – любовь к Отечеству и готовность встать на его защиту, жертвенность (готовность ставить общие интересы выше личных), идейность и др.

Аксиологически-гуманистический подход к решению проблем профессионально-личностного развития студентов позволил нам выявить компоненты, входящие в структуру ценностно-развитой личности студента:

- эмоциональность – доминирующая положительная эмоционально-эстетическая ориентированность в профессиональной сфере и явлениях реальной действительности;
- открытость – бескорыстная установка на позитивное восприятие мира, свобода в восприятии;
- индивидуальность, которая связана с личностным характером мировосприятия;
- наличие ценностных стереотипов – способность формировать адекватные эстетические оценки;
- творческая активность, которая проявляется в оригинальной личностной интерпретации объектов и явлений окружающего мира, признаков их красоты, совершенства, выразительности;
- наличие творческой интуиции – способность к прогнозированию результатов профессиональной творческой деятельности, которая получает развитие в творческом процессе;
- целостность творческого потенциала – особое видение мира, наличие профессиональных знаний, опыта творческой деятельности;
- свобода самовыражения – умение воплощать в профессиональной деятельности различные творческие замыслы.

На наш взгляд, без целенаправленной, глубоко продуманной системы гуманистического воспитания в вузе, невозможно сформировать профессионально и духовно развитую личность с творческим отношением к жизни как к наивысшей ценности. Среди главных факторов, способствующих решению проблем профессионально-личностного развития студентов на основе аксиологического подхода, следует выделить:

- формирование научно-гуманистического мировоззрения и эстетического сознания, естественнонаучной и гуманистически-эстетической картины мира, обуславливающих основные ценностно-мировоззренческие ориентиры молодежи;
- проблемность и практическая ориентированность обучения, введение в образовательный процесс элементов новизны, создание атмосферы творческих открытий;
- развитие социальной позиции личности, которая активно формируется в студенческом возрасте и во многом определяет систему ценностей, возможности реализации профессионального и творческого потенциала;
- воспитание осознанных духовно-эстетических потребностей, которые стимулируют необходимость определения у студентов собственных стремлений, интересов, желаний, идеалов, характеризующих систему ценностей;

– развитие общей культуры студента в результате усвоения общечеловеческих и отечественных достижений культуры, определяющее уровень интеллектуального, эстетического и духовного развития личности;

– организацию творческо-эстетической деятельности в процессе профессиональной подготовки с обязательным выделением индивидуальных достижений каждого, что способствует развитию эмоциональной сферы и интеллекта личности.

Таким образом, аксиологический подход к решению проблем профессионально-личностного развития студентов соответствует современной цели образования – созданию условий для гармоничного развития личности, содействию ее самоопределению и самореализации. При этом, исключительное значение приобретает воспитание у студентов духовно-нравственных качеств, человечности, формирование ценностного отношения к окружающему миру, миру людей и самому себе, становление и развитие гуманистически-эстетического мировосприятия.

Перспективным направлением данного исследования является детальная разработка программ и методик подготовки педагогов к решению проблем профессионально-личностного развития студентов с позиций аксиологического подхода.

Литература

1. **Елагина В.С.** Аксиологический подход к развитию индивидуальности личности студента / В.С. Елагина, Э.М. Меттини // *Современные проблемы науки и образования*. – 2015. – № 1-1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18470> (дата обращения: 12.10.2019).
2. **Кузьмин А.** Аксиологический подход в формировании интереса в будущей профессиональной деятельности / А. Кузьмин, И. Сазонов, И. Тарасевич // *Педагогическое образование в России*. – 2015. – № 1. – С. 124–127.
3. **Шепилова Н.А.** Аксиологический подход в подготовке студентов магистратуры педагогического образования в вузе / Н.А. Шепилова // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. – 2016. – Т. 15. – С. 556–560. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2016/96017.htm> (дата обращения: 12.10.2019).

УДК [373.5.016:54]:[504+17.022.1]

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ ШКОЛЬНОГО ХИМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦЕННОСТНОГО ДИСБАЛАНСА ОБЩЕСТВА

Роман С. В.,

д. пед. н., к. хим. н., доцент,
профессор кафедры педагогики
ЛНУ имени Тараса Шевченко
г. Луганск

Аннотация: в статье анализируются аксиологические составляющие системы ценностных координат, которые обеспечивают экологически оправданное ценностное отношение школьников к природе и определяют переход от информационно-директивной (традиционной) модели формирования экологических ценностей в процессе школьного химического образования, характеризующейся приоритетностью передачи знаний, к гуманистической модели, ориентированной на личностное развитие учеников.

Ключевые слова: педагогическая аксиология, формирование ценностей и ценностных ориентаций эколого-гуманистической направленности, школьное химическое образование.

Abstract: in article are analyzed axiological components of system of valuable coordinates which provide ecologically justified valuable relation of school students to the nature and define transition from the information and administrative (traditional) model of formation of ecological values in the course of school chemical education which is characterized by priority of transfer of knowledge to the humanistic model focused on personal development of pupils.

Keywords: pedagogical axiology, formation of values and valuable orientations of an ecological and humanistic orientation, school chemical education.

Для обеспечения стабильности существования ценностей в профессиональной педагогической сфере необходимо научно обоснованное построение системы формирования аксиологических начал личности, которая опирается на методологические основы педагогической аксиологии. В основе педагогической аксиологии лежит понимание и утверждение ценностей человеческой жизни, обучения и воспитания, педагогической деятельности и образования в целом. По мнению А. Кирьяковой, содержательная сторона ценностного ориентирования сегодня в значительной степени игнорирует приоритет общечеловеческих ценностей в реальной школьной практике, а способы передачи учителем ценностного отношения к миру «в готовом виде» препятствуют развертыванию процесса восхождения самой личности воспитанника к ценностям путём от абстрактного к конкретному. Из-за этого система ценностей общества, общечеловеческой культуры остается для большинства школьников на абстрактном, нейтральном для личности уровне [4, с. 112]. В таком контексте сущность процесса ориентации школьников в мире ценностей следует понимать как самостоятельное, адекватное ведущим ценностям общества следование личности.

Однако в отсутствии четких моральных ориентиров ценностные ориентации молодежи развиваются преимущественно хаотически. Анализ последних исследований и публикаций социологического и психологического характера показал, что в ценностном сознании молодежи можно выделить такие характеристики: комбинация противоположных оценок; нестабильность, переменчивость; эклектичность, сочетание элементов разных ценностей; «приниженность» идеалов, доминирование прагматичных установок; ориентация на гедонистические ценности, получение наслаждения («кайфа»); преимущество инструментальных ценностей над терминальными.

Безусловно, динамика нынешнего времени, характеризующаяся противоречивостью внутренних влияний политических, экономических, культурных и собственно образовательных факторов, предопределяет духовное кризисное состояние социума. Отдельно отметим экологический кризис, который напрямую связан с кризисом духовности, ведь «духовность неотделима от чувства человеком единства с Природой, Миром, Вселенной, от стремления к высшим ценностям и идеалу Смысла, Истины, Добра и Красоты. Именно потеря духовности и смысла жизни принадлежит к числу наиболее глубоких факторов наблюдаемого сегодня распада общества в целом и многих индивидуальных человеческих личностей» [2, с. 31].

Сегодня знания, не освещенные нравственностью, духовностью, не прошедшие сквозь призму эколого-гуманистических ценностей, могут принести неисправимый вред человечеству. Усвоение химической культуры (культуры повсеместной химически безопасной деятельности) становится фактором выживания в реальных условиях экологических рисков, имеющих преимущественно химический характер. Именно поэтому химическая культура должна рассматриваться как неотъемлемая составляющая экологической культуры, а понимание в диалектическом единстве пользы и вреда продуктов химического производства и промышленных химических процессов должно стать непосредственной основой формирования жизненной компетенции учеников, их ценностной ориентации средствами химии как учебного предмета. Поэтому целью статьи является определить перечень основополагающих ценностей, которые можно формировать и корректировать средствами школьного химического образования, и обосновать критерии, по которым осуществлялся их отбор.

Так, среди стратегических приоритетов формирования ценностей учеников в процессе химического образования должна быть четкая аксиологическая определенность этого процесса, ведь смысл взаимоотношений человека и природы можно постигнуть, исходя из проблемы ценностей. Экологические ценности молодого поколения могут формироваться только на основе глубинного, духовного ценностного познания сути природы. В систему ценностных координат, которые обеспечивают экологически оправданное ценностное отношение воспитанников к природе, должны входить такие положения:

- наивысшей и абсолютной ценностью бытия является не человек, а природа – творец и оберег жизни, которая создала самую развитую его форму – человека;
- природа – это самостоятельный ценный субъект взаимодействия; целостная, активная, деятельная и вариативная сила бытия, которая проявляется в жизненном творчестве, это жизнь во всех ипостасях её проявления – физических и духовных;
- природа – «колыбель жизни», человек – самый совершенный «ребенок» в ней, наибольшая надежда природы;
- ощущение выразительности природы (любого объекта, явления, существа) является ощущением ценности жизни, уникальности каждой формы её проявления; лишь поняв ценность жизни и собственную духовную личностную значимость в этом мире, человек способен понять ценность других форм существования в природе и ценность жизни в целом;
- отношение к природе является отношением к самому себе, ведь не только человек живет в природе, но и природа живет в человеке;
- каждый фрагмент природы, его нормальное существование в целостном биосферном организме является своеобразным гарантом дальнейшей судьбы человеческого рода;
- сохранение природы – это сохранение своей жизни в частности и жизни как непревзойденного феномена Вселенной в целом;
- природа имеет исключительную витальную ценность не только благодаря утилитарной ценности, но и широкому спектру других ценностей (исторической, патриотической, религиозной, эстетической, этичной, символической, духовной, эталонной, музейной, научной, образовательной, воспитательной, экологической, а также ценностей существования,

наследия, свободы, вдохновения, защиты от разных болезней) и порождению соответствующих им моральных норм: сохранение жизни, содействие его развитию – добро; безразличное, безосновательное уничтожение жизни – зло; наилучший стимул морального самоконтроля в момент неизбежности уничтожения жизни – совесть; наилучшее проявление нравственности к природе – альтруизм (бескорыстное сочувствие, способность к своему ограничению во имя природы, отказ от владения и присвоения абсолютного права на другую жизнь) [1, с. 28–41; 5, с. 174–177].

Указанная система ценностных координат, в свою очередь, определяет переход от информационной директивной (традиционной) модели формирования экологических ценностей в процессе школьного химического образования, которая предоставляет приоритетность передаче знаний, к гуманистической модели, ориентированной на личностное развитие учеников. В гуманистической модели формирования экологических ценностей:

- природа рассматривается не как объект влияния, а как субъект общения;
- этика ответственности включает не только ответственное отношение к окружающей среде в настоящее время, но и ответственность за состояние окружающей среды для будущих поколений (уважение прав будущих поколений на полноценную окружающую среду);
- условия, в которых осуществляется образовательный процесс, способствуют проявлению личностных качеств, активизации мышления, социальной активности и адаптации (создается гуманистическая образовательная среда – среда для построения собственного Я ученика);
- условия, которые определяют экологически и этически оправданное поведение, определяются не системой запретов, а основываются на мотивации учеников, которая обусловлена эмоциональным чувственным переживанием природы (мотивация рассматривается как фактор, который способен сделать экологические проблемы лично значимыми для учеников);
- сбалансировано используются разные каналы передачи информации через включение разных форм учебной деятельности [3, с. 3].

В последнее время распространяется тенденция к выработке личностью собственной ценностной системы на основе ценностного релятивизма. В то же время учитель по роду своей деятельности должен воспитывать подрастающее поколение в духе ориентации на нетленные нормы, принципы и ценности, что неподвластны времени. В связи с этим особую актуальность приобретает определение основополагающих (базовых) гуманистических ценностей, которые имеют высокую степень универсализации, т.е. поддерживаются подавляющим большинством общества. Определяя перечень основополагающих ценностей, которые возможно формировать и корректировать средствами школьного химического образования, мы исходили из такого. Во-первых, указанные ценности должны быть адекватными содержанию педагогической деятельности: иметь формирующий, преобразующий характер; отвечать принципам этики, добра, человечности, нравственности; включать общественную и личностную значимость; обеспечивать стойкое позитивное отношение личности к окружающей действительности. Во-вторых, в перечень таких ценностей следует включить, в первую очередь, самого человека и те сферы жизнедеятельности, в которых он самостоятельно утверждает себя как личность, а также приобретает общечеловеческие и национальные ценности.

С учетом выше отмеченного, в базовый перечень нами включены такие ценности и ценностные ориентации:

- человек, его «Я», человечество, общество, природа, биосфера, Земля, Вселенная;
- жизнь, смысл жизни, здоровье (духовное, моральное и физическое), здоровый образ жизни, безопасность жизнедеятельности (экохимическая безопасность), благополучная экология как условие жизни;

- гуманность, достоинство, самоограничение, человеческие отношения (человечность, ценность общения, взаимопонимание, взаимоуважение, сотрудничество и др.);
- моральное ценностное отношение к природе и людям, позитивная индивидуальная экологическая ответственность, экоцентричное экологическое сознание, сохранение природы и окружающей среды для будущих поколений;
- ценности науки, научных знаний, процесса познания, научной деятельности, истина, научная картина мира, научный и технический прогресс;
- культурные ценности (ценности произведений культуры, ценность языка, обычаев, традиций и др.);
- внутренняя свобода, ценности свободного выбора (самоопределение, саморазвитие, самореализация, самостоятельное и критическое мышление, самоконтроль и др.) и творческой деятельности, условия для свободного и творческого саморазвития;
- ценностные ориентации: познание и признание законов природы в моральных ценностных отношениях в системе «человек – природа», позитивная групповая и общественная экологическая ответственность, экологическая воспитанность, целостность и качество эко-жизненной среды человека, здоровый образ жизни, здоровье населения, рациональное природопользование, ограничение потребления, практическое участие в возрождении нарушенного равновесия между человеком и природой, забота о природных условиях существования будущих поколений.

Усвоение такой системы ценностей поможет подростку овладеть наукой о жизни в гармонии с природой, самим собой и другими людьми. Представленная система ценностей станет в дальнейших наших исследованиях методологическим ориентиром для научно-теоретического обоснования и проектирования педагогической системы профессиональной подготовки будущих учителей химии к формированию эколого-гуманистических ценностей у школьников.

Литература

1. **Борейко В.Е.** Экологическая этика / В.Е. Борейко // Гуманитарный экологический журнал. – 2007. – Т. 9, вып. 2. – С. 22–51.
2. **Гончаренко С.У.** Педагогічна сутність гуманітаризації шкільної освіти / С.У. Гончаренко, Ю.І. Мальований // Рідна школа. – 1994. – № 10. – С. 30–33.
3. **Греханкина Л.Ф.** Формирование ценностных ориентаций школьников / Л.Ф. Греханкина // Школа. – 2003. – № 4. – С. 2–7.
4. **Стратегические цели** и аксиологический базис образования в XXI веке // Педагогика. – 2005. – № 10. – С. 110–114.
5. **Тарасенко Г.С.** Естетична цінність природи в системі стратегічних орієнтирів екологічного виховання / Г.С. Тарасенко // Педагогіка і психологія. – 1997. – № 1. – С. 170–177.

УДК 81 : 316.77 : 378

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

Свентицкая Н.В.,

старший преподаватель кафедры лингвистики и
межкультурной коммуникации
ГОУК ЛНР «Луганская
государственная академия культуры и
искусств имени М. Матусовского»
г. Луганск

Аннотация: в статье рассматриваются основные направления исследований проблемы межкультурной коммуникации в социологической, психологической и педагогической науках. Дается анализ философской основы межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: культура, коммуникация, межкультурная коммуникация, язык, взаимодействие.

Abstract: the article deals with the main approaches to investigation of the intercultural communication problem within sociology, philosophy and pedagogy. The analysis of the problem's philosophical base has been given.

Key words: culture, communication, intercultural communication, language, interaction.

Межкультурная коммуникация является одним из главных понятий и феноменов современной науки. Коммуникативные процессы пронизывают все сферы жизнедеятельности человека, а межкультурные контакты сегодня – явление вполне привычное. Сегодня не составляет особых трудностей получить образование в другой стране, участвовать в международных конференциях, форумах и фестивалях, путешествовать и, наконец, просто жить в другой стране. В таких условиях все чаще возникает вопрос взаимопонимания между представителями различных культур и назревает необходимость не только глубокого и всестороннего изучения теоретических аспектов межкультурной коммуникации, но и совершенствования качества межкультурного взаимодействия и соответствующей подготовки современных специалистов.

Проблема межкультурной коммуникации охватывает довольно широкий круг проблемных вопросов, разработка которых требует вмешательства ученых разных наук. В частности, данную проблему разрабатывают представители таких научных отраслей, как: антропология, социология, философия, лингвистика, культурология, педагогика и другие. Так, вопрос диалогической основы межкультурной коммуникации освещается в трудах М.М Бахтина, В.С Библера, М.С. Кагана и других. Лингвистические аспекты исследования проблемы разрабатываются зарубежными и отечественными учеными-филологами, в частности Э. Холлом, С.Г. Тер-Минасовой, М.Б. Бергельсон, А. Вежбицкой, Рон и Сьюзан Сколлон и другими. Педагогические аспекты изучения проблемы, в частности вопросы формирования коммуникативной, социокультурной, профессиональной компетенции занимались В.П. Беспалько, А.М. Богуш, Н.Б. Евтух, Е.И. Пассов, А.К. Маркова и другие. Проблемами социокультурного образования и воспитания занимались Е.Н. Воробьева, Н.Б. Ишханян, В.В Сафонова, В.Т. Топалова и другие. В процессе разработки проблемы методы и теории различных научных отраслей смешивались, вследствие чего межкультурная коммуникация приобрела интегративный характер.

Цель статьи обусловлена междисциплинарным характером проблемы и заключается в анализе философской основы межкультурной коммуникации и обзоре основных направлений исследования проблемы межкультурной коммуникации в социологической, лингвистической и педагогической науках.

Межкультурная коммуникация – явление многоаспектное. Она является разновидностью коммуникации социальной, отражает общественные отношения и социокультурный опыт отдельного народа (равно как человечества в целом). По мере развития цивилизации межкультурная коммуникация обретает социально-историческую основу для выработки трансляции как уникального, так и универсального социокультурного опыта человечества [4, с. 107].

Анализируя научные работы по данной проблеме, можно утверждать, что философскую основу межкультурной коммуникации составляют три ведущие идеи, а именно: тесная связь культуры и коммуникации, культуры и языка и принцип диалога.

Понятие культуры является центральным в межкультурной коммуникации. Взаимосвязь культуры и коммуникации раскрывается в концепции «диалога культур», суть которой расширяет М.М. Бахтин. Ученый анализирует культуру через диалог, трактуя культуру как форму общения людей разных культур. По мнению ученого культура является следствием развития и деятельности человека, а человек только в общении с другими людьми приобретает определенные качества личности. Разрабатывая философский принцип диалога М.М. Бахтин не сводит диалог до понятия общения, а определяет диалог как основу понимания между людьми. [1, с. 289].

Культура не может существовать вне коммуникации, общения поскольку именно в этих процессах происходит не только обмен культурной информацией, но и усвоение норм и ценностей культуры. В этом смысле культура не только влияет на коммуникацию, но и сама попадает под ее влияние.

Обоснование идеи тесной связи культуры и языка очень точно дает исследователь С.Г. Тер-Минасова в книге «Язык и межкультурная коммуникация»: «речь не существует вне культуры... Как один из видов человеческой деятельности, язык является составляющей культуры, которую определяют как совокупность результатов человеческой деятельности в разных сферах жизни человека ... Однако в качестве формы существования мышления, а главное, как средство общения, язык стоит на одном уровне с культурой. Если рассматривать язык с точки зрения его структуры, функционирования и способов овладения ним, то социокультурный слой, или компонент культуры, оказывается частью языка, или фоном его реального существования» [5, с. 15]. Именно язык является средством общения и культурной сокровищницей народа. Благодаря языку культура может стать как средством общения, так и причиной недоразумения, ведь речь является признаком принадлежности ее носителей к определенному социуму.

Межкультурная коммуникация, как многогранный и сложный процесс, привлекает внимание исследователей разных научных отраслей, поскольку становится очевидным, что для решения проблем межкультурного общения необходимо объединить опыт и разработки представителей разных наук. Соответственно, разработка проблемы межкультурной коммуникации требует использования разных научных методов исследования. Так, в области межкультурной коммуникации ученые выделяют социологические, психологические, лингвистические и педагогические направления исследований.

Социологические исследования проблемы межкультурной коммуникации касаются выявления ценностных приоритетов и стереотипов, которые проявляются в поведении людей. Социологические методы в основном используют для исследования межкультурных аспектов поведения на рабочем месте, во время делового общения, что связано с тем, что данные социологических исследований имеют практическое значение. В социологической плоскости межкультурной коммуникации также лежат вопросы адаптации мигрантов, сохранения или потери традиционных культур среди национальных меньшинств [2].

Психологические направления исследований межкультурной коммуникации тесно связаны с социологическими, где важное место занимает социальная психология. В первую

очередь психологов интересуют влияние культурных различий на процессы интерпретации, а также формирование и влияние определенных поведенческих стереотипов. Главной задачей ученых, работающих в этом направлении, является демонстрация различий подобных реакций в ситуации внутригруппового, а не межкультурного взаимодействия. Экспериментальные психологические методики, когда анализируются спонтанные реакции участников эксперимента, позволяют изучить не только влияние межкультурного общения на память, внимание, усвоение информации, а также на эмоциональный компонент коммуникативного процесса, что позволяет предположить каким может быть эмоциональная окраска межкультурного общения [2].

Лингвистические исследования прежде всего направлены на решение таких вопросов как природа и механизмы межкультурного общения, причины непонимания, языковые особенности, компенсирующие межкультурное непонимание.

Среди лингвистических школ и методологий наибольшее значение для изучения феноменов межкультурной коммуникации приобретают этнография коммуникации, дискурсивный анализ, кросс-культурная прагматика, коммуникативная лингвистика, психолингвистика, лингвокультурология. Важное и плодотворное направление лингвистических исследований проблемы межкультурной коммуникации связано с изучением дискурса как центрального процесса коммуникативной деятельности. Лингвокультурология, которая изучает этнопсихологическую характеристику и духовную культуру народа, также занимается изучением и отбором лингвокультурных языковых единиц, которые используются для эффективного межкультурного взаимодействия в зависимости от ситуации и цели общения.

Закономерно, что такая широкая проблема как межкультурная коммуникация не осталась в стороне педагогической науки. Разработку проблемы педагогами вызвали инновационные процессы, которые происходят в системе отечественного образования. В частности ориентация на мировые требования к подготовке специалистов предусматривает модернизацию профессиональной подготовки учителей, специалистов – переводчиков, профессионалов, которые обладают нестандартным мышлением и соответствующими личностными качествами.

Педагогические исследования в области межкультурной коммуникации тесно связаны с лингвистическими исследованиями, однако, по нашему мнению, имеют более прикладной характер. Исследователи ставят вопрос формирования коммуникативной, межкультурной и социокультурной компетенции, разрабатывают проблемы формирования навыков межкультурной коммуникации, определяют уровень готовности будущих специалистов к межкультурному взаимодействию, выясняют педагогические условия формирования межкультурной компетенции и прочее. Основываясь на полученных данных ученые разрабатывают и внедряют различные методики с целью совершенствования учебного процесса, в частности в области языкового образования. Большое количество научных трудов по педагогике посвящена проблемам совершенствования методик профессиональной подготовки учителей иностранного языка, модернизации филологического образования в высших учебных заведениях. Особое внимание исследователи уделяют профессиональной подготовке специалистов, способных к адекватному межкультурному взаимодействию, разрабатывая методики эффективного межкультурного общения.

Делая выводы, следует отметить, что межкультурная коммуникация – научная проблема, которая касается и тесно связана с человеком, его поведением, чувствами, ценностными ориентирами, его местом в обществе и культуре. Поэтому исследованием межкультурной коммуникации занимаются ученые многих наук, соответственно и теория межкультурной коммуникации имеет несколько направлений исследований. Как сложное и многогранное явление межкультурная коммуникация имеет философскую основу, которая включает в себя идеи взаимосвязи и взаимовлияния культуры и коммуникации, культуры и языка и принцип диалога.

Литература

1. **Бахтин М.М.** Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин – М. : Искусство, 1979. – 412 с.
2. **Бергельсон М.Б.** Лингвистические методы исследования в области (межкультурной) коммуникации // Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты : II междунар. конф. Российской коммуникативной ассоциации, 2004 : тезисы докл. [Электронный ресурс] / М.Б. Бергельсон. – Режим доступа: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/b/bergelson01.shtml. 7.
3. **Овчинникова Н.Н.** Межкультурная коммуникация в контексте социогуманитарного знания / Н.Н. Овчинникова // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 91. – С. 97–99.
4. **Рекичинская Е.А.** Межкультурная коммуникация как социально-образовательный феномен. // Философия образования. – 2009. – № 1 (26) – С. 105–112
5. **Тер-Минасова С.Г.** Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 260 с.

УДК 378.091.12.011.3–051–047.48

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ
ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
САМОРАЗВИТИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ****Сорокина Г.А.,**д. пед. н., профессор, профессор кафедры
туризма, гостиничного и ресторанного дела
ЛНУ имени Тараса Шевченко
г. Луганск**Малькова М.А.,**к. пед. н., доцент, доцент кафедры педагогики
ЛНУ имени Тараса Шевченко
г. Луганск

Аннотация: в статье выделяется совокупность методологических подходов исследования процесса саморазвития преподавателя высшей школы. Акцентируется внимание на аксиологическом подходе, как основном методологическом инструментарии профессионального саморазвития преподавателя высшей школы.

Ключевые слова: саморазвитие, аксиологический, акмеологический, культурологический, антропологический, синергетический, компетентностный, системный, целостный подходы, профессионализм.

Abstract: the article highlights the totality of methodological approaches to the study of the process of self-development of a higher school teacher. Attention is focused on the axiological approach, as the main methodological toolkit for professional self-development of a higher school teacher.

Keywords: self-development, axiological, acmeological, culturological, anthropological, synergetic, competence, systemic, holistic approaches, professionalism.

Одним из приоритетных направлений государственной политики является повышение качества высшего образования, на основе сохранения фундаментальности и соответствия актуальным и перспективным потребностям личности, общества, государства. Качество образования рассматривается как многосторонняя концепция, которая охватывает все основные функции и виды деятельности высшей школы, главными основами новой парадигмы высшего образования, является подготовка специалистов нового типа – творческих личностей, способных самостоятельно расширять и углублять существующую базу знаний, способных принимать решения, опираясь не только на фактор профессиональной деятельности, но и общечеловеческие ценности. На наш взгляд, саморазвитие является действенным регулятором такого процесса, устанавливая неоспоримый приоритет ценностных основ в повседневной практике высшей школы.

Поиск решения проблем профессионализма педагога традиционно был связан с понятиями профессиональной готовности, профессиональной компетентности, профессиональной квалификации, которые, как правило, ориентируют педагога на выполнение предписанного на основании готовых инструкций и выводов с позиции потребителя научных достижений и репродукции известного педагогического опыта. Однако современность диктует иные требования к профессиональной деятельности. Способность к труду в человеке разумном формируется по мере накопления им знаний о предмете познания и собственных возможностях по реализации этих знаний в деятельный опыт. Качество педагогического труда определяется, в частности, уровнем научных знаний и смыслом побудительных мотивов, с которыми педагог как носитель специальных знаний приступает к выполнению своих непосредственных обя-

занностей: обучать, воспитывать, наставлять.

Цель статьи – осуществить теоретико-методологический анализ проблемы профессионального саморазвития преподавателя высшей школы, обосновать аксиологический подход как концептуальное положение, раскрывающее сущность концепта «профессиональное саморазвитие», его структуры, механизмов реализации.

Изложение основного материала исследования. Высокопрофессиональный, высоко-нравственный педагог способен «по образу и подобию» обучить и воспитать достойную смену: специалиста, гражданина, гуманиста. Однако реальность несколько иная, в силу естественных причин, связанных с развитием сознания человека, его индивидуальных способностей к труду (физическому, умственному, нравственному, духовному). Способность участника педагогического сотрудничества к эффективной профессиональной деятельности зависит от степени его социальной адаптации, снижения уровня формализованных подходов в применении индивидуальных сил в современной педагогической практике, повышении уровня культуры межличностных коммуникаций. Актуальность таких подходов обуславливается существующей общественной и образовательной потребностью в педагоге, способном как к проектированию образовательной деятельности ее участников, так и к самопроектированию, а именно, собственного профессионального роста, основанного на развитых механизмах осмысления и анализа своего педагогического опыта, то есть рефлексии.

Основным движущим механизмом в этом процессе является мотивация, преобразование мотивации, всей системы ценностных ориентаций на саморазвитие с одной стороны, интенсивное формирование специфических способностей в связи с профессионализацией – с другой, отражают смысл профессионально-личностного самосовершенствования субъекта педагогической деятельности, в частности преподавателя высшей школы. Эффективность разрешения обозначенных задач состоит в системном развитии интеллекта, становлении характера (его духовно-нравственной составляющей), формировании научной трудоспособности, укреплении волевого, эмоционального иммунитета, повышении социально-профессиональной активности преподавателя – базовых характеристик профессионально-личностного саморазвития.

Теоретические основы исследования процесса саморазвития преподавателя высшей школы, базируются на совокупности методологических подходов, а именно: акмеологического, аксиологического, культурологического, антропологического, синергетического, компетентностного, системного, целостного, личностно-ориентированного. Данные подходы к анализу понятия саморазвитие преподавателя высшей школы рассматриваются нами как методологический инструментарий, как некая система концептуальных положений, раскрывающих сущность концепта «профессиональное саморазвитие», его структуры, механизмов реализации.

Обобщая чрезвычайно широкое поле современных исследований в области саморазвития, самопознания, самосовершенствования, концептуальных подходов к пониманию сути обозначенной проблемы, подчеркнем, что все они имеют единую основу, определяющую профессионально-личностное саморазвитие преподавателя. Нами ставится акцент на профессиональное саморазвитие на безусловной основе личностных качеств, как целостной методологической структуры, наличие которой свидетельствует о значимости самопознания, саморазвития, вследствие чего образуются новые личностно-профессиональные качества педагога, формируется способность к системному и непрерывному самосовершенствованию, достижению более высокого профессионально-личностного уровня, происходит раскрытие потенциальных возможностей для осознанной педагогической деятельности. Акцентируем, что выбор личностного саморазвития как стратегии профессиональных достижений, выстроенных на переориентации мотивационной сферы саморазвития в направлении ценностных смыслов, способствует формированию образа современного преподавателя, вмещающего

черты гуманиста, профессионала, гражданина.

На основе теоретического обобщения методологических подходов к проблеме профессионального саморазвития, сложившихся в философской, психологической, педагогической науке представим сущностную характеристику профессионального саморазвития преподавателя высшей школы.

В рамках акмеологического подхода профессиональное саморазвитие преподавателя высшей школы трактуется как достижение акмеологических инвариантов профессионализма (уровень эффективности и стабильности деятельности); высокого уровня антиципации (умения прогнозировать на основе временных характеристик); высокого уровня саморегуляции, самоуправления, самокоррекции на основе унифицированного самоанализа; самодостаточности, позитивного конструктивного, логически-образного мышления (умения творчески решать профессиональные задачи); высокой и адекватной мотивации профессионально-личностных достижений [5].

С точки зрения аксиологического подхода под профессиональным саморазвитием понимается осмысление духовно-нравственной и профессионально-личностной перспективы, достижение осознанных профессиональных целей, вследствие преодоления личного несовершенства; формирование аксиологического ресурса преподавателя высшей школы, исходя из синкретической модели, в которой ценности-цели определяют ценности-средства, ценности-отношения зависят от ценностей-качеств; актуализация духовно-нравственных и профессионально-значимых ценностей в соответствии с социокультурным запросом современности, отказ от антиценностей, ведущих к разрушению личности профессионала, безнравственности, бездуховности [2].

Компетентностный подход рассматривает профессиональное саморазвитие как достижение высокого уровня образованности, определяемого не столько объемом знаний, их энциклопедичностью, сколько способностью решать профессиональные проблемы и задачи различной сложности на основе имеющихся знаний, являющих собой сложную культурно-дидактическую структуру – целостную компетентность; отражает личностное стремление и осознанную потребность учиться в течение всей жизни, достигать нового уровня развития на основе системного профессионально-личностного самосовершенствования в специфике личной мотивации, потребностей, в том числе к самопознанию, ценностей, личностных смыслов преподавателя [4].

Системный подход рассматривает профессиональное саморазвитие как направление методологии научного познания, в основе которого лежит рассмотрение объекта как системы: целостного комплекса взаимосвязанных элементов; представляется некоторым способом организации педагогических действий, при котором охватывается любой род деятельности, выявляются закономерности и взаимосвязи с целью их более эффективного использования; основывается на целостности, иерархичности, структуризации, множественности и является не столько методом решения задач, сколько методом постановки педагогических задач, ведущий к развитию новых профессионально-личностных качеств, научной трудоспособности, ответственности, толерантности, гуманизма [7].

С точки зрения синергетического подхода, под профессиональным саморазвитием понимается усиление существующих профессионально-личностных качеств, создание новообразований в структуре индивидуального ресурса сил, формирующих самосознание преподавателя, способного к творческим достижениям, импровизации, развитию педагогической интуиции, изменению программы профессиональной деятельности и перспектив личностно-профессионального самосовершенствования [6].

Целостный подход рассматривает профессиональное саморазвитие как высшую степень осмысления образа себя, взаимосогласованность компонентов в структуре индивидуального ресурса сил, профессионально-личностную идентичность преподавателя в педагогической

среде, системную самопознавательную деятельность, личностное отождествление как целостного сложного и многопланового определения себя в образовательном пространстве [3].

В рамках личностно-ориентированного подхода, профессиональное саморазвитие преподавателя высшей школы трактуется как одно из проявлений деятельностной сущности человека, направленное на самоактуализацию, самовыражение, самоутверждение субъектности на основе диалогических коммуникаций, формирование внутренней культуры, осознанной потребности в постоянном личностном росте, созидательной рефлексии, объективации самооценки профессионально-личностных достижений преподавателя высшей школы [1; 8].

Выводы. Анализ теоретико-методологических подходов к пониманию структуры и сущности профессионального саморазвития преподавателя высшей школы показал, что в рамках аксиологического подхода, как методологического инструментария, сущностная характеристика профессионального саморазвития субъекта педагогической деятельности рассматривается в динамике достижения более высокого уровня самоуправления и самокоррекции индивидуального ресурса сил на основе ценностно-смысловых притязаний, выверенной мотивации профессионально-личностного роста, осмысления духовно-нравственной и профессионально-личностной перспективы, осознанных педагогических целей, адекватного уровня образованности, способности эффективно решать профессиональные проблемы и задачи, развитой педагогической интуиции, целесообразной научной трудоспособности.

Литература

1. **Амонашвили Ш.А.** Личностно-гуманная основа педагогического процесса / Ш.А. Амонашвили. – Минск : Университетское, 1990. – 560 с.
2. **Ананьев Б.Г.** Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – М. : Просвещение, 1975. – 315 с.
3. **Блауберг И.В.** Понятие целостности и его роль в научном познании / И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин. – М. : Знание, 1972. – 48 с.
4. **Вербицкий А.А.** Компетентностный подход и теория контекстного обучения / А.В. Вербицкий. – М. : ИЦ ПКПС. – 2004. – 84 с.
5. **Деркач А.А.** Акмеология: пути достижения вершин профессионализма / А.А. Деркач, Н.В. Кузьмина. – М. : РАУ, 1993. – 32 с.
6. **Игнатова В.А.** Педагогические аспекты синергетики / В.А. Игнатова // Педагогика. – 2001. – № 8. – С. 26–31.
7. **Юдин Э.Г.** Системный подход и принцип деятельности / Э.Г. Юдин. – М. : Наука, 1978. – 391 с.
8. **Якиманская И.С.** Технология личностно-ориентированного обучения в современной школе / И.С. Якиманская. – М. : Сентябрь, 2000. – 176 с.

УДК [371.134:82] (043)

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ
БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Сущенко О.Г.,

к. пед. н., доцент, и.о. заведующего
кафедрой начального образования
ЛНУ имени Тараса Шевченко
г. Луганск

Аннотация: в статье раскрыто значение ценностного компонента образования в профессиональной педагогической подготовке; необходимость использования теоретических положений аксиологического подхода в подготовке будущих специалистов начального образования, формирования ценностного компонента педагогического сознания.

Ключевые слова: ценности образования, аксиологический подход, профессиональная подготовка, будущий педагог, педагогическое сознание.

Abstract: the article reveals the value of the value component of education in professional pedagogical training; the need to use the theoretical principles of the axiological approach in the preparation of future specialists in primary education, the formation of the value component of pedagogical consciousness.

Keywords: educational values, axiological approach, professional training, future teacher, pedagogical consciousness.

Вступление общества в информационную эпоху ознаменовало собой становление новой образовательной парадигмы, что отражается в понимании содержания образования, технологий его освоения, оценивания результатов, ценностных основ. Исходя из этого, актуальной задачей современной школы является определение ключевых ценностей, которые станут векторами формирования личности, ее дальнейшего развития и самосовершенствования.

Не смотря на значительное количество публикаций, посвященных ценностям образования (М.В. Богуславский, Б.С. Гершунский, С.И. Гессен, Н.Д. Никандров, В.А. Сластенин и др.), аксиология образования на сегодняшний день является одной из сложных и недостаточно разработанных проблем в отечественной науке. Осмысление ценностного компонента образования не только как механизма трансляции знаний новым поколениям, но и опыта творческой деятельности, отношений – одна из ключевых задач актуального философско-педагогического дискурса. Как утверждает Н.Г. Багдасарьян, во все времена «образование представляло собой значимую ценность. Однако в некоторые периоды эта ценность становилась особенно приоритетной. При этом то, что в самом характере образования считалось наиболее существенным, претерпевало серьезные изменения» [2, с. 4]. Данная точка зрения отражает понимание образования как самоценности. Но ведь образование одновременно является не только процессом, но отражает и содержание, напрямую зависящее от заложенной в него информации. То есть, образование выступает и как содержание, и как транслятор тех или иных ценностей.

Ценность как категория находит все большее отражение в понятийном пространстве современной науки, поэтому аксиологический подход присутствует в различных сферах знания. Его истоки в образовании восходят к античности. В частности, еще Аристотель обращал внимание на необходимость освоения молодым поколением ведущих социальных ценностей и благ, которые, по его мнению, можно описать следующими ценностными конструктами: абсолютные ценности (душа, ум); блага, которые одобряют (человеческие добродетели); блага-возможности (богатство, власть, сила, красота) [7, с. 46]. Эти идеи нашли свое развитие в трудах древнеримских философов (Сенека, Цицерон). Но обоснование необходимости ценностного наполнения содержания образования принадлежит основателю классической пе-

дагогике Я.А. Коменскому, который отмечал, что «...несчастливым является то образование, которое не переходит в моральность и благочестивость. Кто успевает в науках, но отстает в добрых нравах, тот скорее отстает, нежели успевает» [5, с. 298].

Большое значение ценностно-ориентированному содержанию образования придавали и последователи Я.А. Коменского – Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Й.Г. Песталоцци и др. Философско-психологический аспект проблемы широко представлен в трудах А. Маслоу, К. Роджерса и других представителей гуманистической концепции развития личности.

В советской педагогике идея значимости ценностных приоритетов в образовательном процессе школы принадлежит А.С. Макаренку, который считал, что ученик, не сформировавший личных ценностных ориентиров, может принести обществу больше вреда, чем пользы. Но наиболее последовательно, по мнению исследователей, идею необходимости ценностного обеспечения содержания образования отстаивал В.А. Сухомлинский. Он считал, что в процессе учебно-воспитательной деятельности должна осуществляться трансляция ключевых общественных ценностей и помощь учащимся в овладении ними, формировании собственного отношения к познанному [9].

Стремительное развитие образовательной парадигмы от знаниецентричной к культуротворческой, гуманистической способствовало возникновению новой отрасли в педагогике – педагогической аксиологии, которая предметно изучает проблему образовательных ценностей, поскольку образование как деятельность человека регулируется одновременно как извне (нормативы общества), так и изнутри (ценностными ориентациями самого субъекта). В таком контексте можем рассматривать педагогическую аксиологию как специфическую область философско-педагогического знания, которая позиционирует образование в качестве одной из важнейших ценностей человеческой жизни; обосновывает ключевые понятия, разрабатывает механизмы присвоения ценностей; способствует формированию ценностных отношений субъектов педагогического взаимодействия.

Анализ научных публикаций в области педагогической аксиологии, которая активно начала развиваться с середины 60-ых годов прошлого столетия, показал, что значительный вклад в ее становление внесен исследованиями Б.Г. Ананьева (1967), В.А. Ядова (1979) и позднее – Б.С. Гершунского, В.И. Гинецинского, Н.Д. Никандрова, В.А. Сластенина, Е.Н. Шиянова, Г.И. Чижаковой и др. [3]. В понятийном поле этого направления педагогической науки присутствует ряд тождественных по значению понятий: образовательные ценности (Н.А. Асташова), педагогические ценности, в т.ч. – профессионально-педагогические (Е.И. Исаев), воспитательные ценности (Е.А. Ямбург).

Теоретический анализ развития ценностных оснований образования в зарубежной и отечественной педагогике предприняла Г.И. Чижакова [10], предложившая иерархию ценностей образования посредством выделения доминантных, нормативных и сопутствующих ценностей. К образовательным ценностям автором отнесено ценностное сознание, ценностное отношение и ценностное поведение, что является основой для ориентации сознания и поведения личности в целом. В этом плане нам близка точка зрения автора, поскольку он рассматривает образовательные и педагогические ценности, прежде всего, в контексте сознания.

Для нашего исследования наибольший интерес представляют образовательные и педагогические ценности, положенные в основу профессиональной подготовки, в частности – ценностное сознание, которое рассматриваем как компонент педагогического сознания. В этой связи мы опираемся на исследования В.П. Зинченко, который рассматривая проблему ценностей в современном образовании обращает внимание на тот факт, что, с одной стороны, ценности образования отвечают общечеловеческим и поэтому привносятся системе образования извне. С другой стороны, «сталкиваясь с неисчерпаемостью мира ценностей, идеалов система образования должна доопределять общечеловеческие ценности...» [4, с. 5]. То есть, автор считает, что

ведущая ценность всей системы образования заключается в ее способности открыть, сформировать, сделать устоявшимися индивидуальные ценности образования у своих воспитанников. Поэтому определение ценностей образования как таковых означает, что необходимо, прежде всего, заботиться о роли образования для каждого человека и лишь потом – социума [4].

В последнее время среди отечественных и зарубежных исследователей в области ценностей образования распространяется идея «интеркультурного образования», суть которой заключается в том, что приоритетами образования должны стать наиболее значимые общечеловеческие ценности, в частности: восприятие мира как целостной системы разных форм существования культуры, языка, взглядов; умения конструктивного общения; признание человека как наивысшей ценности и его развития в контексте ощущения себя частью человеческой цивилизации, Родины, Традиции, Новации [10]. В целом, можно согласиться с таким толкованием ценностных приоритетов, однако, на наш взгляд, общечеловеческие ценности должны гармонично сочетаться с духовным началом личности, ощущением важности своей принадлежности к культурному коду своего народа, его традиций, языка и веры.

Во многих исследованиях отмечается, что аксиологический подход к образовательному процессу предусматривает невозможность навязывания каких-либо ценностей человеку, поскольку их система выстраивается субъектом посредством активной самодеятельности, переосмысления, обеспечивая тем самым реализацию устремлений личности к свободному самоопределению. Поскольку выбор ценностей в значительной мере обуславливает общую направленность развития любого общественного явления и социума в целом, то, безусловно, роль аксиологического подхода, а соответственно – и ценностного сознания, что является его основанием, существенно возрастает в различных областях деятельности личности, в том числе в области профессионально-педагогической подготовки. Ведь именно педагог должен в процессе формирования профессионального сознания создавать условия для развития у студентов ценностного отношения к миру, обществу, людям, свои ученикам и самому себе. Таким образом будет обеспечиваться преемственность в трансляции будущими педагогами ценностных идей своим воспитанникам, формированием у них ценностного сознания.

Использованию аксиологического подхода в контексте образования различного уровня придается большое значение, поскольку он определяет методологические основы образования через философско-педагогическую стратегию, ориентированную на перспективы дальнейшего совершенствования системы образования, формирования ее содержания, поиск новых технологий профессиональной подготовки [1]. Один из ведущих теоретиков аксиологического подхода в образовании В.А. Сластенин считает, что этот подход исполняет роль своеобразного «моста» между теорией и практикой, поскольку позволяет исследовать события и явления с точки зрения их потенциальных возможностей для удовлетворения личностных потребностей человека (единичное) и решать задачи дальнейшей гуманизации общества (общее) [8].

Обобщая изложенные выше толкования сущности аксиологического подхода в образовании, можно выразить ее через систему ведущих принципов:

- равенство людей в социокультурном диалоге в плане трансляции ценностей и продуцирования новых ценностных идей;
- равноценность философских взглядов в рамках единой гуманистической концепции при условии сохранения разнообразия культурных, религиозных, этнических особенностей;
- творческое использование исторического наследия прошлого и ориентация на конструктивное взаимодействие в развитии духовности в настоящем и будущем.

Таким образом, реализация идей аксиологического подхода в образовании в целом и профессионально-педагогическом в частности, позволит обеспечить трансформацию социально и профессионально значимых ценностей, а также их интериоризацию субъектом через механизмы сознания. На необходимости выдвигания на передний план в профессиональ-

но-педагогической подготовке аксиологического подхода акцентируется внимание во многих современных научных исследованиях. Так, Н.Н. Никитина [6, с. 67] отмечает, что в существующей системе профессионально-педагогической подготовки недостаточно внимания уделяется формированию мотивационно-ценностного и целевого компонента профессиональной деятельности, от которых, в первую очередь, зависят и содержательно определяются другие компоненты, что влияет на эффективность образовательного процесса в целом.

Поскольку сегодня педагогическая аксиология, психология, креативная педагогика сосредотачивают свое внимание на формировании у личности ценностного отношения к окружающему миру как одной из основных задач образования, что особенно важно на начальной ступени образования, то в этой связи очевидно, что система профессиональной педагогической подготовки также должна откорректировать свои ключевые ориентации.

В качестве таких ориентиров предлагаем (в нашей интерпретации) следующие принципы организации процесса профессиональной подготовки будущих педагогов начальной школы в контексте аксиологического подхода: *субъектности*, что позволит обеспечить активную позицию студента, единство его сознания и деятельности; *компаративности* (создание условий для диалога разных подходов, идей, точек зрения и др.); *интегративности* (интеграция философского, психологического и педагогического знания в единую духовную антропологию); *доминирование ценностной информации*.

Обобщая изложенное выше, полагаем, что профессиональная подготовка будущих педагогов, основанная на аксиологическом подходе, позволит решить комплекс задач, связанных с формированием у студентов системы образовательных и профессиональных ценностей, в частности осознание социальной и личностной значимости, гуманистической миссии профессии педагога; формирование собственного отношения к профессиональным ценностям и мотивов дальнейшего самосовершенствования, стремления к вершинам профессионального мастерства; формирование новых ценностных смыслов, становление индивидуального ценностного опыта на основе механизмов педагогической рефлексии.

Литература

1. **Асташова Н.А.** Концептуальные основы педагогической аксиологии / Н.А. Асташова // Педагогика. – 2002. – № 8. – С. 8–13.
2. **Багдасарьян Н.Г.** Ценность образования в модернизирующемся обществе или Ценность знания в обществе незнания / Н.Г. Багдасарьян // Педагогика. – 2008. – №5. – С. 4.
3. **Здравомыслов А.Г.** Потребности. Интересы. Ценности / А.Г. Здравомыслов. – М. : Политиздат, 1986. – 223 с.
4. **Зинченко В.П.** О целях и ценностях образования / В.П. Зинченко // Педагогика – 1997. – № 5. – С. 3–16.
5. **Коменский Я.А.** Избранные педагогические сочинения : в 2 т. / Я.А. Коменский. – М. : Педагогика, 1982. – Т. 1. – 1982. – 658 с.
6. **Никитина Н.Н.** Развитие ценностного сознания учителя / Н.Н. Никитина // Педагогика. – 2000. – № 6. – С. 65–70.
7. **Ткачова Н.О.** Аксиологічний підхід до організації педагогічного процесу в загальноосвітньому навчальному закладі / Н.О. Ткачова. – Харьков: Каравела, 2006. – 300 с.
8. **Сластенин В.А.** Профессиональное сознание учителя / В.А. Сластенин, А.И. Шутенко // Magister. – 1995. – № 3. – С. 17–23.
9. **Сухомлинский В.А.** Как воспитать настоящего человека: (этика коммунистического воспитания): педагогическое наследие / В. А. Сухомлинский. – М. : Педагогика, 1990. – 288 с.
10. **Чижакова Г.И.** Теоретические основы становления и развития педагогической аксиологии : автореф. дис. на соиск. учен. степ. доктора пед. наук : спец. 13.00.01 Общая педагогика, история педагогики и образования / Г.И. Чижакова. – М., 1999. – 32 с.

УДК [37.011.3:94:17.022.1]-053.6

СМЫСЛЫ ПРОШЛОГО КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Турянская О.Ф.,

д. пед. н, профессор,
профессор кафедры педагогики
ЛНУ имени Тараса Шевченко
г. Луганск

Аннотация: статья посвящена проблеме формирования аксиологического сознания молодежи и роли осмысления событий прошлого в этом процессе. Автор исследует пути выявления нравственных и эстетических смыслов исторических событий, раскрывает значимость оценочной деятельности для формирования системы ценностей обучающихся.

Ключевые слова: аксиологическое сознание, смыслы прошлого, пути осмысления исторических событий, оценочная/ценностно-смысловая деятельность как путь выявления смыслов прошлого.

Abstract: the article is devoted to the problem of the formation of the axiological consciousness of youth and the role of understanding the events of the past in this process. The author explores ways to identify the moral and aesthetic meanings of historical events, reveals the significance of evaluative activities for the formation of students' value system.

Keywords: axiological consciousness, meanings of the past, ways of comprehension of historical events, evaluation / value-semantic activity as a way to identify the meanings of the past.

В современном мире борьба цивилизационных, политических, государственных систем все более из области военного, политического противоборства переходит в область ментальную, и более всего – в область ценностного, аксиологического сознания личности. Целенаправленное влияние на ценностные структуры сознания молодежи со стороны деструктивных социальных сил, стремящихся к разрушению традиционных смыслов и ориентиров человеческой жизни, стали открытыми и агрессивными с появлением современных СМИ и компьютерных технологий. В этих условиях история и процессы ее переосмысления стали играть особую роль. Публикации в интернете пестрят вопросами, которые переворачивают с ног на голову особенно значимые для самоидентификации юной личности смыслы прошлого нашего народа.

Что значила для юного жителя Донбасса десятилетия декларируемая в учебниках и социальном пространстве Украины формула – «Бандера – герой!»? Только одно – слом его идентичности как частички своих предков, как части той истории, через которую прошла его семья, отцы и деды. Именно поэтому мы обращаемся к проблеме формирования аксиологического сознания молодежи путем осмысления исторических событий.

Историческое познание имеет большое значение относительно развития аксиологического сознания человека именно потому, что первый вопрос общественного самосознания, самосознания той или другой культурно-исторической общности является тем же, что и вопрос к начавшему осознавать себя ребенку: «Чей ты? Как твое имя?» [55, с. 173].

Познание прошлого своей семьи, своего края, своего народа, страны всегда в основе своей имеет эмоциональное восприятие и переживание прошлого как частицы «моего» прошлого, моей собственной истории. Именно поэтому оно является для молодежи всегда эмоционально насыщенным, личным переживанием. Такое глубоко личное переживание прошлого открывает перед человеком смыслы исторических событий с его собственной, личностной позиции. Философ Ю. Давыдов считает историческую память средством, с помощью которого создается человек человеком, народ народом, культура культурой. По-

стижение исторического, по его мнению, происходит всегда через *опыт переживания истории* [55, с. 172].

Иначе говоря, процессы социально-культурной, духовной идентификации человека прямо связаны с историческим познанием. Предметом усвоения при изучении истории являются не только факты, явления, процессы, но и те моральные и эстетические смыслы прошлого, которые в них содержатся. Если смыслы исторических событий переживаются сердцем, то они остаются с человеком на всю жизнь. Будучи «открытыми» исходя из системы духовных и жизненных ценностей своего народа, своей семьи, интериоризованными в процессе обучения, воспитания, взросления, они определяют конкретные поступки личности, а зачастую, и выбор ею жизненного пути.

И.Я. Лернер, исследуя проблему развития исторического мышления, отмечал, что «историческое мышление – это умственная деятельность человека, направленная на осмысление прошлого, настоящего и будущего» [3, с. 22]. Слово «осмысление» подчеркивает сущность этого умственного процесса, как процесса выявления смысла исторических событий. В толковом словаре В. Даля, «смысл – это способность понимания, постижения, ума; способность правильно судить, делать выводы». «Осмыслить» у В. Даля это «найти смысл». О том, что историческое познание является процессом поиска смыслов прошлого, утверждали и философы, и историки.

Процесс изучения истории, познание прошлого всегда направлен на выявление смыслов минувших событий. По П. Рикеру осознание не дано как непосредственное видение, восприятие, а есть движение в сторону раскрытия смысла, разоблачения видимости образов, достижение того, что, в конечном счете, означают эти образы [5, с. 71–74].

Как видим, поиск смыслов исторических фактов определяется философией истории, герменевтикой как путь личностного постижения прошлого, как способ раскрытия всесторонних (и конкретно-исторических, и нравственно-эстетических) значений исторических событий, как работу глубинной, народной, духовной памяти, заложенной в каждом из нас жизнью предшествующих поколений. Каковы же пути определения смыслов исторических фактов? Эта проблема значима как в теоретическом, так и в практическом смысле. Философия истории утверждает, что значение и смысл событий прошлого во многом зависит от позиции с которой совершается оценка факта, явления, процесса.

Таких *позиций*, по мнению философа Е.П. Никитина несколько: «позиция Вселенной», «позиция Общества», «позиция Личности». Автор утверждает, что «человеку присуща способность, как будто вживаться в образ каждой из этих «позиций», отождествляться с ней и смотреть на мир «ее глазами». В соответствии с тем, чьими глазами мы в данный момент смотрим на какой-нибудь объект, глазами «Вселенной», «Общества», «Личности» и возникает *познавательное, нравственное (этическое) или эстетичное* отношение к объекту, тот, другой, или третий *вид духовной деятельности*, то, другое или третье духовное начало... Значение же выделения эти трех «транс – исторических начал» философ видит в том, что оно предоставляет возможность разглядывать, анализировать весь *процесс* материальной и духовной конкретно-исторической деятельности человека, народа, группы, класса, а не только ее результат [4, с. 12–15].

Позиция Е.П. Никитина для педагогов и историков привлекательна тем, что дает возможность изучать исторический процесс не с точки зрения его соответствия или нет какой-то конкретной норме, мысли, взгляду, теории. А, осуществляя в комплексе *познавательный, нравственный, эстетический подходы* к анализу исторических фактов, выявлять в каждом конкретном историческом событии его конкретно-исторические, нравственные, эстетические *смыслы*, что соответствует духовным потребностям каждого обучающегося. Такой комплексный подход к анализу и оценке исторических фактов позволит определить то, что

представляет в данном факте истину, добро, красоту (или наоборот, имеет антиисторический, антинаучный, преступный, античеловеческий, трагический смысл) [Там же].

Таким образом, философская теория Е.П. Никитина дает нам возможность определить главные пути, по которым должно происходить усвоение учащимися исторического материала. Чтобы обеспечить духовное развитие личности, всякое изучаемое историческое событие, поступок исторического лица должны быть рассмотрены в единстве всех его смыслов или присущих ему «транс-исторических начал» познавательного, нравственного, эстетического [Там же].

Главным способом постижения смысла событий прошлого является оценка. Оценка – это процесс и результат *оценочной (ценностно-смысловой) деятельности*, которая представлена, на наш взгляд следующими моментами: а) осознанием конкретно-исторического, нравственного или эстетического смысла исторического факта; б) эмоциональным переживанием соответствия/не соответствия этого смысла системе личностных ценностей; в) готовности на этой основе определить собственное отношение к событию прошлого, и выразить это отношение в оценочном суждении, т.е. высказать конкретно-историческую, нравственную или эстетическую оценку исторического события.

Таким образом, путь «постижения» прошлого обусловлен организацией оценочной деятельности (то с познавательной, то с нравственной, то с эстетической позиции), и при этом – актуализацией соответствующего личностного отношения к историческим фактам (познавательного, нравственного, эстетического). А затем, через осознание своих переживаний, – к выявлению и определению смыслов прошлого «для меня», сущность которых может быть сформулирована в виде оценочного суждения конкретно-исторического, нравственного и эстетического характера [6].

Дадим краткую характеристику каждой позиции, с которой может происходить оценка событий прошлого, выявлен соответствующий вид смысла, который объективно содержится в любом историческом факте.

Первый вид – «познавательная» позиция, отражающая конкретно-исторический подход к оценке событий прошлого. Она обуславливает поиск *конкретно-исторических смыслов прошлого*, которые определяются, как правило, учеными историками. Наличие научного, конкретно-исторического смысла прошлого в информационном компоненте содержания исторического образования, обуславливает и актуализирует такую личностную позицию обучающегося к историческим фактам, которую мы можем определить, как «состояние любознательной непредубежденности ученого-историка» (Б. Рассел), и которую философ Е.П. Никитин назвал «взгляд Вселенной». Сущность позиции – в стремлении к истине в познании прошлого. Результатом ее является свободная, осознанная и ответственная конкретно-историческая оценка прошлого. Свободная от каких бы то ни было ценностей и приоритетов (классовых, национальных, групповых, и т.п.) в отношении исследуемых исторических фактов, кроме одной – научной обоснованности суждения. У историка нет другой ценности, кроме стремления к истине. Он не подбирает факты под провозглашенную позицию или оценку, он работает с теми фактами, которые имели место в истории данной эпохи. И на основании достаточного и необходимого объема этих фактов он делает выводы и дает оценки.

Второй вид – «нравственная» позиция, отражающая морально-этический подход к оценке исторических событий. Е.П. Никитин определил ее как «точка зрения «Общества», как взгляд с точки зрения различных по масштабу социальных общностей: всего человечества, отдельной цивилизации, государства, народа, нации, класса, общественной группы, партии и т.п. Эта позиция обуславливает возможность поиска *морально-этических* смыслов прошлого с точки зрения той или иной социальной группы. Другой современный философ,

Ю. Давыдов, обосновывает морально-этический подход относительно оценки исторических событий тем, что люди сами создают свою историю. Создают ее в здравом уме и трезвой памяти, признавая свои цели, и самостоятельно подбирая к ним те или другие средства. Именно поэтому цели и результаты деятельности людей доступны оценке в понятиях морали и этики [2, с. 181]. Мы убеждены, что познание прошлого немислимо без постижения нравственно-этических смыслов «исторического». Особо следует отметить то обстоятельство, что нравственных смыслов исторического факта может оказаться несколько, т.к. они будут отражать интересы и взгляды разных групп людей. Таким образом, морально-этические смыслы исторических фактов с разных социальных позиций воспринимаются и переживаются по-разному. Какие же это позиции? Определить их можно, если среди систем нравственных ценностей выделить те, которые отвечают интересам, идеалам, ценностям определенной группы людей. Если оценивание исторического факта происходит в разной системе аксиологических координат, то оценки одного и того же события могут быть не только разными, но и противоположными (так, события в Киеве зимой 2014 года, для одних – «революция достоинства», а для других – «государственный переворот»; последующая война для одних – гражданская, а для других – агрессия РФ. Создание республик Донбасса для его населения – форма борьбы за идеалы и ценности своих предков, русского народа, каковым оно себя ощущает, а для проукраински, националистически настроенного населения Украины – это «зона оккупации сепаратистами»).

Как видим, нельзя не согласиться с представителями философии истории, которые утверждают, что морально-этических смыслов прошлого существует столько, сколько общественных интересов (национальных, государственных, классовых, групповых и т.п.) [4; 7; 8; 9].

Таким образом, раскрытие и поиск смыслов прошлого и есть, по нашему мнению, главным способом формирования аксиологического сознания молодежи Донбасса. Так, Н. Бердяев в книге «Смысл истории» указывает на то, что исторического познания без поиска смыслов не существует. Он пишет: «Вы не поймете ни одну из больших исторических эпох... иначе как путем исторической памяти, в откровениях которой познаете собственное духовное прошлое, собственную духовную культуру, свою родину» [1, с. 12].

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что отбор исторической информации для организации процесса обучения истории, направленного на формирование аксиологического сознания, должен обеспечить такое ее количество, такой её характер, такой соответствующий способ ее подачи, чтобы раскрыть во взаимосвязи и в комплексе все – *конкретно-исторические, морально-этические, эстетические смыслы* прошлого. Только в этом случае изучение прошлого будет актуализировать в комплексе духовные *потребности* личности: познавательные, этические, эстетические, развивать ее аксиологическое сознание.

Литература:

1. Бердяев Н. Смысл истории / Н. Бердяев. – М. : Мысль, 1990. – 173 с.
2. Давыдов Ю.Н. Этическое измерение памяти: (нравственно-философские размышления в связи с романами Чингиза Айтматова) / Ю.Н. Давыдов // Этическая мысль : [науч.-публицист. чтения] / [редкол.: А. Гусейнов (отв. ред.) и др.]. – М. : Мысль 1990. – С. 165–197.
3. Лернер И.Я. Историческое сознание и условия его формирования / И.Я. Лернер // Преподавание истории в шк. – 1988. – № 4. – С. 18–24.
4. Никитин Е.П. Духовный мир : органичный космос или разбегающаяся вселенная? / Е.П. Никитин // Вопр. философии. – 1991. – № 8. – С. 3–12.
5. Рикер П. Философская интерпретация Фрейда / П. Рикер // Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. – М., 1996. – С. 71–74.

6. **Турянская О.Ф.** Теоретические основы лично ориентированного подхода к обучению: Монография /О.Ф. Турянская. – Орел: Издательство ФГБОУ ВПО «ОГУ», 2015. – 278 с.
7. **Февр Л.** Бои за историю : [сб. ст.] / Люсьен Февр ; пер. А.А. Бобовича и др. вступ. ст. А.Я. Гуревича ; коммент. Д.Э. Харитоновича. – М. : Наука, 1991. – 629 с. – (Памятники истории исторической мысли).
8. **Феллер В.В.** Введение в историческую антропологию : опыт решения логической проблемы философии истории / В. Феллер. – М.: КНОРУС, 2005. – 672 с.
9. **Ферро М.** Как рассказывают детям историю в разных странах мира : [пер. с фр.] / Марк Ферро. – М.: Высш. шк., 1992. – 350 с.

УДК 94(477)' «1921/1939+94(477)(092)

ПОМОЩЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРАСНОГО КРЕСТА СОВЕТСКИМ ЗАКЛЮЧЕННЫМ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА НА ПРИМЕРЕ НАДЕЖДЫ СУРОВЦОВОЙ

Якименко Л.Н.,

к. ф. н, доцент,

доцент кафедры начального образования

ЛНУ имени Тараса Шевченко

г. Луганск

Аннотация: в статье предпринята попытка исследовать формы и методы работы таких международных организаций, как Международный Комитет Красного Креста и Политический Красный Крест в СССР 1920–1930-х гг. в период сталинских политических репрессий на примере их помощи осужденной по ложному обвинению в шпионаже Надежде Суровцовой. Украинский общественно-политический деятель в течение 1927–1956 гг. находилась в заключении, и только благодаря Политическому Красному Кресту ей удалось выжить, о чем узнаем из воспоминаний и писем женщины.

Ключевые слова: Надежда Суровцова, Политический Красный Крест, мемуары, репрессии.

Abstract: in the article an attempt to investigate the forms and methods of work of such international organizations as the International Committee of the Red Cross and the Political Red Cross on the territory the USSR in the 1920's and 1930's during the Stalinist political repressions period was made on the example of Nadia Surovtsova's life. During the years 1927–1956, the Ukrainian public and political activist was imprisoned, and only thanks to the Political Red Cross, she managed to survive, as we learn from the memories and the epistol of woman.

Keywords: Nadia Surovtsova, Political Red Cross, memories, repressions.

Надежда Витальевна Суровцова (1896–1985) – писательница, журналистка, переводчик, общественный деятель, краевед, историк – защитила в Вене диссертацию «Богдан Хмельницкий и идея украинской государственности» и стала первой украинкой, которая получила степень доктора философии. Однако судьба этой удивительной, легендарной женщины была настолько трагичной, что не только ее научное и литературное наследие, но и жизненные перипетии, зафиксированные в мемуарах писательницы и ее письмах, у многих исследователей и краеведов-соотечественников справедливо вызывают большой интерес.

Для ученых-историков ее воспоминания и эпистолы – очень ценный источник информации, так как они содержат уникальные данные обо всех периодах восстановления украинской государственности в первой четверти XX века и о деятельности различных международных организаций, многие из которых принимали непосредственное участие в улучшении условий ее существования в неволе (Н. Суровцова почти 30 лет находилась в заключении – на протяжении 1927–1956 гг.). В этом контексте особое внимание, на наш взгляд, следует уделить функционированию Общества Красного Креста (ОКК) в Украине и Политического Красного Креста (ПКК) – в целом в Российской империи и СССР в первой трети XX века, отдельно рассмотрев их помощь и содействие Н. Суровцовой в период ее пребывания в Ярославском политическом изоляторе и на принудительном поселении в Архангельске.

Также важно подчеркнуть, что не только отдаленное историческое прошлое, но и современные проблемы требуют более глубокого и всестороннего изучения истории организаций, которые реально способны облегчить жизнь людей в условиях войны. Учитывая сложную гуманитарную ситуацию на Востоке Украины (2014–2019 гг.), нельзя не согласиться с утвержде-

нием О.Г. Грибан, что «глубокий анализ истории <...> Общества Красного Креста <...> поможет в формировании взвешенной государственной медико-социальной политики и создании новых форм социальной и духовной помощи малообеспеченным», а «понимание истории общества Красного Креста <...> позволит избежать ошибок в развитии гражданского общества и правового государства» [2, с. 3].

Цель исследования заключается в реконструкции и объективном анализе особенностей деятельности Красного Креста и Политического Красного Креста на протяжении 1920-х – 1930 гг. и их помощи политическим заключенным на примере жизни Надежды Суровцовой.

Историографический анализ позволяет сделать вывод о том, что научная проблема функционирования обществ МКК и ПКК в Украине (1920–1930-е гг.) не была предметом специального комплексного исследования. Так, в научных трудах советского периода [1; 4; 5; 7; 12] сосредоточена значительная фактологическая база, но в них четко прослеживается ограниченность методологических подходов и идеологическая ангажированность. Современные научные наработки ученых по истории Красного Креста [2; 3; 6; 9; 10] отличаются новым концептуальным осмыслением исторического места общественных объединений в политической системе государства «диктатуры пролетариата» [2, с. 17]. При этом вопросы функционирования Политического Красного Креста вообще находится на маргиналах научного изучения.

Напомним, что Международный Комитет Красного Креста (МККК) является независимой гуманитарной организацией, которая осуществляет свою деятельность по обеспечению защиты жертв международных и внутренних вооруженных конфликтов. МККК создан в 1863 г. уроженцем Швейцарии Анри Дюнаном. МККК является основателем Движения Красного Креста (ДКК). Согласно его Уставу, цель Организации состоит в том, чтобы отстаивать и распространять основополагающие принципы ДКК (гуманность, нейтральность, универсальность и т.п.), выполнение возложенных Женевскими конвенциями задач по контролю за соблюдением норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов, обеспечение функционирования Центрального агентства по розыску, а также ведение разъяснительной работы по применению гуманитарного права во время вооруженных конфликтов среди причастных министерств и ведомств. Во время вооруженных конфликтов международного или внутреннего характера МККК предоставляет защиту и помощь жертвам как среди военнослужащих, так и среди гражданского населения, в частности, военнопленным, гражданским интернированным лицам, раненым, гражданскому населению на оккупированной территории и тому подобное. Штаб-квартира МККК находится в г. Женеве (Швейцария), а представительства организации, в которых, в общем, работает более 12 тыс. человек, расположены в почти 80 странах мира, среди которых Украина и Россия [27].

Органами управления МККК является Ассамблея (верховный орган управления), Совет Ассамблеи (вспомогательный орган, которому Ассамблея делегирует ряд своих полномочий) и Директорат (исполнительный орган). Во главе Ассамблеи и Совета Ассамблеи стоит Президент МККК [27].

Среди направлений деятельности ОККУ определены следующие: благотворительность, волонтерство, ВПЛ, дети, здоровье, молодежь, права человека, социальная защита. Предусмотрены разные виды деятельности: информация, адвокатура, аналитика, издания, сбор пожертвований, обучение, события/мероприятия, просвещение, социальная помощь [13].

Созданное во второй половине XIX века Общество развивалось как гуманитарная медико-реабилитационная организация, которая помогала нуждающимся, больным, инвалидам и раненым военнослужащим российской армии. В течение 1918–1921 гг. общество оставалось медико-гуманитарным, продолжая, в основном, оказывать помощь нуждающимся гражданским и военным лицам [2, с. 14]. Так, в течение 1920-х гг. оно организовывало тысячи бесплат-

ных столовых для бедных, предоставило населению миллионы продовольственных пайков. Уже в 1930-х гг. УКК имело в своей собственности 119 медицинских, 206 профилактических и детских учреждений, четвертую часть всех противотуберкулезных диспансеров, 36 оздоровительных учреждений, 800 бань, 300 фельдшерско-акушерских пунктов, 400 аптек и магазинов санитарии и гигиены [2, с. 15].

При этом помощь политзаключенным в Российской империи, Советской России, а впоследствии – и в СССР осуществлял именно Политический Красный Крест. Первая такая организация возникла в Петербурге в 1874–1875 гг. по инициативе бывшего «чайковца». Впоследствии идею подхватили Л. Корнилова-Сердюкова, Л. Синегуб и В. Фигнер, которые помогали арестованным участникам «хождений в народ». В 1881 г. по инициативе народовольцев Ю. Богдановича и И. Калюжного было создано «Общество Красного Креста Народной воли».

В 1918 г. была создана организация «Московский комитет Политического Красного Креста», известная также как «Московское общество Красного Креста для помощи политическим заключенным» или «Московский Политический Красный Крест». Его основатели: М. Муравьев, Е. Пешкова и М. Винавер. Организация была узаконена декретом наркома юстиции РСФСР И. Штейнбергом. Политический Красный Крест работал в Москве в течение февраля 1918 – сентября 1922 гг. Почетным председателем была Вера Николаевна Фигнер, главой – Екатерина Павловна Пешкова, ее заместителем – Михаил Львович Винавер, а также известные в то время адвокаты Николай Константинович Муравьев и Павел Николаевич Малянтович, врач Андрей Юрьевич Фейт. Кроме них, сотрудниками организации были Вера Григорьевна Ман, курьер Вера Антоновна Перес, машинистка Дарья Кузьминична Градская, Татьяна Ивановна Шингарева [2, с. 16].

Уставной капитал ПКК получил от Международного Красного Креста и Американской Администрации Помощи (АРА), Международного Комитета помощи голодающим миссии Фриггофа Нансена, Всемирной конфедерации еврейских рабочих, Российского Красного Креста в Париже, социалистических эмигрантских организаций. Также известные деятели в области культуры, литературы, искусства, энтузиасты-благотворители, меценаты организовывали концерты, лотереи, распродажи, средства от которых перенаправлялись ПКК. Деятельность этой международной организации состояла в том, чтобы улучшить условия содержания заключенных. ПКК вместе с Польским Красным Крестом также занимались судьбой репатриантов (переселенцев согласно Рижскому российско-польскому договору 1921 г.).

Однако советская власть осталась недовольна помощью ПКК подсудимым социалистам-революционерам (1922 г.), и, как следствие, Политический Красный Крест приостановил свое функционирование. Кроме того, был арестован М. Муравьев. Однако почти сразу (август, по другим данным – 12 июня, 1922 г.) ПКК возобновил свою деятельность под другим названием – «Помощь политическим заключенным» (ППЗ) (разновидности названия: «Помполит», «Политпомощь»). Реанимированная ППЗ получала от ОГПУ данные относительно приговоров, вынесенных политзаключенным, имела право доводить до сведения родственников информацию о заключенных, помогала обездоленным продуктами, деньгами, медикаментами – из собственных резервов или переправляла посылки от родных. Не менее ценными были и профессиональные юридические советы, которых так не хватало бесправным гражданам в условиях тоталитаризма.

15 июня 1938 г. Н. Ежов отдал приказ о ликвидации ППЗ. Помещение организации было опечатано, а архив передано в Главное архивное управление НКВД. Теперь материалы ПКК и ППЗ хранятся в ЦГАРФ в фонде 8409. Традицию Политического Красного Креста в России возродили уже советские диссиденты в 1970-х гг.

Возвращаясь к событиям 1920–1930-х гг., следует отметить, что ПКК испытывал острую нехватку средств. Причина этого – увеличение количества осужденных вследствие

массовых репрессий, которые развернула большевистская политическая машина против «неблагонадежных», врагов народа и партии, шпионов и диверсантов на всех просторах бывшей Российской империи. Тюрьмы и лагеря были переполнены заключенными, прежде всего – политическими, которых морально и материально пытался поддержать ПКК» [11, с. 3].

В жернова репрессивной политической машины попала и Надежда Суровцова. После возвращения из Европы в 1925 г. она поселилась и работала в Харькове. Осенью 1926 г. Н. Суровцову вызвали в Харьковское ГПУ и предложили женщине за определенную плату следить и докладывать о ее друзьях и знакомых – Ю. Коцюбинском, В. Ауссеме, М. Левицком, К. Максимовиче. Н. Суровцова наотрез отказалась. 6 декабря 1927 г. Н. Суровцову вызвал к себе О. Евгеньев, заместитель начальника 2-го отдела КГБ, майор госбезопасности. Он сообщил довольно неприятную новость: вместо долгожданной поездки в Киев ей придется ехать в Москву. Сначала она восприняла это как важное задание, но потом О. Евгеньев уточнил, что она арестована. В ее квартире устроили обыск, потом повезли в тюрьму, а на утро поездом доставили в Москву. Она ехала в одном вагоне с делегатами XV партийного съезда, чтобы создать иллюзию свободного человека: строго запрещалось сообщать, что она арестована. Пунктом назначения была Лубянка. От следователей Н. Суровцова узнала, что арестован также ее жених Г. Петренко, но о сути обвинений ничего не было известно. На допросе женщины побывал Г. Ягода, который настаивал на ее сотрудничестве с органами госбезопасности, хотя денег уже не предлагали.

В ходе следствия Н. Суровцовой показали опубликованный в варшавской эмигрантской газете «Возрождение» некролог, где сообщалось, что она расстреляна. При этом уполномоченный III отделения КРО ОГПУ Осмоловский пытался доказать, что Н. Суровцова и Г. Петренко, «в прошлом – активные участники “самостоятельных” правительств Украины, находились длительное время за границей и имели там связь с контрреволюционными организациями», а сама Н. Суровцова – «активный деятель борьбы с большевиками за независимую Украину», и вернулась она, чтобы и дальше служить своим «хозяевам» на Западе [14, с. 147].

Мать Надежды Суровцовой Анна Суровцова, учительница русского языка в школе г. Умань, о судьбе дочери ничего не знала. Поэтому в 1928 г. она решила обратиться к Екатерине Пешковой, председателю ПКК, с просьбой помочь ей в поисках дочери, которая исчезла в Харькове 28 ноября. Е. Пешкова откликнулась на просьбу и приложила немало усилий, чтобы что-то узнать о судьбе Н. Суровцовой. Вскоре ей самой разрешили написать матери. Анна Ивановна об этом известила Е. Пешкову и спрашивала, может ли та посочинить, чтобы ей позволили повидаться с дочерью и передали во внутреннюю тюрьму ГПУ деньги. На оба вопроса она получила отрицательный ответ, но через Красный Крест А. Суровцова смогла переправить продукты и белье [11, с. 5–7].

После того, как стало известно о приговоре Н. Суровцовой: 5 лет концентрационного лагеря на Соловках за польско-немецкий шпионаж, который был заменен на пятилетний срок заключения в камере-одиночке Ярославского политического изолятора – Анна Ивановна уже обратилась к заместителю Е. Пешковой М. Винаверу за советом, как облегчить существование дочери в новых, еще более тяжелых, чем были, условиях (например, переписываться с матерью разрешалось лишь четыре раза в месяц (1, 8, 16 и 25 числа), но цензура от содержания письма не оставляла ничего – лишь отрывочные, не связанные между собой фразы) [25, с. 9]. Михаил Львович ответил, что посылки можно присылать прямо на адрес Ярославского политизолятора, а также можно получить разрешение на свидание (разрешалось 3–4 часа в месяц) [11, с. 10].

Из письма В. Ман, сотрудницы ПКК, узнаем, что Анна Ивановна старалась поддержать и жениха дочери Г. Петренко, – посылала ему деньги (20 руб.) на Соловки, но их вернули

обратно [11, с. 11]. Именно Красный Крест взял на себя труд передать эти средства адресату, который на тот момент также находился в Ярославле.

После смерти Анны Суровцовой (30 января 1930 г.) в нескольких письмах с просьбой о помощи к Е. Пешковой в течение 1932 г. обращались коллеги и родственники Суровцовых П. Дибольд, учительница немецкого языка, Е. Андриевская. Дело в том, что у Н. Суровцовой в тюрьме развилось малокровие, цинга, неврастения; ей запрещали писать письма, ограничили прогулки, неизвестно, получала ли она посылки от родных – ситуация критическая. Адресанты интересовались, может ли ухудшение состояния здоровья стать основанием для сокращения срока пребывания в заключении [11, с. 12]. К сожалению, никакого смягчения режима для Н. Суровцовой предусмотрено не было.

14 октября 1932 г. Е. Пешковой написала и сама Н. Суровцова: 6 декабря истекал срок ее пребывания в Ярославле, и женщину отправляли на принудительное поселение в Архангельск. Средств на обустройство на новом месте в большой и измученной тюрьмой женщины не было, и она просила ПКК одолжить ей хоть какие-то деньги [11, с. 13]. Е. Пешкова сразу откликнулась на просьбу. Н. Суровцова получила 50 рублей, которые обещала вернуть с первой же зарплаты [25, с. 14–15].

После тридцатилетней тюремной голгофы Н. Суровцова вернулась в Умань (Украина, Черкасская область), но не забыла о своей благодетельнице Е. Пешковой и возобновила с ней переписку ориентировочно в феврале-марте 1961 года, которая продолжалось, вероятно, до 1964 года. Преобладающее большинство писем было утрачено, а сохраненные в киевских архивах эпистолы свидетельствуют о взаимной радости женщин, которые остались живы после всех мытарств [11, с. 16].

Таким образом, ряд организаций, среди которых Международный Комитет Красного Креста, Политический Красный Крест, беспокоились судьбой жертв политических репрессий в Советской России в 1920–1930-х гг., всячески помогая заключенным, принудительным поселенцам выжить в тюремных условиях, информировали родственников, оказывали юридическую помощь и моральную поддержку. Об этом свидетельствуют и эгодокументы Надежды Суровцовой, которая треть века находилась в лагерях и на принудительных поселениях по сфабрикованным и беспочвенным обвинениям. Именно благодаря Политическому Красному Кресту она сумела выстоять и пройти свой тернистый путь.

Литература

1. **Акодус Я.И.** Краткий очерк истории Советского Красного Креста / Я.И. Акодус. – М.: Мосгорком. Красного Креста, 1958. – 31 с.
2. **Грибан О.Г.** Діяльність Українського товариства Червоного Хреста (20-ті – 30-ті роки ХХ століття) / О.Г. Грибан / Автореферат дисертації на здобуття ступеня кандидата історичних наук за спеціальністю 07.00.01 – історія України. – К., 2015. – 22 с.
3. **Журба М.** Міжнародні зв'язки Українського Червоного Хреста / М. Журба. – К., 2007. – 212 с.
4. **Златковский Д.** Развитие краснокрестного дела в СССР / Д. Златковский // Сборник СОКК и КП Союза СССР. – М., 1929. – С. 9–13.
5. **Курбасов Т.И.** Страницы истории советского Красного Креста / Т.И. Курбасов, Л.Б. Сироткина. – М.: Медицина, 1958. – 22 с.
6. **Литовченко Т.А.** Військово-оборонна діяльність Українського товариства Червоного Хреста у 1918–1939 роках / Т.А. Литовченко: дис. ... канд. іст. наук : 20.02.22. – К., 2006. – 202 с.
7. **Митерев Г.А.** Советский Красный Крест / Г.А. Митерев. – Пермь, 1963. – 16 с.
8. **Міжнародний Комітет Червоного Хреста** [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://geneva.mfa.gov.ua/ua/ukraine-io/red-c>

9. **Ореховський В.В.** Діяльність Російського товариства Червоного Хреста у роки Першої світової війни (1914–1917) / В.В. Ореховський / Дис. ... к.і.н. – Чернівці, 1997. – 247 с.
10. **Рожков М.В.** Міжнародна діяльність Товариства Червоного Хреста УСРР у 20–30-ті рр. ХХ століття / М.В. Рожков // Наукові праці історичного факультету ЗНУ. – 2013. – Вип. 36. – С. 130–133.
11. **Суровцова Надія.** Листи / Надія Суровцова. – К.: Вид-во ім. О. Теліги, 2001. Кн. 1. – 704 с.
12. **Тернова М.А.** Страницы истории отечественного Красного Креста / М.А. Тернова, Л.О. Чернухо. – М. : Медицина, 1986. – 32 с.
13. **Товариство Червоного Хреста України** [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://www.prostir.ua/?organization=tovarystvo-chervonoho-hresta-ukrajiny>
14. **Якименко Л.М.** Надія Суровцова (1896–1985): у пошуках втраченого часу: моногр. / Людмила Якименко, Ігор Кривошея; під ред. Галича О.А. – Умань: Видавець «Сочінський М.М.», 2016. – 280 с.

РОЛЬ НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ СЛАВЯНСКИХ ГОСУДАРСТВ

УДК [94:82.02] [477.6:(470+571)]“19”

ПОЛИКУЛЬТУРНЫЙ ДОНБАСС КАК ЦЕНТР ПЕРЕСЕЧЕНИЯ СУДЕБ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Анпилогова Т.Ю.,

к. ист. н., доцент кафедры истории Отечества

ЛНУ имени Тараса Шевченко

г. Луганск

Аннотация: статья посвящена творческому взаимодействию гуманитарной интеллигенции Донбасса и других регионов России и Украины. Автором проанализирован вклад писателей – уроженцев края – в культуру славянских народов СССР, освещен период становления и деятельности литературной организации пролетарских писателей «Забой».

Ключевые слова: Донбасс, литературная деятельность, творческое объединение «Забой», пролетарские писатели, поликультурность, интеллигенция.

Abstract: the article is devoted to the creative interaction of the humanitarian intelligentsia of Donbass and other regions of Russia and Ukraine. The author analyzes the contribution of writers – natives of the region – to the culture of Slavic peoples, highlights the period of formation and activity of the literary organization of proletarian writers «Slaughter».

Key words: Donbass, literary activity, creative association «Slaughter», proletarian writers, multiculturalism, intelligentsia.

Донбасс, занимающий важное геополитическое положение, издавна являлся территорией, населенной различными этническими группами и народами. Поликультурность и национальная толерантность населения Донбасса была обусловлена исторически. На протяжении трех столетий его земли заселяли представители различных наций: сербы, хорваты, русские, украинцы, немцы, греки, евреи, поляки, армяне, татары и многие другие. Отсутствие в крае межнациональных конфликтов объяснялось двумя основными факторами – активными миграционными процессами и социокультурными характеристиками мигрантов. Первый обуславливался тем, что ни для одной из наций данная территория не являлась этнической территорией – для них она становилась второй Родиной. Второй фактор состоял в том, что во все времена Донбасс являлся своеобразной зоной свободы, территорией, где находили приют и защиту беглецы, а позднее – и политически неблагонадежные представители интеллигенции. Эти факторы детерминировали такую особенность региона, как поликультурность. В XX веке она получила еще большее распространение благодаря представителям литературной, педагогической, научной интеллигенции, для которых Донбасс стал местом пересечения их судеб и наиболее активной творческой самореализации. Целью данной статьи является определение влияния социокультурных особенностей Донбасса на судьбы и творчество представительней восточнославянской гуманитарной интеллигенции первой половины XX века.

Проблема этнического многообразия и социокультурных особенностей Донбасса длительное время была обделена вниманием ученых. Отдельным ее аспектам посвящены работы отечественных исследователей Л.Д. Якубовой, С.В. Дебы, В.А. Сиволапова, Н.К. Еропутовой, Т.Ю. Анпиловой, В.И. Подова. Вопреки бытующему в отечественном обществе стереотипному представлению о Донбассе как исключительно о «колыбели пролетариата», именно с ним в течение нескольких столетий были связаны судьбы и профессиональная деятельность многих представителей культурной элиты. Среди них – В.И. Даль, В.М. Гаршин, А.П. Чехов, Я.П. Овчаренко (Иван Приблудный), М.Л. Матусовский, В.Н. Сосюра, П.Г. Беспощадный и многие другие.

Период 1920–1930-х годов стал для Донбасса важной, и в то же время противоречивой, вехой в культурном развитии. Он дал возможность мигрировавшим в регион культурным деятелям проявить свой творческий потенциал сквозь призму региональных особенностей территории, являвшейся одновременно зоной свободы и террора, традиционного кросскультурного взаимодействия и пассионарности, пребывающей в состоянии глубокого анабиоза.

1920-е годы ознаменовали собой начало культурной революции, связанной с утверждением новой, советской, власти в УССР. Одной из поставленных правительством задач стало создание новой пролетарской интеллигенции, которая смогла бы не только обеспечить поддержку государственно-партийной власти, но и осуществлять необходимую идеологическую и социокультурную политику руководства УССР. Кроме того, необходимо было создать пласт пролетарской литературы, которая могла бы вселять в местное население надежду на светлое будущее и одновременно выполнять агитационно-воспитательную функцию – возвеличивать трудовой подвиг народа, призывать к новым достижениям и победам, постулировать идею гегемонии пролетариата в советском обществе и др. [1, с. 3].

Несмотря на то, что в УССР уже существовал ряд охваченных революционной романтикой литературных течений и творческих организаций, которые позиционировали себя как пролетарские, далеко не все они были понятны донбасскому пролетариату. Создать близкую и понятную местным рабочим литературу они не могли в силу непонимания социокультурной специфики региона. Попытку справиться с данной задачей взял на себя союз пролетарских писателей «Забой», созданный в городе Артемовске в конце октября 1924 года во время вседонецкого съезда рабкоров [2, с. 236]. Общество состояло преимущественно из рабочих и шахтеров, которые не являлись профессиональными писателями.

Практически с первых месяцев существования «Забоя» его руководство издавало в еженедельной газете «Луганская правда» литературную страницу. В первом выпуске страницы отмечалось, что союз поддерживает политику партийно-государственной власти, а «линия его деятельности совпадает с последним решением политбюро ЦК РКП о политике партии в художественной литературе» [3, с. 5]. Подобные литературные странички «забоевцы» имели в газете города Сталино (ныне – Донецк) «Диктатура труда», артемовской газете «Кочегарка» и газете «Молодой шахтер». Печать произведений литературного творчества пролетарских писателей делала его наиболее доступным для основного адресата – рабочих региона.

В 1925 году издательство «Рабочий Донбасса» опубликовало первый литературный сборник союза «Забой». У истоков создания этого журнала стояли литератор Михаил Слонимский и поэт и драматург Евгений Шварц, впоследствии получившие мировую известность. Вскоре главным редактором журнала и председателем союза стал известный в Донбассе журналист и литературный критик Алексей Селивановский. Его судьба демонстрирует один из примеров того, как многие известные деятели, родившиеся далеко за пределами Донбасса, обнаруживали неординарный талант и ярко проявляли свой творческий потенциал, попав на территорию региона, деятельность во благо которого обеспечивала им стремительный карьерный рост в столичных городах.

Среди известных выходцев организации «Забой» – Павел Беспощадный, Борис Горбатов, Григорий Баглюк, Василий Гайворонский и другие. Многие из них печатали свои первые литературные произведения в середине 1920-х годов в еще одном периодическом издании – ежемесячном журнале «Образование Донбасса».

Руководили ячейками союза, создаваемыми активистами в различных населенных пунктах Донбасса, местные бюро, которые подчинялись окружным бюро. Работу всех ячеек возглавляло вседнецкое бюро «Забой», располагавшееся в Артемовске [4, с. 5]. За первые полгода своего существования союз «Забой» вырос и количественно, и качественно, чем привлек внимание не только широких масс трудового населения, но и партийных органов. Со временем влияние союза распространилось на новые города и населенные пункты, увеличилось количество его членов [5, с. 7].

Пролетарский состав организации «Забой» и характер профессиональной деятельности его членов в целом обусловил основную тематику творчества «забоекцев». Их произведения представлены различными литературными жанрами – поэзией, эссе, повестями, рассказами, юморесками, критическими статьями, посвященными жизни промышленного Донбасса, суровым трудовым будням, патриотизму, трудолюбию, мужеству работающих людей. Как правило, героями этих произведений выступали рабочие, шахтеры, заводчане. Литературная страница «Забоя» в газете «Молодой шахтер» содержала рубрику «Литературные беседы», которую профессиональные опытные литературоведы использовали не только для повышения литературного мастерства литераторов, но и для проведения агитационно-пропагандистской работы и формирования у читателя необходимых литературных и идеологических предпочтений. Например, в одной из статей литературовед П.В. Вольнов призвал юных писателей-аматоров чаще обращаться к революционной тематике, аргументируя это тем, что в литературе Донбасса уделялось недостаточно места «художественным описаниям великой борьбы» – гражданской войны и революции [6, с. 4].

Для популяризации творчества «забоекцев» среди рабочих масс члены союза регулярно устраивали литературные вечера, участвовали в концертах и встречах, организованных руководством заводов Артемовска, Луганска и других городов. На этих мероприятиях выступали популярные писатели Донбасса – Б. Горбатов, В. Гайворонский, Г. Баглюк, И. Ле, П. Беспощадный, П. Байдебура, Н. Треплев, П. Красноперов, Р. Вуль, А. Фарбер и другие [7, с. 4]. Творческое становление этих писателей, как и некоторых других известных советских литераторов, было тесно связано с литературным союзом «Забой» и произошло с ее помощью.

С целью популяризации пролетарской литературы на предприятиях или учебных заведениях создавались литературные кружки. Например, литературоведческий кружок, названный созвучно имени объединения писателей – «Забоем», действовал в 1920-е годы при Донецком институте народного образования. Им руководил талантливый педагог и ученый Фома Бельский. Родившийся в Беларуси, получивший высшее образование и состоявшийся как ученый в Киеве и Полтаве, в 1923 году он приехал в Луганск, где в течение шести лет преподавал в институте, занимаясь параллельно научной и общественной деятельностью. В ДИНО его профессиональный путь пересекся с еще одним талантливым ученым-историком Сергеем Грушевским, окончившим Киевский университет св. Владимира, и до приезда в Луганск работавшим в Златополе и Полтаве. Ученых объединяло многое – широкая география профессиональной деятельности, поликультурность, дальнейшая работа на Кубани в постлуганский период. О поликультурной деятельности литературного кружка и ученых ДИНО свидетельствует тематика лекций, которые они читали для педагогов и широкой общественности: «Сергей Есенин как поэт», «Чайковский как толкователь музыки Пушкина», «Характеристика научной и общественной деятельности академика Д.И. Багалия», «Творческая деятельность Максимовича» и др. [8, с. 12].

К началу 1930-х годов культурная жизнь в УССР претерпела значительные изменения – начался целенаправленный непрерывный процесс ограничения творческой свободы художников, а вскоре – и полная монополизация партийно-государственной власти в сфере культуры. Сначала на роль монополиста всей литературной продукции стала претендовать Всесоюзная ассоциация пролетарских писателей (ВАПП), которая объединяла в своем составе несколько мелких пролетарских литературных организаций – ВУСПП, «Октябрь» и др. «Забоевцы» предприняли попытку сохранить свою организационную самостоятельность и самобытность и в декабре 1929 году вышли из ВАПП. Но уже в 1932 году в УССР была создана единая литературная организация – Союз советских писателей Украины – и «Забой» вынужден был прекратить свое существование. Многих его руководителей и членов постигла участь репрессированных, как и представителей системы образования, библиотечного дела, науки.

Таким образом, межвоенные годы в истории Донбасса стали периодом интенсивного культурного развития, попыток приблизить литературное искусство к потребностям населения края с учетом его социокультурных особенностей. Активную роль в этом процессе приняли представители гуманитарной интеллигенции, в силу обстоятельств оказавшиеся на территории региона, создавшего условия для их дальнейшего творческого и профессионального роста.

Литература

1. **Анпілогова Т.Ю.** «Забой» – перша літературна організація пролетарських письменників Донбасу Забой Матеріали Міжнародної наукової конференції студентів, аспірантів та молодих вчених «Актуальні проблеми новітньої історії». 23 листопада 2006 року. – Луганськ, 2006. – С. 2–5.
2. **Государственная архивная служба** Луганской Народной Республики. Ф. Р-401. Оп. 1. Д. 615. Л. 236.
3. **Селивановский А.** Что такое союз «Забой» // Луганская правда. – 1925. – № 164. – С. 5.
4. **Литературная страничка.** Хроника “Забоя” // Кочегарка. – 1927. – № 54. – С. 5.
5. **Государственный архив** Донецкой Народной Республики. Ф. Р-837. Оп. 1. Д. 259. Л. 7.
6. **Вольнов П.В.** Литературные беседы // Молодой шахтер. – 1925. – № 81. – С. 4.
7. **Литературная страничка** // Молодой шахтер. – 1925. – № 116. – С. 4.
8. **Центральный государственный архив** высших органов власти и управления Украины. Ф. 331. Оп. 1. Д. 258. Л. 12.

УДК 321.011.5

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РЕСПУБЛИК ДОНБАССА В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (2014-2019 гг.)

Королева Г.И.,

к. ист. н., доцент кафедры социально-гуманитарных
дисциплин ГОУК ЛНР «Луганская
государственная академия культуры и
искусств имени М. Матусовского»
г. Луганск

Аннотация: рассматривается на фоне фундаментального пересмотра основных принципов безопасности и формирование «поствестфальского мира» с характерной бифуркацией системы международных отношений новые вызовы и возможности для Луганской и Донецкой Народных Республик в условиях гражданской войны (2014–2019 гг.).

Ключевые слова: глобализация, цивилизационные проекты, русский мир, суверенитет, цветные революции, Евромайдан, гражданская война, сепаратизм, Луганская Народная Республика, Донецкая Народная Республика, Минский процесс, формула Штайнмайера.

Abstract: considered the background of a fundamental revision of the basic principles of security and the formation of a «post-Westphalian world» with a characteristic bifurcation of the system of international relations, new challenges and opportunities for the Luhansk and Donetsk People's Republics in the civil war (2014–2019).

Keywords: globalization, civilizational projects, Russian world, sovereignty, color revolutions, Euromaidan, civil war, separatism, Luhansk people's Republic, Donetsk people's Republic, the Minsk process, the formula Steinmeier.

Современный мир породил для славянских народов новые опасности, но и новые возможности. Российская Федерация, а также Луганская и Донецкая Народные Республики обладают огромным потенциалом для устранения глобальных угроз и содействия реализации новых возможностей. Активная и дееспособная политика может стать влиятельным фактором мирового значения в процессе создания эффективной системы многостороннего сотрудничества для создания более справедливого и безопасного мира.

В начале XXI в. в результате эволюции системы международных отношений человечество подошло к началу «ледяной» мировой войны, которая стала следствием конкуренции существующих цивилизационных проектов мироустройства. Самые мощные «атлантический» («американский») и «европейский» проекты возникли на руинах Ялтинского мира в результате самороспуска «советского» проекта. Коллективный Запад провозгласил идею «конца истории», признав венцом совершенства западную либеральную глобальную модель [1].

Фундаментальный пересмотр основных принципов безопасности обусловлен бифуркацией (от лат. *bifurcus* «раздвоенный», качественная перестройка), которая формирует систему «поствестфальского мира». В процессе трансформации стран мира в глобальное сообщество идет процесс нивелирования государственного суверенитета национальных государств, права на невмешательство и принцип равенства прав государств, а также соблюдения норм международного права [2, с. 108]. Международные организации, в том числе ООН, в полной мере перестали быть эффективным механизмом для обеспечения системы безопасности. Исчерпание потенциала поствестфальской системы привело мир к глобальной нестабильности. Изменилась система противовесов Востока и Запада, становление Китая как сверхдержавы, усилились международный терроризм, национализм и радикализм. С одной стороны, мир по-

нимает, что ядерная война уничтожит человечество. Но, с другой стороны, практически ушло поколение тех, кто помнит ужасы мировых войн XX в. К сожалению, история учит нас тому, что она ничему не учит, и люди повторяют прошлые ошибки по прежним лекалам. В этой связи для славянских народов принципиальным вопросом является сохранение суверенитета национальных государств [3, с. 3].

Предметом текущего глобального конфликта в условиях кризиса либерального проекта является борьба за капиталы, умы и природные ресурсы. В данной парадигме к «силам зла» Запад причислил Россию, которая обладает государственной, военной, социальной, культурной, частично экономической и научно-технологической самодостаточностью, что в международном праве называется суверенитетом. Россия противостоит геополитическим амбициям «мирового жандарма» – США, отстаивая авторитет ООН и переформатирование мира в многополярный проект.

Сценарий текущего глобального конфликта качественно отличается от мировых войн XX в., когда Германия использовала метод линейной агрессии. Новый тип войны предполагает разрушение базовых основ существующего миропорядка с помощью санкций в сфере экономики и финансов, организации серии «цветных революций», военных операций США и НАТО против ряда стран и цепочки «горячих» локальных войн, прежде всего, в Сирии и Донбассе. Кроме того, широко используется самый экологический, с точки зрения западных политологов, вид оружия – информационный. Информационная война ведется с целью обработки общественного сознания и дискредитации правящей элиты в тех странах, которые не согласны с диктатом монополярного мира.

Особенно ярко противостояние Запада и России проявилось в период государственного переворота на Украине 2014 г. Неготовность стран Запада к полномасштабным военным действиям стимулировала их разыграть «украинскую карту» и переформатировать Украину в русофобское государство [4, с. 47]. Данные события выдвинули Донбасс на острие мировой истории, а новые вызовы поставили перед его жителями – русским субэтносом и братской Россией – вопрос выбора перспектив развития. Перед Россией объективно возникла необходимость выдвинуть собственный цивилизационный проект «Русского мира», по масштабам и содержанию сравнимого с проектами Запада, Востока и Юга. Это стало условием сохранения собственно российской государственности и возвращения её в ранг великой державы. Очевидно, если народ не является субъектом исторического проектирования, то неизбежно превращается в его объект – место приложения внешних сил и влияний.

В широком контексте «Русский мир – это глобальный культурно-цивилизационный феномен, не суперэтническая, а наднациональная общность, состоящая из России как материнского государства и русского зарубежья, объединяющая людей, которые независимо от национальности ощущают себя русскими, являются носителями русской культуры и русского языка, духовно связаны с Россией и равнодушны к её делам и судьбе. «Русский мир» является общим «цивилизационным пространством» на пространстве исторической Руси, возведённом на трёх столпах: православии, русской культуре и русском языке, общей исторической памяти и общих взглядах на общественное развитие [5]. Расцвет идеи «Русского мира» пришелся на конец 2013 – начало 2014 гг., когда под влиянием национально-освободительного движения русских людей на Украине Крым вошел в состав России, а конфликт на Юго-востоке страны привел к возникновению феномена «Новороссия».

Цивилизационный проект «Русский мир» является альтернативой для либерального западного проекта, основанного на принципах индивидуализма и неограниченного потребления материальных благ. Новый проект предлагает мирное сосуществование и творческое развитие разных народов и религий на основе уважительного диалога и принципа солидарности, что возможно достичь исключительно за счет свободного выбора каждой личностью или нацией.

В рамках проекта русскоязычный народ Донбасса для сохранения собственной идентичности реализовал проект «вынужденного суверенитета». Страны Запада, как бенефициары новой мировой войны, и руководство Украины квалифицировали этот процесс как мятежный сепаратизм и объявили «Русскому миру» вообще, в частности, русскому субэтносу Донбасса войну.

Следует отметить, что как и 100 лет назад, когда Россия фактически вынуждена была вступить в Первую мировую войну, так и в начале XXI в. «западные партнеры» навязали ей войну. Но степень «вынужденности» стала выше, т. к. ответ на «украинский вызов» стал вопросом существования собственно русской цивилизации. Инициатором и выгодополучателем украинского конфликта являются, прежде всего, США, которые подталкивали Киев к силовым методам решения проблемы Донбасса и запугивали Европу «русской угрозой», принуждая к разрыву отношений и введению экономических санкций. США преследуют цель получить огромные геополитические дивиденды максимально долго поддерживая «горячую» фазу украинского конфликта для истощения и ослабления России.

Но, в отличие от эпохи начала XX в, сегодня Россия обладает эффективным инструментом воздействия на Запад – силами ядерного сдерживания, и что ещё более важно – ярко выраженной политической волей руководства страны, которое имеет поддержку народа. При этом искусно используются европейско-американские разногласия по вопросу углубления конфронтации. Европа опасается перерастания локального конфликта в большую войну, а также усиления зависимости от США в результате потери выгодных экономических связей с Россией [6].

Ответом на прямую агрессию Украины летом 2014 г. стало формирование на Донбассе отрядов народного ополчения, которые 7 октября 2014 г. были перегруппированы в подразделения Народной Милиции. Именно они дали отпор так называемой «Антитеррористической операции» («АТО»), с 2018 г. – «Операции Объединенных сил» (ООС). Для прекращения военных действий и урегулирования конфликта президент России В. Путин предложил подписать Минские соглашения, которые по вине Киева не реализованы до настоящего времени, как и формула Штайнмайера. При этом Украина как сателлит Запада отказалась от прямого переговорного процесса с руководством Республик.

Ответом ЛНР и ДНР в послеминский период, когда фактически восторжествовал принцип «ни мира, ни войны», стала целенаправленная работа по построению государственности и обеспечения безопасных условий для жизни народа. В ситуации распада Украины как государства Народная Милиция ЛНР и ДНР будет готова решить задачу реформирования Украины в дружеское государство.

Вызовом Донбассу является обвинение Украиной и странами Запада ЛНР и ДНР наличия «нелегитимной» власти. В ответ Республики дважды (2014 г., 2018 г.) провели выборы Глав республик и депутатов в Народный совет на основе международных норм и с участием наблюдателей из десятков стран, в том числе ЕС и НАТО. Отказ признавать итоги выборов демонстрирует истинное отношение Запада к демократии, что способствует разрушению мифа об «оккупации» Донбасса «российскими войсками».

Для защиты экономического суверенитета в ответ на инициированные Западом ограничения Россия ввела ответные санкции. Хотя в настоящее время страна уступает по сравнению с СССР в уровне экономического суверенитета. Опыт «красного проекта» ценен цивилизационной суверенностью, при этом осознание причин проигрыша является уроком для русского суверенного цивилизационного проекта. Россия и республики Донбасса должны консолидировать экономические ресурсы, усилить государственное регулирование и создать эффективную инновационную экономику. Однако в условиях непризнания международным сообществом государственности ЛНР и ДНР и экономической блокады со стороны Украины необходимо найти инструменты для построения эффективной экономики. С этой целью нача-

лась реализация пятилетней программы социально-экономического развития (2018–2023 гг.), выполнение которой станет существенным ответом на предъявленный вызов. Жизненно важной проблемой является сохранение народонаселения, отток которого остро наблюдался в условиях военных действий в 2014–2015 гг. Для этого Республики должны обеспечить повышение уровня жизни населения и ликвидировать бедность как явление на основе создания более справедливой системы распределения выработанного общественного продукта. В Конституциях ЛНР и ДНР данная задача нашла отражение в фиксации положения о построении социально ориентированных государств. Решению задачи способствует отсутствие в Республиках такого явления как олигархические группы. Большую роль в решении демографической проблемы имеет проведение переписи населения (октябрь 2019 г.).

Кризис западного цивилизационного проекта проявился в провале политики мультикультурализма, о чем свидетельствует отсутствие реакции США и Европы на проведение насильственной украинизации. Ответом Луганской и Донецкой Народных Республик стало преподавание в школах наряду с русским украинского языка, продолжение работы украинских театров и культурных центров.

Следует обратить внимание на проблему «модального типа личности», то есть набора моделей поведения, адекватных эпохе. Под влиянием глобализации и социальной апатии в 1990-х гг. в РФ не сформировался модальный тип, что позволило российскому философу А. Фурсову квалифицировать российское общество как «общество каша». В условиях кризиса мотивированный и подготовленный к вызовам времени новый русский модальный тип личности породила именно «Донбасская Русь» [7].

Важным фактором дестабилизации ситуации является информационная война, в рамках которой в информационное пространство вбрасываются бесчисленные фейки. Рецепт для противодействия этому вызову является открытость и вовлеченность населения в политические, социально-экономические и культурные проекты, правдивая информированность жителей, социальная взаимная интеграция государства и гражданского общества. Народные Республики работают над созданием четкой системы противостояния информационным атакам, используя для этого собственные СМИ, блогеров и средства народной дипломатии.

Вызовом для «Русского мира» являются попытки политической элиты Запада и Украины переписать историю и отказаться от исторической памяти, что способствует воспитанию русофобски настроенного поколения. Особенно четко данная тенденция проявляется в фальсификации канун 75-летия со дня окончания Второй мировой войны и Великой Отечественной войны. Противодействие националистическому движению является священным долгом народа Донбасса.

Таким образом, в начале XXI в. кардинальные изменения в системе международной безопасности привели человечество на грань вступления в Четвертую мировую войну. Фактически современный конфликт носит для России не межгосударственный или региональный, а межцивилизационный характер. Одной из форм глобального конфликта США и России является украинский кризис, который положил начало процессу распада государственности Украины, о чем свидетельствует вхождение Крыма в состав России и провозглашение Луганской и Донецкой Народных Республик на Юго-Востоке Украины. Именно Народные республики Донбасса воплотили идеи «Русского мира». Это реальность, которая при соответствующих обстоятельствах и целенаправленной деятельности может превратиться в сильное и успешное социокультурное образование, способное успешно отвечать на современные цивилизационные вызовы.

Литература

1. **Тренин Д.В.** Традиционные и новые вызовы безопасности в международных отношениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: svop.ru/main/15722
2. **Алексеенко И.В.** Трансформация института национального государства в условиях глобализации: дис. докт. полит. наук / И.В. Алексеенко. – М.: Акцент, 2006. – 417 с.
3. **Ткачук Ю.В.** Глобализация в сфере политики: институты и механизмы влияния: Автореф. дис. канд. полит. наук / Ю.В. Ткачук. – Одесса, 2004. –16 с.
4. **Колтон Т.** Победителей нет: украинский кризис и разрушительная борьба за постсоветскую Евразию / Тимоти Колтон, Сэмюэль Чаран // Россия в глобальной политике. Спецвыпуск. – 2017. – Декабрь. – 185 с.
5. **Донбасс** в контексте теории русского мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: infourok.ru/statya-donbass-v-...
6. **Крах миропорядка** бросает новый вызов России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: mybioplanet.ru/news/13468-krah-...
7. **Кулаев В.** Донбасс, мировая история и Новый Человек : [Электронный ресурс]. – Режим доступа: apn.ru/column/article31733.htm

УДК 321

**БУДУЩНОСТЬ ДНР И ЛНР В РАМКАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО
КУРСА РОССИИ****Кузин В.И.,**старший научный сотрудник
Донецкого Республиканского
краеведческого музея
г. Донецк

Аннотация: в статье рассмотрены пути интеграции с Россией как это видится из Донецка. Интеграция предлагается в рамках стратегии РФ «Поворота на Восток»».

Ключевые слова: Россия, ДНР, ЛНР, Поворот на Восток, стратегия будущего.

Abstract: the article considers the ways of integration with Russia as it is seen from Donetsk. Integration is proposed in the framework of the strategy of the Russian Federation «Turn to the East»».

Key words: Russia, DPR (DNR), LPR (LNR), Turn to the East, strategy of the future.

Роль Высшей Школы Экономики (ВШЭ) в политическом дискурсе Российской Федерации хорошо известна. Силами, прежде всего, научно-преподавательского коллектива факультета мировой экономики и мировой политики, а также Валдайского клуба, была сформулирована для России стратегия «Поворота на Восток». Научная общественность Донецка внимательно следит за деятельностью интеллектуальной элиты РФ.

После заключения Минских соглашений и принятия Советом Безопасности ООН резолюции в поддержку минских договорённостей, ДНР и ЛНР превратились в реальность международной политики. Сами соглашения получили статус международно-правового акта, придав Республикам Донбасса признаки международной субъектности. Однако Республики так и не определились относительно своей собственной субъектности – недавние события 16 и 27 июля и далее 8 августа 2019 г. в ДНР, реакция на подписание формулы Штайнмайера – показательны в этом плане. В период оформления Минских соглашений РФ взяла на себя обязательства по контролю над ДНР и ЛНР, что привело к тому, что Республики Донбасса оказались несвободными в своих действиях и отстаивании собственных интересов. Поэтому в Донецке на официальном уровне не прорабатывается сама проблематика самостоятельности Республик в контексте выработки своей собственной позиции по целому комплексу проблем, в особенности экономических. Попытки МИДа ДНР в 2015–2016 гг. сформировать основы Стратегии развития республики были пресечены увольнением всего руководящего состава ведомства во главе с его главой и ликвидацией экономического отдела. При этом нет понимания у донецкого политикума, что даже в составе РФ автономные республики имеют свою субъектность, которую те отстаивают перед Москвой. В этой связи достаточно вспомнить Чечню и Татарстан. Политический инфантилизм и некомпетентность руководящего состава ДНР как при Захарченко, так и Пушилине полностью исключают субъектное выстраивание отношений ДНР с Москвой.

Необходимо учитывать, что до событий 2014 г. Донецкая область была мощным индустриальным регионом, экспортировавшим свою продукцию в 144 страны мира и обеспечивавшим бóльшую долю валютных поступлений в бюджет Украины. Экономика Донбасса однозначно ориентирована на экспорт, и в этом близка Германии. 90% населения Донецкого края проживает в городах и критически зависимо от деятельности промышленных предприятий. «Страна городов» не красивая метафора, а реальность крупнейшей агломерации Европы. Для ДНР и ЛНР объективно возникает острая потребность в нахождении Республиками своего места в системе международных отношений и мировой экономики. Сама жизнь требует от

ДНР и ЛНР выработки комплексной стратегии своей будущности с пониманием нынешнего состояния мировой экономики и общей геополитической ситуации в мире. Республикам необходима высокая степень самостоятельности, в том числе, и в диалоге с Москвой. Это объективная реальность, обусловленная индустриальным характером Донбасса.

Как бы ни хотелось определённой части нынешнего политического класса РФ этого признавать, Донбасс превратился в часть «русского мира», и метастазы от неверных решений Москвы по ДНР и ЛНР перекинутся и на Российскую Федерацию. Последствия этого могут быть для РФ самые катастрофические. В отношениях с Москвой Донбассу необходимо выработать свой собственный курс по интеграции с Россией и нахождению своего места как в ней самой, так и в мировой экономической системе. Здоровым силам Республик необходимо начать обсуждать весь комплекс проблем Донбасса с российским интеллектуальным истеблишментом и общественностью, необходимо формировать свою собственную повестку дня с РФ. И ДНР есть, что предложить.

Сформированные в РФ основы стратегии «Поворота на Восток», не зависимо от их будущности, по сути являются историческим событием. Речь идёт не только о системе практических шагов, позволяющих РФ стать одним из центров нового мирового пространства и мирового порядка на месте разваливающегося старого. За разворотом на Восток стоит мировоззренческая концепция. В докладе «Вперёд к великому океану-6» Международного дискуссионного клуба «Валдай» на саммите АТЭС во Владивостоке 2018 г. новый курс сравнивается с прорубленным Петром Алексеевичем «окном в Европу» и оценивается как окончание петровского периода русской истории. Действительно, реализация идей, изложенных в докладе, может быть судьбоносной для России [1]. У части интеллектуальной элиты РФ, приближённой к Кремлю, пришло понимание необходимости принятия идей о евразийской сущности России. Сами идеи евразийства имеют свою историю, и в особом виде они изложены в докладе Валдайского клуба. Как пишется в докладе, некогда Россия отринула и заклеила азиатскую составляющую русской культуры, но сейчас произошли кардинальные изменения, связанные с трансформацией российского политико-исторического сознания. Далее провозглашается, что мы возвращаемся к своей истории, к себе, своей двуединой сущности, азиатской её части, мы возвращаемся домой. При этом, не отвергая Европу и европейские достижения, выдвигается тезис о необходимости привлекать к участию в создании Большой Евразии европейских соседей, которые находятся в стратегическом тупике. Учитывая нарастающую тенденцию к регионализации мира, Большая Евразия, по мнению авторов, со временем будет, весьма вероятно, одним из ведущих центров в новом мире.

Как считают авторы доклада, исконно евразийская сущность страны позволяет провозгласить Россию «местом сборки» Большой Евразии. Россия, с её опытом сосуществования множества культур и народов, с её «воротами», связывающими гигантский континент в новую общность, естественным образом может превратиться в центр Евразии. Выдвигается цель активного участия в строительстве новой формации многих субъектов Большой Евразии. На основе партнёрства будет осуществляться синтез культур Большой Евразии, так сформируется один из главных центров нового мира и нового мирового порядка. Такая «соборность» в Евразии может быть создана при посредничестве России. Таким образом, поворот России на Восток отнюдь не является проектом регионального уровня. Сегодня, впервые за последние 500 лет, у Москвы появляется реальный шанс построить Великую и Большую Евразию – не империю, но союз народов.

Но на пути реализации Россией своей евразийской миссии есть немало препятствий, что прекрасно понимают авторы доклада и самой концепции разворота на Восток. Одно из них относится к поиску путей формирования союза народов, и неизбежно, союза государств. Классический имперский путь в настоящем превратился в факт истории – за прошедшие две-

сти лет создана совершенно новая реальность на основе промышленных революций и НТР, не имеющая прецедентов в истории. Отсюда, когда речь заходит о современной геополитике, появляются всякого рода концепты «ядерного сдерживания», «гибридных войн», «мягкой силы» и пр., которые находятся вне прошлого исторического опыта человечества.

Построение новой конфигурации Евразии представляет для РФ сложнейшую задачу. Сложности Союзного государства Белоруссии и РФ, СНГ, Евразийского таможенного союза показательны тем, насколько непросты процессы интеграции даже на постсоветском пространстве. Возвращение России себе статуса полноценной евроазиатской державы требует расширения и упрочения объединительных структур, которые уже существуют, а также поиск новых форм интеграции, причём достаточно гибких и разнообразных по форме. Авторы доклада уделяют внимание Ирану, Турции и Ближнему Востоку как возможным участникам новой евразийской структуры. Понятно, что формы интеграции с ними могут отличаться от тех, которые приемлемы для стран СНГ.

Чтобы превратиться в серьёзный международный субъект, способный стать центром центростремительных сил, необходимо иметь сильный экономический потенциал. РФ в качестве мирового регионального центра должна иметь население как минимум 300–350 млн. человек, а по определению – не менее 500 млн., чтобы её экономика представляла из себя нечто существенное. И уже на этой основе возможно устойчивое формирование Большой Евразии. Последний состоявшийся в Ереване саммит членов Евразийского экономического союза показателен тем, что он объединяет 183 млн. человек. На фоне Китая и Индии, с их более чем миллиардным населением и показателями мирового ВВП более десяти процентов, в сравнении с «золотым миллиардом» Запада – для Российской Федерации жизненно необходимо увеличение населения и экономического потенциала. Только после своего собственного внутреннего укрепления реально достижение поставленных в «Повороте на Восток» целей: активного участия в строительстве создающейся новой геоэкономической, геополитической, культурной и идеологической общности Большой Евразии.

Поиск путей укрепления непосредственно самой РФ представляется непростым делом. В этой связи ДНР и ЛНР могут взять на себя роль примера того, каким образом возможен один из путей интеграции евразийских стран постсоветского пространства. На фоне того, что имеется повсеместная настороженность стран СНГ к РФ, республики Донбасса могут стать своего рода пилотным проектом, в рамках которого будут отрабатываться механизмы интеграции Большого Евразийского союза. Здесь важно предложить со стороны Республик реальный путь интеграции с РФ на основах, обладающих жизненной силой, а не нынешнего симулякра, сотворённого Сурковым. Идеи должны обсуждаться первоначально на уровне интеллектуальных элит, с учётом всей сложности поставленной задачи, а затем с политиками.

Одной из проблем на пути интеграции ДНР и ЛНР с Россией является Украина. Определённая часть политического класса РФ продолжает расценивать Донбасс частью постсоветской Украины. На самом деле, Донбасс всегда был чужероден Украине, как и вся Новороссия. Данная реальность и привела к событиям 2014 г. в Донбассе. Непонимание глубинных причин событий и возможных последствий «Русской весны» привело к тому, что мы имеем сегодня. И реального выхода из тупика в РФ не видят, почему и был выбран курс на замораживание ситуации с ожиданием окна возможностей, которое открылось в 2019 г. [2]. Первые шаги по разморозке ситуации уже наметились – в сторону возвращения Донбасса в Украину. Однако усилия по решению ситуации вокруг Донбасса, связанные с президентством Зеленского, окажутся малопродуктивными, поскольку при реализации минских соглашений всё русское в Украине будет уничтожено, в том числе и в Донбассе. А тупиковая ситуация с Украиной останется.

Для РФ объективно существует потребность и необходимость кардинально менять подходы во взаимоотношениях с Украиной и самого взгляда на неё. Мировоззренческая пропасть всё больше отделяет Россию, Донбасс от Украины. Она и раньше существовала, а с победой нацистских сил пропасть стремительно расширяется. Включение в конституцию Украины пункта о вхождении в состав НАТО является ключевым рубежом во взаимоотношениях с РФ. Со стороны украинцев это глубоко символический акт. Уже сейчас есть множество документов и действий по сближению Украины с натовскими структурами. Для РФ данные процессы неприемлемы. Мировоззренческой разлом прошёл и по автокефалии Украины. Буквально в эти два года, с окончанием нового избирательного цикла 2019–2020 гг., произойдёт и получит завершение исторический разворот Украины в сторону ухода от России и своих исторических корней. В такой ситуации рассчитывать на некие объединительные процессы с Украиной в рамках Большой Евразии будет невозможно. Более того, в целом украинский фактор превратится в токсичный актив при осуществлении стратегии евразийского курса РФ. Сергей Караганов прямо говорит о необходимости избавиться от фактора Украины как отвлекающего внимание и ресурсы России.

К сожалению, в РФ мало кто понимает, что собой действительно представляет Украина. События 2014 г. это не только реванш нацистских сил за 1945 г., но ещё и победа «села» над городом. Без Донбасса и таких городских центров, как Харьков, Одесса, Днепропетровск Украина представляет собой сельскохозяйственную европейскую глубинку. Провозглашение Украиной себя аграрной сверхдержавой и стремительное уничтожение индустриального потенциала, созданного СССР, являются одним из следствий победы «селюка». Ментальность сельского и местечкового украинского населения зиждется на традиционном типе сознания, архаичного по своей сути. Основанное на бинарной структурности, украинское сознание оперирует в своём осознании мира оппозицией «мы» и «они», «свои» и «чужие». Именно так строятся и будут строиться отношения с Россией, именно так выстраиваются отношения с Донбассом, внутри самой Украины, между селом и местечком, селом и селом, семьями внутри села, в самой семье. Двухчленная матрица мировоззрения украинца мультиплицируется на всех уровнях его жизни. И здесь ничего невозможно сделать. В такой картине мира Россия всегда будет «они», «чужие». И стоит ли снова совершать ошибки по включению этой сельской архаики в Россию? Намного продуктивнее включать в интеграционные процессы Большой Евразии регионы, близкие исторически и ментально России, и иметь продуманные и взвешенные отношения с остальной Украиной, тем более, что само лоскутное украинское одеяло без Новороссии и Малороссии скукожится до нескольких областей с 5–7 млн. населения.

РФ придётся сделать непростой шаг в признании независимости ДНР и ЛНР. Возможно, в 2021 г., или чуть позже. Это может стать началом осуществления донецкого пилотного проекта по отработке механизма интеграции постсоветских образований в рамках Большой Евразии, но сама подготовка проекта должна идти уже сейчас. За основу отношений между Республиками и РФ можно взять выстраивание интеграции на основе конфедерации. Именно такая форма в наименьшей степени ограничивает суверенитет и создаёт пространство для реализации самости субъектов. Страх, сформировавшийся у элит постсоветских республик, потерять свою власть и финансовые возможности – довлеет и будет довлеть над интеграционными процессами в СНГ. Поглощение к 2022 г. РФ Белоруссии явится негативным примером для других стран. И здесь интеграция РФ с Донбассом может стать показательным в плане демонстрации того, каким образом будет сохраняться реальный местный суверенитет государств в системе конфедерации.

Конфедерация с ДНР–ЛНР будет предполагать, что общими станут вооружённые силы, ключевые аспекты внешней политики, валюта. Всё остальное, в первую очередь, юридические и правовые особенности, останется прерогативой каждой из сторон. Согласования

будут требовать необходимые юридические акты интеграционного характера и мегапроекты. Именно такая модель может быть приемлема для стран СНГ. Объединение вооружённых сил (в разных формах) и неизбежная при этом согласованность внешнеполитического курса уже сейчас происходит с отдельными странами СНГ. Это и является одним из видимых экспортов безопасности, о которой всё чаще говорят в РФ. Экспорт безопасности увязывается не столько с созданием военных баз на территории стран, сколько с интеграционными процессами в военной части и гарантиями помощи со стороны РФ в сложных ситуациях. Элиты отдельных государств мира при возникновении реальной внешней угрозы уже сейчас готовы отказаться от полного суверенитета взамен «зонтика безопасности». Уроки Каддафи, Хусейна и Асада многие выучили. Вооружённая поддержка неизбежно требует согласования внешнеполитических вопросов между государствами, и здесь Москве будут делегированы определённые полномочия. Сирия является лучшим примером того, как РФ действует на этом политическом поле. Сложнее с валютой. Помимо независимой финансовой политики, валюта традиционно является видимым символом суверенитета государства. Только критически необходимая экономическая целесообразность заставляет перейти государства на объединённую валюту, как было, например, с ЕС. На европейском примере замечено, что переход к общей валюте проще осуществляют высокоразвитые экономики, чей товарооборот и экономические связи достигают впечатляющих размеров.

В докладе «Вперёд к великому океану – б» упоминается уникальный для России сибирский опыт традиции веротерпимости и сосуществования представителей разных народов, религий, культур [1]. Подчёркивается необходимость тщательного изучения опыта Забайкальского региона с его симбиозом культур, составленного из множества различных по вере социальных групп, выработавших успешные формы совместного проживания и общения. Забайкальский опыт выбран в качестве матрицы организации культурного и религиозного взаимодействия на евразийском пространстве. В этом отношении Донбасс может предложить аналогичную модель, только в пределах Европы. Его исторический опыт обладает ещё большим значением, поскольку 121 народ и народности, разные религии не просто уживаются, а взаимодействуют в рамках индустриального края, урбанизированных центров, крупнейшей в Европе агломерации.

С опорой на формирование нового евразийского стратегического курса будущности России, в настоящем открываются новые возможности для РФ на её западных рубежах. В рамках Евразийского проекта индустриальный, урбанизированный Донбасс с его выходом к морям может превратиться в западные ворота Большой Евразии. Достаточно посмотреть на связи Донбасса до 2014 г. с Турцией, Ближним Востоком, Северной Африкой, чтобы понять реальные и потенциальные возможности края в налаживании евразийских связей через Донбасс.

РФ, ставя перед собой столь серьёзные и амбициозные стратегические задачи, должна соответствовать политически и интеллектуально тем вызовам, которые она бросает времени. От РФ требуется солидность и стратегическая выверенность своей политики, ориентированной на поколения. Только с таких позиций возможна реализация судьбоносного по своей сути поворота на Восток. С подобными подходами и историческими горизонтами ДНР и ЛНР являются не проблемой, а историческим шансом для России и её элит закрепитесь на юго-западных рубежах русского мира, вплоть до Дуная, и усилить свою мощь. Да, при этом объективно резко возрастёт субъектность ДНР и ЛНР. Многим это не нравится в Москве. Но историческое будущее России сейчас решается снова на западных её рубежах, в Донбассе и Новороссии, время Востока ещё не наступило. Когда, по словам президента РФ, демография на Дальнем Востоке отрицательная и народ уезжает о туда, будущее Востока остаётся только в проектах.

Литература

1. **Вперед к великому океану – 6: люди, история, идеология, образование.** Путь к себе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/files/21545/> (дата обращения 11.11.2018).
2. **Стратегия для России.** Российская внешняя политика: конец 2010-х – начало 2020-х годов. Тезисы рабочей группы Совета по внешней и оборонной политике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://svop.ru/wp-content/uploads/2016/05/тезисы_23мая_sm.pdf (дата обращения 11.11.2018).

УДК 323/327.1

СУВЕРЕНИТЕТ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ НАРОДА

Кулида С.С.,

к. юр. н., доцент кафедры всемирной истории и международных отношений ЛНУ имени Тараса Шевченко

г. Луганск

Аннотация: с троительство ЛНР – это процесс этнической самоидентификации народа, очищение общества от несвойственных ему качеств и обретение собственного правосознания в современном цивилизационном пространстве. Согласно международного права, суверенитет Луганской и Донецкой республик не подлежит сомнению и не требует международного признания. Право народа Луганской республики на самоопределение проистекает из принципа «равноправия и самоопределения народов». Государство становится суверенным с момента его провозглашения и когда власть сформировала институты и органы управления.

Ключевые слова: самоидентификация, правосознание, цивилизационное пространство, международное признание, государство, права человека, самоопределение народов, международное право, национальная идентичность.

Abstract: the construction of the LPR is a process of self-identification of the people. This is the purification of society from its uncharacteristic qualities and the acquisition of their own sense of justice in the modern civilizational space. According to international law, the sovereignty of the Luhansk and Donetsk republics is not in doubt and does not require international recognition. The right of the people of the Luhansk Republic to self-determination stems from the principle of “equal rights and self-determination of peoples”. The state becomes sovereign from the moment of its proclamation and when the authorities have formed the institutions and bodies of government.

Keywords: self-identification, legal consciousness, civilizational space, international recognition, state, human rights, self-determination of peoples, international law, national identity.

Сегодня мы являемся свидетелями и участниками драматических интеграционных и дезинтеграционных процессов цивилизационного масштаба. На наших глазах строился (с таким трудом!) Европейский союз и вот он уже демонстрирует признаки своего распада. Старый свет, в лице своих государств-патриархов, возвращается к истокам своей государственности вспоминая, что не все, кто проживает на территории Испании являются испанцами... Разрушился и «единый, могучий Советский союз». Любое разрушение – это уничтожение ранее созданного и подсознание воспринимает разрушение с грустью, ассоциируя его с концом, со смертью, с прекращением процесса.

События на Донбассе в масштабе прежней украинской государственности это тоже процесс разрушения. Прежней Украины нет и уже никогда не будет. Вызывает ли это ... грусть? У меня – нет. Горько осознавать, что рушится славянское единство, что страдает народ.

Когда я вижу, как рождается новое государство – Луганская народная республика, я испытываю подъем сил и вдохновение несмотря на все имеющиеся трудности созидательного периода.

Новое государство родилось и взрослеет на руинах косности и замшелости старого государственного фундамента где шевелятся могильные черви нацизма и национального чванства, доведенного до иступления.

Строительство ЛНР – это процесс этнической самоидентификации народа. Это очищение общества от несвойственных ему качеств и обретение собственного правосознания в со-

временном цивилизационном пространстве. Международное право обладает мощным потенциалом, позволяющим обеспечивать реализацию целей и решение задач, определенных для себя объединенными нациями и народами. Одним из инструментов развития послевоенного международного порядка является государственный, национальный, народный суверенитет.

Согласно международному праву, суверенитет Луганской и Донецкой республик не подлежит сомнению и не требует международного признания. Право народа Луганской республики на самоопределение проистекает из принципа «равноправия и самоопределения народов». Государство становится суверенным с момента его провозглашения, когда власть сформировала институты и органы управления и способна обеспечить защиту интересов населения.

Принцип самоопределения народов воплощен в Уставе ООН, в котором в качестве одной из целей Организации указано: «развивать дружественные отношения между нациями на основе принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира» (п. 2 ст. 1). Из этого видно, что речь идет о межгосударственных отношениях, которые должны осуществляться с учетом того, что все народы равноправны и каждый из них имеет право распоряжаться своей судьбой. В приведенном положении Устава указаны и субъекты права на самоопределение – «народ». Исходя из этого следует сделать единственно возможный вывод о том, что народ Донбасса обладает правосубъектностью и его волеизъявление на референдуме 11 мая 2014 года обладает международно-правовой легитимностью.

Содержание принципа впервые раскрыто в Декларации о принципах международного права 1970 года: «все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с Уставом ООН».

Более того, государства обязаны способствовать осуществлению принципа самоопределения в целях содействия дружественным отношениям между государствами.

В Декларации указаны и способы осуществления права на самоопределение. На первом месте стоит создание независимого государства. И оно уже создано в Донбассе. Вторым шагом на пути к самоопределению является свободное присоединение к иному независимому государству, или объединение с ним, или установление любого иного политического статуса. Референдум о самоопределении Луганской народной республики 11 мая 2014 года закрепил статус суверенной республики.

Следуя принципам международного права, каждое государство обязано воздерживаться от любых насильственных действий, лишаящих народы, о которых идет речь, их права на самоопределение. В своем сопротивлении таким действиям народы вправе испрашивать и получать поддержку от других государств и организаций в соответствии с Уставом ООН. Украина в течение пяти лет нарушает основополагающие принципы и нормы современного международного права, физически уничтожает народ, избравший самостоятельный путь своего развития. Киевское правительство попирает права человека, препятствует реализации права народа на свое самоопределение, самоидентификацию.

Статья 3 украинской конституции гласит, что человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются в Украине наивысшей социальной ценностью. Права и свободы человека и их гарантии определяют содержание и направленность деятельности государства.

Утверждение и обеспечение прав и свобод человека является главной обязанностью государства. Статья 10 определяет «В Украине гарантируется свободное развитие, использование и защита русского, других языков национальных меньшинств Украины. Государство способствует изучению языков международного общения. Применение языков в Украине гарантируется Конституцией Украины и определяется законом».

Украина, дойдя до края цинизма в своем стремлении удержать территории Донбасса в рамках своей власти, нарушает свою конституцию применяя вооруженные силы против гражданского населения только зато, что это население желает говорить на русском языке и оставаться в культурной парадигме, созданной их предками. Статья 17 конституции Украины запрещает применять вооруженные силы государства против мирного населения, не допускается создание никаких не предусмотренных законом военизированных формирований. Однако в течение пяти лет мы наблюдаем, что действия украинской власти прямо противоречат обязательствам государства, а президент, гарант конституции, не просто бездействует, а является организатором преступлений, которые по своему характеру относятся к ведению международного уголовного суда.

Международные пакты о правах человека подтвердили связь самоопределения с правами человека, закрепив в своих первых статьях положение о том, что «все народы имеют право на самоопределение». Что же касается этнических, религиозных и языковых меньшинств, то принадлежащим к ним лицам не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, своим языком, а также исповедывать свою религию (ст. 27 Пакта о гражданских и политических правах).

Это положение получило развитие в Декларации Генеральной Ассамблеи ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, 1992 года. Государства обязаны охранять на их соответствующих территориях существование и самобытность» таких меньшинств и поощрять создание условий для развития этой самобытности (ст. 1).

Из сказанного четко прослеживается связь права на самоопределение с правами человека, которые рассматриваются как высшая ценность. Эта связь все чаще подчеркивается и Генеральной Ассамблеей ООН. В резолюции, озаглавленной «Всеобщая реализация права народов на самоопределение» (1994), сказано, что реализация права народов на самоопределение «является коренным условием для эффективного обеспечения и соблюдения прав человека».

В заключительном акте СБСЕ 1975 года установлено, что «все народы всегда имеют право в условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, социальное и культурное развитие».

Международный Суд ООН в целом ряде своих решений подтвердил, что принцип самоопределения «является одним из основных принципов современного международного права» (Решение по делу о Восточном Тиморе//ICJ. Rtports.1995. P.102.).

Ретроспективный анализ международной политики показывает, что референдумы о независимости провинции Квебек, Каталонии, Брекзит, движение за независимость Техаса в США, свидетельствуют о реальности возникновения проблемы самоопределения и в странах Европейского союза и в Новом свете. Главное, чтобы она решалась не силой, а демократическим путем, в соответствии с общепризнанными принципами международного права.

В преамбуле Всеобщей декларации прав человека, являющейся составной частью международной правовой системы, записано: «... принимая во внимание, что необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения...».

Тем не менее, в ряде современных демократических конституций право сопротивления закреплено. Так, например, ст. 20 Основного закона ФРГ провозглашает следующее: Федеративная Республика Германия является демократическим и социальным федеративным государством. Всякому, кто попытается устранить этот строй, все немцы имеют право оказывать сопротивление, если не могут быть использованы иные средства.

Киевское руководство извратило принципы, на которых было построено государство Украина, нарушило собственную конституцию, что привело к отказу от демократических принципов на которых было создано государство Украина и стала на путь истребления части своего народа, проживающего на Донбассе. Народ Донбасса, защищая свое право на самоопределение, реализовал свое право на восстание, право на сопротивление власти.

Право на восстание (лат. *jus resistendi*), также известно, как право на сопротивление угнетению, право на революцию. Право граждан любыми средствами, вплоть до вооруженной борьбы, защищать свои права и свободы от узурпаторов относится к естественным правам, то есть не требует подтверждения нормами позитивного права.

Впервые право на сопротивление было письменно зафиксировано в Декларации независимости США 1776 г. В преамбуле этого документа указывается, что «... если какой-либо государственный строй нарушает эти права, то народ вправе изменить его или упразднить и установить новый строй, основанный на таких принципах и организующий управление в таких формах, которые должны наилучшим образом обеспечить безопасность и благоденствие народа. ... когда длинный ряд злоупотреблений и насилий ... обнаруживает стремление подчинить народ абсолютному деспотизму, то право и долг народа свергнуть такое правительство и создать новые гарантии обеспечения своей будущей безопасности».

Статья 2 французской Декларации прав и свобод человека и гражданина 1789 года также указывает право на сопротивление угнетению в качестве одного из естественных и неотъемлемых прав человека, наряду со свободой, собственностью и безопасностью.

Более того, в 1793 году Декларация была расширена, в неё были включены, помимо прочего, следующие формулировки:

- каждый, кто присвоит себе принадлежащий народу суверенитет, да будет немедленно предан смерти свободными гражданами;
- сопротивление угнетению есть следствие, вытекающее из прочих прав человека;
- угнетение хотя бы одного только члена общества есть тем самым угнетение всего общественного союза. Угнетение всего общественного союза есть тем самым угнетение каждого члена в отдельности;
- когда правительство нарушает права народа, восстание для народа и для каждой его части есть его священнейшее право и неотложнейшая обязанность.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что народ Донбасса, добиваясь реализации своего права на самоидентификацию и самоопределение действует в рамках цивилизованного порядка, установленного странами членами ООН. Его стремление к самоидентификации и сохранению национальной идентичности не вступает в противоречие с общепризнанными принципами и нормами международного права и соответствует основам европейского и общемирового демократического порядка.

Литература

1. Блищенко И.П. Автономия и международное право // МЖМП. – 2018. – № 1.
2. Конституция Украины, принята Верховной Радой 16 июля 1990 года после народного референдума от 17 марта 1990 года. – К. : «Мир», 1991. – 32 с.
3. Лукашук И.И. Принцип мирного сосуществования // Курс международного права в 7 т. – Т.2. М., 1999. – 152 с.
4. Захарова Н.В. Выполнение обязательств, вытекающих из международных договоров. – М., 2019. – 210 с.
5. Тиунов Н.А. Принцип соблюдения международных обязательств. – М., 1998. – 27 с.
6. Пакт о гражданских и политических правах. – Ст. 27.
7. Декларация Генеральной Ассамблеи ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, 1992 г.
8. Решение международного суда ООН по делу о Восточном Тиморе//ICJ. Rtports.1995. P.102.
9. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, 1975 г.

УДК 323/327.3

РОЛЬ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РАЗВИТИИ НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Михайловская О.Г.,

к. полит. н, доцент кафедры политологии и
правоведения ЛНУ имени Тараса Шевченко
г. Луганск

Аннотация: эффективная деятельность институтов гражданского общества является одним из показателей качественных изменений политической жизни в целом. Они выступают сферой стимулирования разнообразных личных инициатив, значительно расширяют взаимоотношения между человеком и обществом, человеком и государством с помощью ресурсов, которые имеют именно эти институты. В статье сделана попытка определить роль институтов гражданского общества в гуманизации международных отношений.

Ключевые слова: государство, институт гражданского общества, неправительственные организации, народная дипломатия.

Abstract: the effective activity of civil society institutions is one of the indicators of qualitative changes in political life in general. They act as a sphere of stimulation of various personal initiatives, significantly expand the relationship between a person and society, a person and the state with the help of resources that these institutions have. The article attempts to determine the role of civil society institutions in the humanization of international relations.

Keywords: state, civil society institution, non-governmental organizations, public diplomacy.

Политика – слишком важное дело, чтобы его полностью отдавать политикам.

Сегодня назрела необходимость привлечения внимания общества, органов власти к роли народной дипломатии и оказания поддержки и содействия в развитии международного сотрудничества. Необходимо объединить усилия в решении общегражданских и гуманистических проблем, расширения сферы международного сотрудничества в различных направлениях деятельности. Особая роль в этих процессах отводится именно институтам гражданского общества, т.к. именно эти институты обладают способностью проводить в жизнь, воплощать в практику возникающие «внизу», в массах социальные инициативы и тем самым обеспечивать процесс саморегуляции общественной системы.

В середине 90-х – начале 2000 г.г. активно изучается проблема гражданского общества, процесс его институционализации анализируют в своих работах Дж. Александер, А. Арато, Е. Геллнер, Р. Дарендорф, Дж. Кин, Д. Коген, Дж.Л. Коэн, И. Шапиро, А. Мигранян, К. Гаджиев, Ю. Красин, А. Галкин и др.

Содержательной стороной определения институтов гражданского общества является то, что термин «институт» мы применим скорее для идентификации такого рода объединений, организаций, в которых общее существование людей не предполагает достижения объективно «вымеренного» результата деятельности, особенно, когда речь идет о такой субъективной сфере общественной жизни как политика. В этом смысле результаты деятельности и оценка эффективности институтов гражданского общества, в отличие от институтов экономических, тяжело измерить.

Государство создает политико-правовые условия, с помощью которых обеспечивается доступ общественных институтов к участию в процессах формирования политических решений.

Основу и содержание всех институтов представляют их функции, которые определяются уровнем задач организации, поведения, формулированием норм и т.п. Ученые выделяют такие функции институтов гражданского общества. Функция адаптации представляет собой коррекцию процесса функционирования государства мирными, легитимными средствами. Функция целеполагания состоит в достижении консенсуса в обществе. Благодаря интегративной функции создаются необходимые экономические, политические, культурные условия для саморазвития различных и разноуровневых субъектов. Функция восстановления структуры и снятия социального напряжения обеспечивает логическое продолжение политических процессов.

Базовыми функциями, по нашему мнению, которые определяют смысл существования институтов гражданского общества, можно назвать следующие. Во-первых, институты гражданского общества, дают их участникам возможности удовлетворения своих потребностей и интересов. Тем самым создается среда для формирования общественно активных и свободных граждан. Во-вторых, они обеспечивают воспроизведение, стабильность и регулирование общественной деятельности, содействуют выработке демократических ценностей, норм, представлений, знаний. В-третьих, общественные институты способны усиливать связи и групповую сплоченность, интегрировать стремлений, действий и интересов индивидов. В-четвертых, они предъявляют свои требования государству в соответствии с принципами демократии как равные. В-пятых, при активном участии гражданского общества обеспечивается стабильность политической жизни в целом, которая проявляется в предупреждении, прекращении и введении социальных конфликтов в рамки политико-правовых норм.

Институт может действовать на разных уровнях, выполнять разные функции, то есть иметь собственный масштаб деятельности. Так и происходит сейчас в деятельности институтов гражданского общества.

В современной политической науке существует достаточно широкий круг критериев классификации институтов гражданского общества, но мы считаем, что критерий уровня компетенции и масштаба их деятельности, наиболее полно раскрывает потенциал гражданского общества. В соответствии с этим критерием институты можно разделить на следующие группы:

- международные, которые представлены Зеленым движением, Красным Крестом и другими;
- общенациональные, среди которых можно выделить «Союз Чернобыль», «Мемориал» и другие институты;
- региональные, а именно: общественная организация «Регион», этническое национальное объединение «Общество донских казаков» и прочие;
- местные или локальные, которые организуют свою деятельность на уровне движений, политических партии, организаций и т.п. Среди них – «Мир Луганщине», «Ночные волки» и другие.

Выполняя присущие им функции, институты гражданского общества направляют свою деятельность на создание среды для формирования сферы общественной жизни активных и свободных граждан. Они обеспечивают воспроизведение, стабильность и регулирование общественной деятельности, чем активно содействуют становлению демократических ценностей, норм и мировоззрения. Институты гражданского общества интегрируют стремление, действия и интересы граждан, оказывают давление на органы государственной власти в соответствии с принципами демократии, обеспечивают стойкость общественной жизни и политической системы в целом.

Роль институтов гражданского общества в развитии народной дипломатии определяется по сути тем, что народная дипломатия выступает общественной акцией, совершаемой

инициативной группой людей по добровольному выполнению дипломатических функций, соответственно, – является институтом гражданского общества, т.к. это непрофессиональная дипломатия, осуществляемая лицами и организациями, не наделенными политическими или дипломатическими правами.

Народная дипломатия возникает на основе инициативы снизу, в помощь официальным дипломатическим службам, ставящая цель мирным путем разрешить возникающие проблемы.

В условиях глубоких социально-политических преобразований на постсоветском пространстве, организационно оформились и активно действуют многочисленные общественные неправительственные, некоммерческие организации и объединения, которые объединяют общим названием НПО.

В последнее время сильно выросла роль неправительственных организаций в международных отношениях. Активное их участие в урегулировании современных конфликтов предопределяет, по крайней мере, две их основные характеристики: во-первых, это – большая численность неправительственных организаций; во-вторых, это – широкое разнообразие их деятельности; неправительственные организации сегодня занимаются самыми разными проблемами современного общества. Многие из них активно включаются в международный диалог на уровне гражданского общества, осуществляют широкие международные программы.

Международная деятельность многих неправительственных организаций включает в себя широкие связи, в том числе с ведущими и влиятельными организациями мирового сообщества – Организацией Объединенных Наций, ЮНЕСКО, Советом Европы, НАТО, региональными и другими объединениями. Большая работа ведется региональными неправительственными организациями также в рамках приграничного сотрудничества.

Деятельность институтов гражданского общества направлена на обеспечение необходимого уровня сотрудничества во всех сферах жизни общества, и развитие народной дипломатии в последнее десятилетие тому яркий пример.

Так, сегодня российские НПО принимают активное участие в налаживании общеевропейского диалога на уровне гражданского общества, участвуя в Программе демократического лидерства, Инициативах гражданского общества, Программе по осуществлению мер доверия и др.

Институты гражданского общества имеют большой потенциал, примером народной дипломатии стала деятельность Комитета солдатских матерей и Движения солдатских матерей, занимающиеся проблемой возвращения солдат, плененных в Афганской и Чеченской войнах во второй половине XX века.

Потенциал институтов гражданского общества на уровне народной дипломатии стали активно использовать в зонах конфликтов, там, где государственные органы не справляются, стало очевидным, что без участия неправительственных организаций и самих граждан, большинство из этих конфликтов не остановить, или процесс займет очень много времени. Так, в Ингушетии, наряду с руководством Республики, активно участвуют в решении международных проблем Совет старейшин и союз «Даймохк» (в переводе с ингушского «отчизна»).

Так же институты гражданского общества, обладают определенным потенциалом влияния на общественное сознание, способны сформировать культуру неприятия идей экстремистского характера борьбы с его проявлениями в обществе. Сегодня в кавказских республиках активно в этом направлении работают организации «Союз народов Ставрополя «За мир на Кавказе», «Высший совет осетин» и др., конечно же, их деятельность, по сравнению с государственными органами ограничена, но их роль велика в предупреждении экстремизма, минимизации и ликвидации его последствий.

Проблема отношений власти и институтов гражданского общества в России большая и сложная. Система этого диалога еще только выстраивается и всем предстоит много потрудиться.

Народная дипломатия необходима для развития гражданского общества и является частью демократического механизма в стране. Уровень развития народной дипломатии, несомненно, является показателем демократизма политической системы общества в целом. Ее эффективное осуществление призвано гуманизировать международные отношения, быть инструментом «мягкой силы» государства в продвижении интересов, укреплении своего образа и авторитета за рубежом.

Литература

1. **Михайловська О.Г.** Роль інститутів громадянського суспільства у цільовій детермінації політичної діяльності // Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції «Ціннісний вимір політичної діяльності: теорія і практика розвитку сучасного українського суспільства» : Збірник наукових праць / Ред. колегія : Ю.М. Бардачов – голова, В.Ф. Цвих, Ф.Г. Семенко та ін. – Херсон : вид-во «Олді-плюс», 2010. – С. 28–32.
2. **Шах Махмуд.** Потенциал «народной» дипломатии и значение ее применения в Афганистане [Электронный ресурс] / Махмуд Шах. – Режим доступа: <http://afghanistan.ru/doc/14632.html>
3. **Бекмурзиев М.** Роль и возможности народной дипломатии и НПО в улучшении отношений между народами и установлении мира в Кавказском регионе [Электронный ресурс] / Мусса Бекмурзиев. – Режим доступа: <http://regional-dialogue.com/ru/роль>

УДК 378.015.31:172.15

ИДЕЯ РУССКОГО МИРА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Опренко Л.С.,

преподаватель кафедры изобразительного
и декоративно-прикладного искусства
ЛНУ имени Тараса Шевченко
г. Луганск

Аннотация: в данной статье проанализирована сущность понятия «Русский мир», а также характерные проблемы единства культуры, языка и исторической памяти, этнического и конфессионального многообразия, развивающегося на основе цивилизационного равенства.

Ключевые слова: русский мир, молодежь, культура, общество, традиции, виртуализация, самосознание, глобализация.

Abstract: the article analyzes the essence of the concept of “Russian world”, as well as the characteristic problems of the unity of culture, language and historical memory, ethnic and religious diversity, developing on the basis of civilizational equality.

Key words: Russian world, youth, culture, society, traditions, virtualization, self-consciousness, globalization.

Общество на современном этапе своего развития находится в переходном историческом периоде, который характеризуется всеобъемлющей глобализацией. В таких условиях возникает необходимость формирования и сохранения национального и культурного самосознания. На этом фоне все больший интерес вызывает такая идея, как «Русский мир» которая, должна объединять в единое целое разные народы, культуры, религии, традиции, и может стать ответом на вызовы современности. Особую значимость этой идее придает то, что молодежь в большинстве своем отзывается о ней положительно.

Развитие «идеи русского мира» в данное время является предметом активного обсуждения в обществе это во много связано с кризисом национальной идентичности, с необходимостью формирования идеологического фундамента для ответа на риски и угрозы, возникающие в результате глобализации.

Русский мир – это общемировое культурно-цивилизационное явление, которое представляет собой сложное, многостороннее надгосударственное цивилизационное пространство, которое способно объединить людей на основе владения русским языком, почитания и сохранения русской культуры и истории, признания своей принадлежности к России. Это пространство берет начало в Российской Федерации и, выходя за ее государственные рамки, располагается на постсоветском пространстве, где живут миллионы граждан бывшего СССР, а также территориях стран и регионов, в которых живут эмигранты – выходцы из России и их потомки, сохраняющие приверженность русской культуре и русским ценностям [2].

Основу русского мира можно представить комплексом различных признаков, таких как: поликонфессиональность; многонациональность; единство культуры; единство языка; единство исторической памяти; трансграничность.

Единство этих признаков и формируют цивилизационное единство. В свою очередь, многонациональность и поликонфессиональность образуют фактор этнического и конфессионального многообразия. Таким образом, возникает своеобразная модель русского мира. Этническое и конфессиональное многообразие, развивающееся на основе цивилизационного равенства, формирует культурно-языковую общность, которая обладает единой исторической памятью.

Благодаря многообразию преодолеваются границы, и понятие «многонациональный народ», охватывает народы ближнего и дальнего зарубежья. Под воздействием факторов ци-

визационного единства, этнического и конфессионального многообразия также формируется российская идентичность. Основными достоинствами являются межэтнический и межконфессиональный мир, самостоятельность, государственность, патриотизм, верность народа своему историческому выбору и исторической памяти, возможность называть себя русским и причислять себя к чему-то большему, то есть к русской цивилизации. Существует мнение, что нравственное ядро русских ценностей сформировано в основном Православием [3]. Об этом очень точно писал великий русский писатель и философ Ф. М. Достоевский: «При начале всякого народа, всякой национальности идея нравственная всегда предшествовала зарождению национальности, ибо она же и создала ее».

Глобализационные процессы, которые происходят на данный, ставят перед русским миром ряд проблем, в частности можно сказать о влиянии на русский мир сетевых отношений. Наше общество находится на определенной стадии виртуализации. Виртуализация переносит сущность человека из социальной в виртуальную реальность, где происходит процесс замещения реальных объектов образами. Особое влияние такие процессы оказывают на молодежь.

Молодежь, являясь социально-демографической группой, во все времена представляла собой особую ценность для общества. Положение молодежи в обществе и степень ее участия в развитии социума зависят не только от государства, но и от собственной жизненной позиции каждого молодого человека. Поэтому нужно отметить, что социальные институты должны стать во главе формирования культуры, исторической памяти, принимая во внимание процессы виртуализации общества, иначе будет происходить разрыв связей между поколениями [1]. Если в сфере виртуальной реальности не будет происходить развитие русского мира, то это может привести к потере, в частности молодежи, так как именно она наиболее сильно подвержена процессу виртуализации. При этом личность, вовлеченная в этот процесс, может попасть под влияние совершенно иных идей или концепций, которые могут влиять даже на смену идеологических взглядов. Виртуальная реальность может нести в себе позитивное воздействие тогда, когда она базируется на объективной реальности. Поэтому виртуализация русского мира должна происходить именно с опорой на объективную реальность.

Примером является, акция «Бессмертный полк», которая может рассматриваться как виртуальный образ, так как в ее развитии были задействованы в основном социальные сети, но в, то, же время данная акция опирается на историческую правду, на ощущение общей исторической судьбы и трагедии людей. Данный образ в виртуальной среде опирается на объективную реальность русского мира, что позволяет сохранять связь между поколениями, а также существенно сокращает возможности искажения исторических фактов.

Мир глобализируется, идет эпоха перемен и Русский мир это именно та идея, которая может объединять в единое целое разные по своей сути народы, культуры, религии, традиции. Особую значимость русскому миру придает и то, что молодежь в большинстве своем отзывалась о нем позитивно. Учитывая современные преобразования, в частности виртуализацию общества, из-за которой происходит постепенный разрыв связей между молодым и старшим поколениями, необходимо выработать эффективную стратегию проникновения социальной реальности русского мира в виртуальную среду. Именно это позволит не потерять культурную и историческую связь поколений.

Литература

1. **Асеева О.В.** Виртуализация социальной активности молодежи в сетевых сообществах [Электронный ресурс] / О.В. Асеева. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/soc-struktura/virtualizacija-socialnoj-aktivnosti-molodezhi-v-setevyh-soobwestvah.html>.
2. **Батанова О.Н.** Русский мир и проблемы его формирования / О.Н. Батанова – М., 2009. – 163 с.
3. **Митрошенков О.** Идентичность: от теоретического концепта к управленческим воздействиям. – Власть. – 2016. – № 2.

УДК94(477):303.446.4

ПЕРВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ НОВОРОССИИ (К ВОПРОСУ О НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ А.СКАЛЬКОВСКОГО)

Чепига Г.Г.,

к. ист. н., ведущий научный сотрудник

ГУК «Донецкий Республиканский краеведческий музей»,

г. Донецк

Аннотация: в статье рассмотрена история возникновения и основные положения авторской концепции истории Новороссии выдающегося отечественного историка XIX в. А. Скальковского. Ученый фактически ввел в научный оборот термин «Новороссийский край» и обосновал целесообразность изучения его истории как отдельного предмета. Обоснование и содержание данной концепции представляет как историографическую, так и научную ценность, не вполне востребованную современными историками.

Ключевые слова: Новороссийский край, А. Скальковский, историография.

Abstract: the article of Chepiga G.G. «The conception of history of Novorossia in the works of A. Skalkovsky» considers the history of the origin and the basic provisions of the authors conception of Novorossia history of outstanding national historian of the nineteenth century A. Skalkovsky. The scientist actually introduced in the scientific use the term «Novorossia Land» and based the expedience of studying its history as a separate subject. The basis and the maintenance of this conception presents as a historio-graphical as a scientific value, not enough demanded by modern historians.

Key words: Novorossia Land, A. Skalkovsky, historiography.

Аполлон Александрович Скальковский – историк, статистик, этнограф, публицист, заслуги которого признаны как российской, так и украинской историографией. Он является основателем таких исторических направлений, как изучение истории Новой Сечи, Славяно-сербии, Новой Сербии, Украинской линии, процессов колонизации, демографии, статистики, истории Одессы и др. Это был человек, имевший колоссальную работоспособность, а также желание, возможности, талант ученого. Он стал признанным авторитетом в области истории и получил признание своих современников.

Современная украинская историография ценит его научные заслуги: «...він був одним із піонерів дослідження історії заселення і господарського освоєння Півдня України» – отмечает украинская исследовательница Г. Швыдько [10]. Тем не менее, сам А. Скальковский считал себя первооткрывателем истории Новороссийского края. Этим утверждением закладывается определенное противоречие между трактовкой предмета исследования, принадлежащей А. Скальковскому, и современной украинской историографией. Возникает вопрос, тождественны ли термины «Новороссийский край» и «Южная Украина» в контексте работ самого А. Скальковского. Уже различная государственная принадлежность (Российская империя и Украина в современных границах) ставит эту тождественность под сомнение. Ответом может стать рассмотрение самой концепции истории Новороссийского края, как её представлял ученый. Данная статья посвящена определению основных положений концепции истории Новороссии выдающегося историка России XIX в. А. Скальковского, не получивших в историографии комплексного освещения.

Следует обратить внимание на то, с каких позиций историк подходил к изучению новой темы. Об этом он повествует в предисловии к работе «Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1731–1823» [8]. Длительное пребывание по делам службы в Новороссийских губерниях вызвало желание у Аполлона Александровича узнать их прошлое. Автор сразу определил объект изучения: из местных историй можно создать историю всей Российской империи. Идею написания истории Новороссийского края он обсудил с Новороссийским

и Бессарабским генерал-губернатором графом М.С. Воронцовым. Оба согласились с тем, что Новороссийский край (Херсонская, Екатеринославская и Таврическая губернии) может иметь отдельную историю. Последовал приказ М.С. Воронцова привести проект в действие, а чиновникам «оказывать благосклонное содействие». В план будущих исследований входило: объехать города и посетить архивы губерний; найти и собрать документы, которые могли бы дать ответ на задачу исследования – восстановить ход событий, когда «безвестная и безлюдная доселе степь Новороссийская выступила на европейское историческое поприще»; попытаться составить историю Новой России [8, с. 2]. Таким образом, уже на первой стадии работы был сформирован предмет изучения – история Новороссийского края. Фактически это была еще гипотеза, но возникла она из наблюдения за существующей на тот момент реальностью. Успех дальнейших исследований подтвердил правоту двух виднейших деятелей Новороссии.

Вслед за этим ученый предпринял поездку по новороссийским губерниям, собирая документы, изучая все архивные собрания. Через четыре месяца, в сентябре 1835 г., отчет о поездке был готов. Описание путешествия и архивов, которые он посетил, затем благодарности, читаем в том же «Предисловии». Автор многократно подчёркивал, что история должна быть написана на документальной основе.

Новороссийской тематике в наибольшей степени посвящены обобщающие работы историка. Это, в первую очередь, «Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1731–1823», в двух частях (Одесса, 1836 и 1838 гг.). Данная работа описывает период с 1730 по 1823 год. Тема получила продолжение и развитие в работе «Опыт статистического описания Новороссийского края» (Одесса, 1850–1853 гг.) Между выходом этих книг, ставших эпохой в развитии исторической науки XIX в., учёный предпринял ещё одну археографическую экспедицию, в результате которой обнаружил часть документов Архива Коша Новой Запорожской Сечи. Издание в 1840 г., затем в 1846 г. «Истории Новой Сечи или последнего Коша Запорожского» в трех частях фактически положило начало научному изучению феномена запорожского казачества. Таким образом, между выходом первой и второй основополагающих работ по Новороссии произошло обращение историка к другой теме. Открытие новых документов по Запорожью должно было повлиять на мнение историка в некоторых вопросах либо изменить концепцию Новороссии целиком.

В «Хронологическом обозрении...» А. Скальковский впервые определил проблематику изучения Новороссийского края: это история всех линий и крепостей, история поселений военных, иностранных, русских (крестьян, мещан, шляхты, бродяг), история убежища [8, с. 7]. Русским правительством возводились крепости, переселенцы селились под крепостями и заводили селения, таким образом, «вслед за оружием идет плуг и ремесленник». Во всех работах подчеркивается военно-земледельческий характер освоения Причерноморской степи. Отметим, что аналогичные процессы проходили в несколько иных природных условиях на 100 лет раньше – во время заселения Среднего Подонковья.

В начале XVIII ст., по утверждению автора, на месте Новороссии была почти необитаемая степь. Это утверждение повторяется в его работах, как до написания истории Новой Сечи, так и после. Казачество (и запорожское, и донское) появилось, по мысли автора, в XVI ст. Под указанным выражением подразумевается как отсутствие земледельческого уклада среди «старинных» обитателей края, так и крайне низкое их число. В «Опыте...» эта позиция не изменилась: «степь служила убежищем только для кочевых пастушеских народов, или поприщем удалого казачества. Эта степь в половине XVIII ст. была ещё настоящею пустынею» [6, с. 9]. В конце XVIII ст. количество пустошей всё ещё было значительным, а население невелико, даже после всех мероприятий, направленных на колонизацию края. Примечательно, что «пустыми», или свободными, земли южнее Украинской линии считала и гетманская старшина [2, с. 27–35].

Изложение истории Новороссийского края А. Скальковский начал с 1705 г., с составления русскими и турками Межевой записи о границах Заднепровских мест. Это событие служит скорее предисловием, чем началом истории. Периодизация разработана автором следующая: введение 1731–1751 гг.; часть 1 (эпоха I: 1751–1764 гг.; эпоха II: 1764–1775 гг.; эпоха III: 1775–1796 гг.); часть 2 (эпоха IV: 1796–1803 гг.; эпоха V: 1803–1812 гг.; эпоха VI: 1812–1823 гг.) Основой для периодизации взяты либо политические события, либо административные реформы. Название «Новороссийская губерния» впервые появляется в 1764 г. для северных частей позднейших Херсонской и Екатеринославской губерний. Вторично название «Новороссийская губерния» вводится в 1796 г. для всего края. В последнюю эпоху Новая Россия, по мысли автора, утвердилась, устроилась и сделалась одной из ценнейших частиц империи, «в конце 1823 года три плодородные и довольно заселенные губернии составляют край».

11 мая 1822 г. высочайший указ повелел «главноначальствующему» в Екатеринославской, Херсонской, Таврической губерниях именоваться Новороссийским генерал-губернатором и Новая Россия на этот раз получила имя, данное ей Екатериной II более чем на 100 лет [9, с. 2].

Результат всех усилий правительства и народа А. Скальковский суммировал следующим образом: «И так в течение менее чем одного столетия (1740–1812) весь край, – от Северного Донца и устьев Дона на востоке, до Прута и устьев Дуная на западе; от Крылова и бывшей Украинской линии на севере, до Черного и Азовского морей на юге, – слился в одну правильную целость; Дикое поле, Ханство царя Перекопского, земли татарские и часть земли Волосской – как их называли историки – сделалась «Новою Россиею» [6, с. 34].

Составляющие части этой «целостности» более чем разнообразны: новосербские и славяносербские колонии, русские крепостные и слободские поселения, некрасовские и молдавские сёла, запорожские поселения на левом и правом берегах Днепра, ногайские и крымско-татарские кочевья, турецкие крепости, крепости Таганрог, Азов, Ростов и Днепровская линия крепостей, немецкие, болгарские, швейцарские, еврейские, цыганские и др. колонии [6, с. 207]. Соответственно, краю был присущ и разнообразный социальный состав: купечество, цеховые, военные ранговые, отставные (поселяне), поселяне государственные и владельческие, раскольники, однодворцы, иностранные поселяне и пр., а также чиновники, духовенство, дворяне [8, с. 96].

В начале XIX в. для Новороссии была характерна многоукладность экономики, каждый народ принес свои особенности ведения хозяйства и, по наблюдениям А. Скальковского, несколько десятилетий почти не было заимствования и смешения опыта [7, с. 12]. В конце того же века наблюдаем, по замечанию В.П. Семёнова, «пеструю смесь» народов и стирание этнографических различий [3, с. 189].

Первый этап основания собственно Новороссийского края начинается с учреждения сербских колоний. Описывая обстановку в степи накануне правительственной массовой колонизации, историк ставит Запорожскую Сечь, татарские селения и турецкие крепости в одном ряду [8, с. 3], употребляя выражение «толпы запорожцев», ведущие почти одинаковую жизнь с татарами [8, с. 13]. В «Хронологическом обозрении...» автор утверждал, что Запорожье – это метрополия Гетманщины, однако тут же уточнил: «Под именем запорожцев разумеем мы не Украину, а только её селения и курени, которые в древних Российских грамотах именовались Низовым Запорожским войском, обитавшим вдоль Днепра и преимущественно от порогов до его лимана» [8, с. 49].

В «Опыте...» (после опубликования «Истории Новой Сечи...») тональность по отношению к запорожцам изменилась. Автор отдавал должное самобытности их обычаев, верности православию, упорной борьбе с набегами татар. Он увидел теперь их частью русского народа

(как и малороссов), в то время как в первом произведении относил их скорее к кочевникам или разновидности разбойников.

После знакомства с Архивом Коша А. Скальковский изменил и свой взгляд на раннюю историю казачества. По его мнению, донское и запорожское казачества появились одновременно и имели одинаковые для этого причины. Гетманцы (малороссы) появились вследствие экспансии запорожцев на земли Речи Посполитой: из Сечи поднялись вверх по Днепру и завладели другими южнорусскими землями [4, с. 7].

В XVII ст. на историческую сцену вышли малороссийские казаки: распространение женатого казачества дало начало малороссийским, а впоследствии слободским поселенным полкам [4, с. 29]. Если в «Хронологическом обозрении...» Гетманщина названа метрополией запорожцев, то в «Истории Новой Сечи...» автор отметил «вечные» притязания Запорожья быть отдельно от Украины [4, с. 12]. В дальнейшем, после периода эмиграции, основание Новой Сечи было для правительства, по сути, одним из мероприятий по заселению степи, разновидностью поселенного полка, а степь, по большому счету, являлась заимкой.

Термин «Южная Украина» Скальковским не употреблялся, в то же время по отношению к Малороссии и Новороссии использовался термин «Южная Россия». Территория Гетманщины названа в его работах также Украиной или Малороссией (Полтавская, Черниговская, Киевская области современной Украины). Запорожье выступает как самобытное общество, имеющее родственную и этнографическую связь с населением Малороссии, но отстаивающее свою гражданскую и политическую независимость от гетманской власти. Оно внесло свой весомый вклад в формирование своеобразного облика Новороссийского края. К Южной Украине запорожцы себя не относили, что и зафиксировал А. Скальковский.

В первый этап своего существования Новороссийская губерния, населённая русскими ландмилиционерами и сербами, сосуществовала одновременно с Новой Сечью, Крымским ханством, ногайскими татарами, турецкими крепостями в Северном Причерноморье. По мере военных побед и административных реформ её конфигурация и состав изменялись (1775–1783 гг.). Вторая Новороссийская губерния (1796–1802 гг.) уже стала фактически той территориальной целостностью, историю которой изучал А. Скальковский, и которая вслед за ним стала предметом изучения историографии XIX–XX ст., частично и позднейшего времени [1, 3].

Общая концепция заселения Новороссийского края, предложенная ученым, состояла в следующем: после войн шло военно-земледельческое заселение, затем «вооружение» границ крепостями, далее заведение и благоустройство городов [8, с. 216]. Города он считал важнейшим звеном для достижения благополучия края и уделил большое внимание их строительству и развитию, особенно Одессы, которая стала в дальнейшем главным по значению городом Новороссии.

Одновременно стимулировалась собственно земледельческая колонизация, к ней привлекались сначала народы православного вероисповедания, затем и другие. Веротерпимость, как и терпимость в широком смысле, стала одной из особенностей края. А. Скальковский отмечал, что разнообразие наций, веры и самого языка изумительны [8, с. 320].

Таким образом, А. Скальковский обосновал актуальность и целесообразность изучения истории Новороссийского края как сложившейся экономической и культурной целостности, важной составной части истории Российской империи, имеющей собственную историческую субъектность. Без написания истории военных поселений, иностранных колоний, Запорожья, трудно объяснить новороссийские реалии XIX в., и историк был рад, что нашлись документы для их исследования. Одновременно автор заметил, что не располагает таким же объемом документов о Крымском ханстве [4, с. 1]. Следовательно, при написании истории Новороссии будущими историками, в соответствии с концепцией автора, предполагалось

наличие и этой составляющей. Возвращаясь к терминологии, отметим, что современное название Северного Причерноморья «Южная Украина» отражает политическое состояние края как части современного государства Украина (период Новейшей истории). Оно не включает того значения региональной общности, которое имел в виду под названием «Новороссийский край» А. Скальковский. Данная территория, как видно уже из работ этого ученого, не имела отношения к таким историко-географическим понятиям как «Украина» или «Малороссия».

Научное наследие Аполлона Александровича Скальковского вполне востребовано в наши дни. Но кроме научных сообщений по отдельным темам, его труды содержат образец методологического подхода, при котором история страны составляет целостность, не теряя многообразия составляющих частей.

Литература

1. **Кабузан В.М.** Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губернии) в XVIII – первой половине XIX в. (1719–1858 гг.) / В.М. Кабузан. – М. : Наука, 1976. – 306 с.
2. **Кузик Т.Л.** Відомість про залінійні поселення від 17 січня 1762 як джерело до історії Старосамарської сотні Полтавського полку / Т.Л. Кузик // Січеславський альманах : зб наук. праць. – Дніпропетровськ : Нац. гірничий ун-т, Вип. 2. – 2006. – С. 27–35.
3. **Россия:** полное географическое описание нашего отечества / под ред. В.П. Семенова. – СПб. : Изд. А.Ф. Девриена, 1910. – Т. 14. – 983 с.
4. **Скальковский А.А.** История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского / А.А. Скальковский. – Одесса : Гор.типография, 1846. – Ч. 1.– 367 с.
5. **Скальковский А.А.** История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского / А.А. Скальковский. – Одесса : Гор.типография, 1846. – Ч. 2. – 369 с.
6. **Скальковский А.А.** Опыт статистического описания Новороссийского края / А.А. Скальковский. – Одесса : Тип. Францова и Нитче, 1850. – Ч.1. – 366 с.
7. **Скальковский А.А.** Опыт статистического описания Новороссийского края / А.А. Скальковский. – Одесса : Тип. Францова и Нитче, 1853. – Ч. 2. –552 с.
8. **Скальковский А.А.** Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1731–1823 / А.А. Скальковский. – Одесса : Гор. типография, 1836. – Ч. 1. – 288 с.
9. **Скальковский А.А.** Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1731–1823 / А.А. Скальковский. – Одесса : Гор. типография, 1838. – Ч. 2. – 349 с.
10. **Швидько Г.** Піонер наукового вивчення історії Запорозької Січі Аполлон Скальковський (1808–1898 рр.) [Електронний ресурс]. – Режим доступа: [http://www.libr.dp.ua/region/Goldnames/Аполлон Скальковський.doc](http://www.libr.dp.ua/region/Goldnames/Аполлон%20Скальковський.doc)

СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ СЕГОДНЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ТЕНДЕНЦИИ

УДК 811.161.1'28'42

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «СМЕРТЬ» В РУССКИХ ЗАГАДКАХ

Васильева Е.Ю.,

ассистент кафедры украинской филологии

и издательского дела

ЛНУ имени Тараса Шевченко

г. Луганск

Аннотация: в статье рассматриваются особенности вербализации концепта «смерть» как объекта взаимодействия языка, мышления и культуры на примере русских загадок. Понятие концепта «смерть» разделяется на условные темы, связанные общей семантикой.

Ключевые слова: загадка, русский язык, вербализация, концепт, смерть, лингвокультурология, этнолингвистика.

Abstract: the article deals the peculiarities of the verbalization of the concept “death” as an object of interaction between language, thinking and culture using the example of Russian mysteries. The concept “death” is divided into the conditional themes connected by the general semantics shown at verbalization of this concept.

Keywords: mystery, the Russian language, verbalization, concept, death, cultural linguistics, ethnolinguistics.

Загадка, как разновидность метафорического выражения, уходит корнями во времена Аристотеля. Древнегреческий философ говорил о загадках следующее: «суть загадки состоит в том, чтобы, говоря о действительном, соединять невозможное с возможным» [1, с. 1099]. Аристотель объяснял это тем, что благодаря комбинированию общепринятых слов и словосочетаний такое соединение невозможно, однако, с помощью метафор и иносказаний вполне реально.

Изучение загадки как научного феномена берет начало во второй половине XIX века. Исследования этого жанра фольклора условно разделяются на следующие этапы: филологический и этнолингвистический (антропологический). Загадка является объектом изучения в этнолингвистике, понимаемым как текст культуры народа. В совокупности загадка и её разгадка это – знания одного поколения, передающиеся другому в рамках одной этнической группы. Обратим внимание на словарную статью Владимира Даля, в которой автор определяет загадку как «что-либо загадочное, сомнительное, неизвестное, возбуждающее любопытство; иносказание или намеки, окольная речь, обиняк; краткое иносказательное описание предмета, предлагаемое для разгадки» [3, с. 506].

Изучением такого фольклорного феномена как загадка занимались многие ученые-лингвисты, однако, следует отметить ряд исследователей, которые внесли вклад в изучение загадки с точки зрения соотношения культуры, этноса и лингвистики, среди них А. Головачева, М. Ковшова, Ю. Левин, М. Рыбникова, Д. Садовников, и др.

Одним из важнейших вопросов в современной этнолингвистике является изучение концептов языка. Об этом свидетельствует достаточное количество научных исследований таких ученых-лингвистов, как Н. Бодырева, А. Вежбицкая, Е. Верещагина, В. Костомарова, Е. Кубрякова, Д. Лихачева, З. Попова, И. Стернин, О. Шкуран и др.

«Концепт, – по словам лингвиста и семиотика Юрия Степанова – это ментальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте, а планом выражения – совокупность языковых средств (лексических, фразеологических, паремических и др.). Концепт – это сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, и то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и сам влияет на нее» [5, с. 40].

Современная лингвистика использует термин «концепт» для определения одного из видов репрезентации знаний о мире с позиции национально-культурной семантики. В свою очередь, загадки раскрывают особенности различных концептов, однако работ, которые бы в полной мере экспонировали национально-культурную семантику метафорических выражений, отражающих в себе концепт «смерть», недостаточно, поэтому данная проблема остается актуальной.

Руководствуясь современными научными разработками в области лингвокультурологии и этнолингвистики, мы решили исследовать национально-культурную специфику концепта «смерть» в фонде русских загадок. Для достижения поставленной цели нами были использованы методы контекстуального и компонентного анализа.

Загадывание и разгадывание загадок является неким своеобразным кодированием системы знаков и представлений культуры отдельной нации, этноса, то есть умение отгадывать, угадывать, распознавать в устном, реже письменном, метафорическом тексте некие приметы, символы, знаки реальности. Иными словами, загадки – формы своеобразного устного общения внутри отдельной этнической группы.

Как правило, загадкам, как жанру фольклора, свойственна непостоянность и вариативность, однако, следует заметить, что нераздельный «корень» русских загадок весьма устойчив и постоянен. Об этом свидетельствует глобальная тема представления и понимания носителями языка такого явления как смерть.

Концепт «смерть» наделяется множеством культурных значений и символических смыслов восточнославянского этноса. В статье представлены примеры загадок, условно объединенные темами, символами, антропоморфизмом на основе семантики, выраженной при вербализации данного концепта.

К первой теме можно отнести метафоры, которые подменяют концепт «смерть». Известно, что представленные в русских загадках, так называемые, метафоры-заместители, являются ее устойчивыми культурными знаками и маркерами. В качестве примера приводятся такие метафоры, которые олицетворяются в образе птиц. Метафорические птицы в загадках «наделяются медиаторскими функциями: осуществляют связь между верхним и нижним мирами, свободно проникая в небеса и спускаясь в преисподнюю» [2, с. 558]. Например, загадка: «*В темном бору,/Сидит птица;/Всяк её боится,/Никто от неё не уйдёт:/Ни царь, ни царица,/Ни красная девица,/Ни рыба в море,/Ни заяц в норе*» [4, с. 313]. Отгадка: *смерть*. В данном примере прослеживается перенесение образа птицы и её свойств на такое неизбежное явление как смерть, таким образом, мы видим, что концепт «смерть» вербализируется в понятии олицетворение.

Сходные символические соотношения также находим в другой русской народной загадке: «*На море, на океане,/На острове Буяне/Сидит птица Юстрица,/Она хвалится,/Выхваляется,/Что все видала/Всего много едала/Видала царя в Москве,/Короля в Литве,/Старца в кельи,/Дитя в колыбели,/А того не едала,/Чего в море не достала*» [4, с. 313]. Отгадка: *смерть*.

Концепт «смерть» подчеркивается характерными лексическими знаками-маркерами с общей семантической темой вселения ужаса и страха, чувства неизбежности, сверхъестественности: *Всяк её боится; Никто от неё не уйдёт* [4, с. 313].

Еще одним объединяющим признаком является тотальность и глобальность смерти: *На горе Волынской/стоит дуб Ордынской,/На нём сидит птица Веретено,/Сидит и говорит:/Никого не боюсь: ни царя в Москве, ни короля в Литве*» [4, с. 313]. Отгадка: *смерть*. А также

данная тема объединена мотивом равенства людей перед смертью, об этом свидетельствуют такие строки в загадках, как *Никто от неё не уйдёт:/Ни царь, ни царица,/Ни красная девица,/Ни рыба в море,/Ни заяц в норе*, а также *Видела царя в Москве,/Короля в Литве,/Старца в кельи,/Дитя в колыбели* [4, с. 313].

Мы намеренно обращаем внимание на следующую тему, в которой концепт «смерть» вербализируется через символ с исходной семантикой «дерево»: *На горе Волынской/стоит дуб Ордынской; Сидит сова на корыте,/Не можно её накормити/Ни попам, ни дьякам, ни миром,/Ни добрыми людьми, ни старостами* [4, с. 313]. Ответ: *смерть*. В данном примере используется слово «корыто», которое сделано из дерева, отсюда следует, что возможны варианты речевого случая, обусловленные лексическими замещениями смерти.

Смерть, как концепт культуры, в загадках вербализируется с помощью символических обусловленностей и характеризуется едиными культурными понятиями, такими как всеобъемлемость, наделение властью и могуществом над всем живым, кроме самой себя (смерти). В качестве примера приводится следующее метафорическое высказывание: *Сидит птица на кусту,/молится самому Христу:/«Дал ты мне власть над людьми и зверями,/над птицами и рыбами,/только не дал ты мне власти над самой собой* [4, с. 314]. Отгадка: *смерть*.

В итоге рассмотрения данного вопроса можно сказать, что в мире загадки концепт «смерть» является чем-то реальным, конкретным, оформленным, даже телесным, и будничность смерти подтверждается соответствующими речевыми высказываниями.

В свою очередь язык является важнейшим орудием передачи мыслей и чувств, основным средством общения, а также отражением национальной культуры и ее представителей. На протяжении уже многих лет особое внимание в этнолингвистике и лингвокультурологии уделяется роли человека в развитии языка, что обуславливает широкое распространение такой отрасли языкознания как лингвокультурология, которая рассматривает языковые единицы в контексте языковой и концептуальной картины мира.

Учитывая труды многих исследователей, посвященные загадке, отметим, что ее следует рассматривать не как отдельно взятый феномен, а в контексте традиционной культуры русского народа. Особое внимание необходимо уделить исследованиям концептуальной семантики загадки, ее фигурального и метафорического элемента. Загадка, являющаяся частью паремииологического фонда этноса, должна рассматриваться с культурной точки зрения.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что загадка является одним из старейших представителей жанров русского фольклора, в котором до сих пор сохраняются изначальные и первостепенные элементы культуры народа. Результаты исследования показали, что вербализация концепта «смерть» в фонде русских загадок имеет тождественный элемент во всех регионах России. Из этого следует, что вербализация исследуемого концепта является общенациональной. Также это свидетельствует о том, что национально-культурная специфика концепта «смерть» в загадках русского народа объединена общей тематикой, закрепленной в сознании славян: страха, неизбежности, тайны, смерти телесной и духовной.

Литература

1. **Аристотель.** Поэтика. Об искусстве поэзии // Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель. – Минск : Литература, 1998. – С. 1064–1112.
2. **Гура А.В.** Орёл // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. – М. : Международные отношения, 2004. – Т. 3. – С. 558–559.
3. **Даль В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4т. / В.И. Даль. – СПб. : ТОО «Диамант», 1996. – Т. 1: А – З. – 699 с.
4. **Загадки русского народа:** Сборник загадок, вопросов, притч и задач / Сост. Д.Н. Садовников. – М. : Современный писатель, 1995. – 400 с. – (Славянский мир)
5. **Степанов Ю.С.** Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М. : Языки славянской культуры, 1997. – 825 с.

УДК 801.81:821.161.1

НРАВСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКИХ, ФРАНЦУЗСКИХ И ЯПОНСКИХ СКАЗОК: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Грицкова Н.В.,

к. пед. н., доцент, доцент кафедры романо-германской
филологии ЛНУ имени Тараса Шевченко
г. Луганск

Горюнова Т.Н.,

магистрант 1 курса специальности 45.04.01 Филология.
Язык и литература (французский, английский)
ЛНУ имени Тараса Шевченко
г. Луганск

Аннотация: в статье рассматривается влияние детской литературы на формирование духовных ценностей, становление и развитие личности. Проводится компаративный анализ детских французских, японских и русских сказок.

Ключевые слова: нравственность, личность, духовно-нравственные ценности, детская литература, детская картина мира, нравственный потенциал.

Abstract: the article describes the influence of the children's literature on spiritual values forming, personality's forming and development. Comparative analysis of the children's French, Japanese and Russian fairy-tales is conducted.

Key words: moral, personality, spiritual and moral values, children's literature, children's worldview, moral potential.

Любое общество заинтересовано в сохранении и передаче накопленного опыта, иначе невозможно не только его развитие, но и само существование. Сохранение этого опыта во многом зависит от системы воспитания и образования, которая, в свою очередь, формируется с учётом особенностей мировоззрения и социально-культурного развития данного общества. Духовно-нравственное становление нового поколения, подготовка детей и молодёжи к самостоятельной жизни – важнейшее условие развития государства. Разрешение проблем нравственного воспитания требует поиска наиболее эффективных путей или переосмысления уже известных.

На наш взгляд, действенным средством в воспитании моральных качеств личности ребёнка является народная сказка. Сказки русского народа К.Д. Ушинский назвал первыми блестящими попытками народной педагогики. Восторгаясь сказками, он писал, что никто не в состоянии состязаться с педагогическим гением народа. То же самое следует сказать о сказках и других народов.

Известно, что культура как совокупность достижений предков передаётся из поколения в поколение потомкам, сохраняя традиции той или иной этнической группы. Важнейшей составляющей культуры является язык и литература как самое эстетичное его проявление, в большей степени влияющее на формирование и развитие личности.

Считается, что формирование духовных ценностей происходит на раннем этапе становления личности, то есть в детском возрасте. Дело в том, что сознание ребёнка легко подвергается влиянию, оказываемому извне, и черпает основные ресурсы для вербализации ведущих концептов той или иной культуры в самом доступном для детского восприятия материале – в детской литературе.

Вопросы о сюжетах и идеях сказок освещались в научных работах таких известных исследователей, как В.Я. Пропп, В.П. Аникина, А.Н. Веселовский, Е.М. Мелетинский и др.

В преданиях, легендах, передававшихся из поколения в поколение, освещается история народа, его быт, нравственные обычаи, характер образного мышления.

Ребёнок получает жизненный опыт, читая о приключениях сказочных персонажей. Сказки являются важным воспитательным средством, выработанным в течение столетий и проверенным народом. По мнению Г.Н. Волкова, «дети и сказка не делимы, они созданы друг для друга и поэтому знакомство со сказками своего народа должно обязательно входить в курс образования и воспитания каждого народа» [3, с. 102].

Важно понимать, что отличие культур разных народов отражается и на мировоззрении в целом. Понятие о нравственности формируется в рамках одной картины мира как система ценностей, определяющая поведение человека. Но в зависимости от того, к какому мировоззрению склоняется население той или иной страны, семантика концепта «нравственность» в разных странах также может различаться в отдельных семантических компетенциях.

В русском языке слово «нравственность» появилось во второй половине XVIII века (впервые зафиксировано в «Словаре Российской Академии» в 1789 году), наряду с прямым заимствованием французского термина «moral» и созданием калек для родственных слов на основе церковнославянизма «нрав». Например, безнравственный – калка с французского immoral.

В зависимости от философских и религиозных учений и воззрений того или иного государства в обществе формировался ряд ценностей, иерархичность которых передавалась потомкам посредством воспитательного процесса [2]. Лучшим способом воздействия на детское сознание всегда были сказки, поскольку взаимопонимание лучше всего достигается, когда собеседники находятся на одном уровне. Так как ребёнок в силу своей неопытности и несмышлёности не всегда может до конца осознать нравоучения взрослого, время от времени взрослому стоит уступить и позволить себе пересечь границу детского мира и заговорить языком ребёнка, т.е. указать на правоту своей морали через слова и поведение главных персонажей сказок.

В настоящее время мы всё чаще наблюдаем примеры детской жестокости, агрессивности по отношению друг к другу, по отношению к близким людям. Под влиянием далеко не нравственных мультфильмов у детей искажены представления о нравственных качествах: о доброте, милосердии, справедливости.

Для выявления нравственного потенциала, направленного на формирование духовных ценностей в раннем возрасте, нами был проведён компаративный анализ ведущих русских, французских и японских сказок.

Во французском языке слово «сказка» (le conte) основывается на двух компонентах своей семантики «что?» и «для чего?». Французские сказки используются, прежде всего, с целью сознательного или подсознательного привития ребёнку определённых, заложенных в обществе жизненных норм, защищающих это общество и обучающих его членов достойному отношению к «инородцам».

Традиционными сюжетами французских сказок являются сюжеты о противостоянии злой мачехи и наивной бедняжки падчерицы (или доброй падчерицы и её корыстной и злобной сводной сестры), о благородных невиданных животных, которые всегда приходили на помощь всем тем, кто действительно этого заслуживал и др. Таким образом, традиционные французские сказки указывают своим читателям на истинные жизненные ценности: любовь, порядочность, честность, доброту, искренность.

Французские сказки, по сравнению со сказками других стран мира, отличаются своей остросюжетностью и чрезмерной волшебностью. Зачастую ведущими персонажами таких сказок выступают животные или дети. Ярким примером того могут служить знаменитые французские сказки «Красная Шапочка», «Жан-дуралей», «Кот в сапогах», «Цыплёнок Половинка», «Мальчик-с-пальчик».

Что касается русских народных сказок, то для них характерно частое использование эмоционально-экспрессивной лексики, позволяющей выразить положительную или отрицательную оценку героев и происходящих событий. Так, при прочтении сказок читатель неоднократно встречается с такими выражениями, как «добрый молодец», «красная девица», «добрый конь», которые явно показывают положительное отношение к героям [1].

В тексте сказок часто встречаются междометия, позволяющие показать эмоциональное состояние героев. Например, «Ах, Иван-царевич, что же ты наделал!»

Основой многих знаменитых сказок послужили мифы и «бродячие сюжеты», что отразилось на схожести и одномотивности некоторых сказок разных народов мира. Такие сказки учат одним и тем же нравственным поступкам, применяя в воспитательном процессе разные подходы, созданные специально под сформированные понятия нравственности в данном обществе и проходящие сквозь призму сознания общества с той или иной картиной мира.

Рассмотрим созвучный сюжет двух сказок. Речь пойдёт о французской сказке Шарля Перро «Золушка» и о японском произведении эпохи Хэйан неизвестного автора «Повесть о прекрасной Отикубо». И «Золушка», и «Повесть о прекрасной Отикубо» известны как старейшие сказки об издевательствах мачехи над падчерицей. В обоих сюжетах присутствует счастливый конец с определённой моралью о том, что в итоге обязательно восторжествует добро, и человек, несмотря ни на что, должен оставаться добрым и нравственным. Главная героиня и французской, и японской сказок беспрекословно выполняет все прихоти мачехи и безропотно терпит все её издевательства, а в конце её терпение вознаграждается. Разница состоит в том, что японское произведение отличается большей реалистичностью. Во-первых, «роль доброй крёстной феи» тут играет жених, впоследствии муж героини, который увидел в Отикубо-Золушке её истинную красоту и решается отомстить всем её обидчикам. Несмотря на различие в принимаемых мерах жёсткости по отношению к судьбе отрицательных персонажей, реалистичность фабулы и присущность или отсутствие волшебных и чисто сказочных проявлений, оба произведения воспитывают в ребёнке стремление к свершению добрых дел, разграничивая моральное и аморальное поведение, указывая на то, как нужно и как нельзя себя вести.

Такие причинно-следственные связи как нельзя точнее поясняют детскому сознанию, почему то или иное поведение поощряется родителями, а ряд других поступков влекут за собой тяжёлое наказание.

Таким образом, детская литература и народные сказки являются неотъемлемой частью воспитательного процесса для многих народов мира и прививают духовно-нравственные ценности в раннем возрасте в зависимости от сформировавшейся в данном обществе картины мира и общепринятого философского и религиозного воззрения.

Литература

1. **Аникин В.П.** Русское устное народное творчество / В.П. Аникин. – М. : Высшая школа, 2001. – 234 с.
2. **Апресян Р.Г.** Нравственность. Новая философская энциклопедия / Р.Г. Апресян. – М. : Мысль, 2000. – 1250 с.
3. **Волков Г.Н.** Этнопедагогика / Г.Н. Волков. – М. : Форум, 2000. – 169 с.

УДК 811.161.1'42:659.1

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

Дубинина В.А.,

к. филол. н., доцент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий
ЛНУ имени Тараса Шевченко
г. Луганск

Аннотация: в статье анализируются гендерные особенности современной социальной рекламы. Акцентируется внимание на том, что для общества характерны определенные гендерные характеристики, которые способны привлечь внимание аудитории к важным социальным проблемам.

Ключевые слова: гендер, социальная реклама, воздействие на аудиторию, текст.

Abstract: the article analyzes the gender features of modern social advertising. The article focuses on the fact that society is characterized by certain gender characteristics that can attract the attention of the audience to important social problems.

Keywords: gender, social advertising, impact on the audience, text.

Каждый человек имеет возможность просматривать социальную рекламу или даже создавать ее. Большинство понимает социальную рекламу как способ освещения актуальных социальных проблем, но не каждый может воспринимать ее как проявление культуры, заметить различия в восприятии этой рекламы обществом в зависимости от того, какие символические окраски она имеет и кто, собственно, представлен в ней. Именно с этой позиции можно выявить роль маскулинного и феминного в современной социальной рекламе.

Цель статьи – рассмотреть и проанализировать гендерные особенности современной социальной рекламы.

Реклама – это своеобразный вид коммуникации [3, с. 80]. Широкое распространение рекламы в обществе связано с развитием средств массовой коммуникации, поскольку реклама реализует свои прагматические цели, функционируя в потоке массовой информации по ее законам: она дает информацию о внешнем мире, ретранслирует ценности, разделяемые обществом, задает ориентиры социополитического действия, в формах и знакомых образцах традиционной для данного общества культурно-знаковой парадигмы [4, с. 24]. Одним из самых эффективных видов освещения социальных проблем является социальная реклама. Н. Бутенко рассматривает культуру как «индивидуальную» и «социальную» [1, с. 125]. Они тесно связаны, потому как в процессе развития современного общества образуют «мозаичную» культуру, которая формируется под воздействием средств массовой коммуникации. Одним из таких средств сегодня можно назвать социальную рекламу, рассматривая ее сквозь призму гендерных особенностей.

Пункт 3 статьи 13 Конституции ЛНР гласит: «Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации» [5]. Именно поэтому, социальная реклама, которая производится или распространяется, может содержать изображение мужчины и женщины, представлять их взгляды на равных началах, равноправно распространять информацию с точки зрения на нее мужчины или женщины, в случае, если здесь существуют различия.

Социальная реклама важна не только потому, что она освещает проблемы современного общества и предлагает пути их решения, но и потому, что является своеобразным культурным феноменом, который характеризуется значительной символической нагрузкой, имеет гендерный аспект, отражающий особенности восприятия людьми женского и мужского начала. Обращая внимание на социальную рекламу, нужно отметить, что она важна не только с точки зрения об-

щественной жизни, но и культуры вообще. В этом случае социальную рекламу, которая является доступной для каждого, можно рассматривать как один из способов соотношения мужского и женского начала с точки зрения их влияния на общественное мнение и сознание граждан.

Культура каждого общества содержит обобщенные представления о том, какими являются мужчины и женщины и чем они должны заниматься [2, с. 158]. Современное общество также имеет свои стереотипные взгляды на роль женщины и мужчины, согласно чего сложилась определенная гендерно-ролевая дифференциация. Но мы не можем рассматривать единую гендерную мужскую или женскую роль как таковую, ведь не существует одной раз и навсегда определенной роли, характерной для отдельного пола, то есть «маскулинной» или «феминной» [2, с. 160]. Социальная реклама, пользуясь мужскими и женскими образами, представляет обществу сильных личностей, обращается с призывом к самоорганизации, здоровому образу жизни, гармонии, порядку. «Все люди разные, но все равны», «За каждым знаком – живые люди», «Впусти меня в свое сердце».

Современная культурная традиция предлагает стереотипное понимание феминного и маскулинного. Это проявилось в том, что издавна сферы деятельности мужчины и женщины четко разграничивались. Соответственно, мужчина в традиционной культуре – это олицетворение силы, ума, порядка. Поэтому мужчины всегда были задействованы в активных общественных процессах, религиозных делах, они олицетворяли победу на войне и хозяина в доме. Женщина в традиционном понимании нашего народа – это хранительница домашнего очага, семейного уюта, мать, жена, которая должна быть помощницей во всех делах своего мужа. Традиционно мужчина был первым в решении любых проблем, связанных с различными сферами жизни, а женщине отводились второстепенные роли.

Важным средством влияния на сознание общества является убеждение через рекламную деятельность. В зависимости от того, кто раскрывает социальный вопрос для общественного осмысления, – мужчина или женщина – складывается соответствующее отношение к рекламе, а также степень доверия к ней. В процессе рекламного убеждения специалисты выделяют два вида аргументации: логический и психологический [1, с. 207]. При помощи логики можно обратиться к рациональной сфере сознания человека. Психологический способ предполагает обращение к мыслям, чувствам, интересам тех, на чье восприятие направлена эта реклама. Социальная реклама, которую можно встретить сегодня, содержит оба способа аргументации. Однако, в зависимости от того, кто освещает социальные проблемы, определяется соответствующее доминирование логического или психологического подхода. Поскольку женщина ассоциируется с «душевностью», то способ изложения мыслей тяготеет к психологическому воздействию, а мужчина, как «духовное» начало, направляет свои убеждения на умственное осмысление.

Рассматривая современную социальную рекламу через призму культурных стереотипов, нужно заметить, что представительство женщины и мужчины в такой рекламе зависит не только от замысла рекламистов. Учитываются также особенности восприятия феминного и маскулинного в современном обществе. Итак, традиционный взгляд на женщину связывает ее с семьей, домашним хозяйством. Мужчину же общество издавна приравнивало к духовному началу, ему посвящены ответственные занятия: священник, врач, железнодорожник, почтальон, военный и т.д. Но современность преодолевает стереотипы, поэтому уже сегодня социальная реклама представляет некоторые из этих профессий с участием женщины, сегодня она наравне с мужчинами может занимать такие же должности.

Традиционно образ женщины в социальной рекламе воплощает благосостояние и благополучие. Но стремление женщины быть равноправной с мужчиной проявилось в том, что она разделяет классические мужские роли и это, в частности, проявляется через социальную рекламу.

Классические мужские роли в нашем обществе связаны с началом власти, силы, духовного и материального богатства. Но сейчас, под влиянием западной культуры, социальная

реклама часто показывает мужчину с отрицательной стороны. Например, это может быть реклама, связанная с курением или употреблением алкогольных напитков. Важным условием женского представительства в социальной рекламе является создание ее имиджа. В зависимости от того, какую сферу общественной жизни освещает эта реклама, женщина в ней предстает в соответствующем образе, несмотря на традиционные взгляды, относительно женских ролей в обществе.

Любая общественная проблема может быть освещена с помощью создания модели ее преодоления. Во многих случаях в социальной рекламе присутствует человек или группа людей, которые распространяют важную для общества информацию. Особую роль в создании рекламного имиджа играет символика цвета. С помощью колористики можно передавать настроение, идейное направление, мысли. Поэтому особенностью культурологического осмысления гендера в социальной рекламе является смысловая нагрузка цвета.

Распространение феминистских идей в современном обществе привело к тому, что женщина, не соглашаясь со своим традиционным местом в культуре, начала перенимать некоторые мужские качества. Такое явление наблюдается в различных сферах человеческой деятельности – в науке, литературе, культуре и т.д. Социальная реклама является одним из примеров, который иллюстрирует гендерные особенности современного общества, а также проблемы, связанные с пониманием женского и мужского начала.

Гендерный аспект социальной рекламы можно также проследить, учитывая то, каким образом мужчина или женщина, которые в ней присутствуют, подают образец поведения для общества. Прежде всего, следует отметить, что физиологические или социальные особенности полов перестали восприниматься как характеристика гендера. «Борода не делает тебя мужчиной!», «Мужской журнал не делает тебя мужчиной!» и т.д. Социальная реклама, которая направлена на решение демографических проблем или всего, что связано с нарушением здорового образа жизни, всегда содержит образ женщины. Социальные проблемы старшего поколения также часто показаны через призму феминного.

Таким образом, в силу особенностей рекламной коммуникации – повторяемости, массовости, наглядности, эмоциональной насыщенности – тексты социальной рекламы могут служить нравственным катализатором состояния общества и позитивной корректировки его жизнедеятельности. Аппелляция к духовным ценностям, моральным нормам и определенным гендерным стереотипам может сформировать потребности духовного плана. Социальная реклама способна оздоравливать социальные отношения. Среди важных целей можно назвать пропаганду основных принципов моральной этики, экологической культуры; укрепление и налаживание семейных отношений, а также связи между поколениями; формирование уважительного отношения к людям; развитие социальной терпимости и толерантности, объединения граждан на основе общности интересов и целей для решения социально-культурных проблем.

Литература

1. **Бутенко Н.** Соціальна психологія в рекламі : [навчальний посібник] / Н. Бутенко. – К., 2006. – 384 с.
2. **Основи теорії гендеру :** [навч. посібник] ; за ред. В.П. Агеєвої, Л.С. Кобелянської, М.М. Скорика. – К., 2004. – 536 с.
3. **Ромат Е.** Реклама / Е. Ромат. – Киев ; Харьков, 2000. – 476 с.
4. **Федотова Л.Н.** Социология рекламной деятельности: Учебник. – М. : Гардарики, 2002. – 272 с.
5. **Глава ЛНР. Конституция** [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://glava-lnr.info/dokumenty/konstituciya>.

УДК 821.16.09-029:9:929Косач

МЕСТО ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ОЛЬГИ ПЕТРОВНЫ КОСАЧ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР

Зайцева А.В.,

к. филол. н., доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий
ЛНУ имени Тараса Шевченко
г. Луганск

Аннотация: творчество Ольги Петровны Косач является оригинальным, самодостаточным явлением в истории развития славянских литератур. Представленная писательницей широкая палитра жанров, актуальность идейно-тематического направления произведений, новизна стиля характеризуют ее как автора новой литературной эпохи.

Ключевые слова: наследие, контекст, жанровая парадигма, стилевая доминанта, идейная специфика.

Abstract: the heritage of Olga Petrovna Kosach is the original, all-sufficient phenomenon in history of development of Slavic literatures. Wide palette of genres, actuality of ideological-thematic direction of works, presented by an authoress, novelty of style characterized her as an author of new literary epoch.

Keywords: heritage, context, genre paradigm, stylish dominant, ideological specific.

Современное состояние развития литературоведческой науки требует комплексного изучения творчества писателей, которое в свое время должным образом не ценилось из-за каких-то культурно-исторических или общественно-политических обстоятельств. Художественная наработка известного деятеля славянской культуры второй половины XIX – начала XX века Ольги Петровны Косач (1849–1930), творившей под псевдонимом Олена Пчилка, – явление знаковое и широкомасштабное, что поражает своей вневременной актуальностью, неповторимостью и оригинальностью, имеет весомую смысловую нагрузку. Бескомпромиссные взгляды писательницы на некоторые проблемы общественной жизни, дела образования и воспитания обусловили беглое и спорадическое изучение ее творческого наследия, которое актуализирует необходимость исследования творческой наработки этой неординарной самобытной творческой личности и определения места ее наследия в историческом контексте славянской литературы.

Начиная с 90-х годов, творческое наследие писательницы постепенно возвращается из забвения. Были выданы сборники ее произведений, проведены научно-практические конференции, посвященные творчеству писательницы. В 1991 году издательством «Радуга» основана литературная премия имени Олены Пчилки, которую получают авторы, творцы, меценаты за опубликованные в этом издательстве книги для детей, что способствуют воспитанию читателей, прививают молодому поколению любовь к Родине. Среди ее лауреатов – Д. Белус, Е. Таланчук, В. Шевчук и др.

Анализ творчества Ольги Петровны позволяет утверждать, что своеобразие художественной фигуры и творческой манеры писательницы является заметным явлением в славянской литературе. Ей принадлежит значительное количество переводов, научных разведок, а также реалистичных произведений, построенных по принципу конкретно-исторического изображения действительности, характеры и поступки главных персонажей писательницы предопределены особенностями их происхождения и воспитания. Определяющими чертами ее творческой наработки являются: введение в полотно реалистического произведения образа

интеллекта и нового типа образованной волевой женщины, которые способны противостоять социальному и национальному притеснению, а также интеллектуализация прозы путем введения диалогов, размышлений высокообразованных людей о делах образования и культурно-художественных достижениях, гражданском долге, находясь на Родине и за ее пределами («Товаришки»). Появление этих признаков связано с особенностями мировоззренческой позиции писательницы. Основательный анализ материалов, посвященных изучению творческой фигуры писательницы, удостоверяет почти полное отсутствие современных ей литературоведческих разведок (за исключением позитивных отзывов Ивана Франко). В течение длительного времени ее творчество считали националистически заангажированным, потому удавались лишь к обзорному или спорадическому анализу. Первым фундаментальным исследованием творческой фигуры писательницы является труд Д. Донцова [1], вслед за которым, к изучению черт, присущих творческой индивидуальности Олены Пчилки, обращались Г. Аврахов, И. Денисюк, Л. Дрофань, Н. Купрата, Л. Мирошниченко, Л. Новаковская и др.

На современном этапе развития литературоведческой науки появилась монография «Олена Пчилка и фольклор» О. Микулы [2], которая имеет весомое научное значение, поскольку является единственным комплексным исследованием разведок фольклорных и литературных произведений писательницы, сотворенных благодаря осмыслению и трансформации народнопоэтических сюжетов, мотивов, образов.

Цель работы – определить место творческого наследия Ольги Петровны Косач в историческом контексте славянских литератур.

Поэтическое наследие писательницы выделяется значительным количеством жанровых разновидностей. Начав творческую деятельность с переводов образцов мировой классики, она обратилась к написанию авторских поэтических произведений. Жанровая палитра ее лирики включает стихи-размышления, поэзии-медитации, призывы, послания, посвящения, колыбельные, сонеты, романсы, элегии и др. Ритмично-композиционные и образные особенности представляют мастерство лирического таланта поэтессы в жанре элегии, медитации, песенной поэзии. Жанры послания, призыва, а также повествовательная лирика писательницы характеризуются обращением к морально-этическим вопросам. Жанры басни («Котова наука»), легенды («Пророк»), поэмы («Козачка Олена») представляют ее наработку в лиро-эпосе. Поэтическое наследие писательницы в жанре литературы для детей базируется на стремлении привить молодому поколению чувства любви к Родине, ее народу, природе, животному миру.

Проза Ольги Петровны Косач свидетельствует о наличии повестей, которые появились на раннем этапе ее творчества («Товаришки», «Золота писанка»). Следующие этапы удостоверяют появление малых жанровых форм с локальными сюжетами, четкой композицией, значительными возможностями для реализации индивидуального виденья мира, которые по большей части отвечали типу художественного мышления писательницы. В этот период созданы «рождественские» или «праздничные» рассказы («Чад», «Забавный вечер», «Сосонка» и др.), а также рассказы, ориентированные на разную по возрасту аудиторию («Артишоки»). Жанр сказки представлен произведениями с модифицированными фольклорными образами и обработанными народными сюжетами («Ворона и рак», «Пан Коцкий», «Лисичка-сестричка и волк», «Зайчик»). Эссе писательницы выделяется свободной, выразительно индивидуализированной трактовкой темы относительно ценности человеческой жизни.

Стилевые доминанты творческой наработки Олены Пчилки в целом характеризуют стилевой вектор ее художественных поисков в направлении обновления тематики литературы второй половины XIX – начала XX века и определяются, прежде всего, реалистичным типом художественного мышления писательницы, что связано с репрезентацией эпических полотен, где превалировало реалистичное изображение определенных событий и национальных типов. Новый в украинской литературе образ сознательной украинской женщины-па-

триотки («Товаришки»), который писательница создала в прозе и в поэзии, заложив таким образом основы для феминистической критики, освещает ее взгляды на развитие женского вопроса, характеризует стремление достичь национальной свободы и независимости, всесторонней эмансипации женщины. Фольклоризм как стилевая черта творческой наработки писательницы оказывается в процессе обращения к источникам украинского фольклора, обработки его мотивов, образов и характеров, которые в дальнейшем появлялись центральными в авторских произведениях.

Творческую наработку писательницы среди других представителей культурно-художественной парадигмы этого периода выделяют педагогические взгляды на воспитание молодого поколения. Обращаясь к проблемам образования и воспитания, она сосредоточила внимание на концепции национально-патриотического воспитания, гуманистических и демократических принципах, пропагандировала идеал сознательного гражданина, готового служить для развития своей Родины. Тема народного учителя в творчестве писательницы («Золота писанка») представляет взгляды на идеал педагога-просветителя, который работает с детьми на принципах гуманизма, находит индивидуальный подход к каждому из учеников, постоянно работает над повышением своего научно-профессионального уровня, самосовершенствуется. Качественными показателями стиля творчества писательницы являются использование контрастности, некоторые сюжетно-композиционные особенности.

Взгляды на воспитание молодого поколения писательница представила и в публицистике. Она считала, что патриотическое воспитание детей должно происходить в первую очередь в семейном кругу. Ее взгляды на вопросы украинских отношений с некоторыми другими народами положены в основу публицистических трудов писательницы, объединенных и выданных сборником «Выброшенные украинцы» [3]. Они выделяются остротой и доказательностью. Писательница высоко оценила творческие достижения творцов украинской культуры (М. Драгоманов, Н. Лысенко и др.) в портретных очерках, пропагандируя и популяризируя таким образом их деятельность.

Сквозными в поэтической наработке писательницы являются три темы, в частности тема национального возрождения народа, тема взаимообусловленности будущего прошлым и тема борьбы безнадежности и надежд. В ее поэтическом наследстве эти темы идеологически мотивируют частое использование образа Родины, ее природы, которая имеет философский подтекст и позволяет писательнице подняться на наивысшую вершину воплощения своих идейных принципов.

Следовательно, творчество Ольги Петровны Косач, является оригинальным, самодостаточным явлением в историческом контексте славянских литератур. Широкая палитра жанров, актуальность идейно-тематического устремления произведений, новизна стиля характеризуют ее как писательницу новой литературной эпохи. Работая над разработкой новых сюжетов, образов и тем, переосмыслением и трансформацией народнопоэтического материала, достижений мировой культуры, писательница сделала весомый вклад в развитие украинской литературы второй половины XIX – начала XX века и славянской литературы в целом.

Литература

1. **Донцов Д. Мати Лесі Українки** (Олена Пчілка) / Д. Донцов // Дві літератури нашої доби / Д. Донцов. – Торонто, Онтаріо : Гомін України, 1958. – С. 35–176.
2. **Мікула О.** Творчість Олени Пчілки і фольклор: монографія / О. Мікула / Передм. В. Івашківа. – Ужгород : Гражда, 2011. – 312 с.
3. **Пчілка Олена.** Викинуті українці / О. Пчілка ; ред.-упоряд., передм. прим. В. Архипов. – К. : МАУП, 2006. – 352 с.

УДК 316.77:СМИ:[070.91:81'373.7](970+571)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ЗАГОЛОВКАХ РОССИЙСКИХ СМИ

Луценко И.В.,

к. пед. н., доцент кафедры
русского языкознания и
коммуникативных технологий
ЛНУ имени Тараса Шевченко
г. Луганск

Аннотация: в статье отмечается важность трансформации фразеологизмов в заголовках СМИ. Рассматриваются способы трансформации фразеологических единиц; анализируются значение, цель, задачи и функции использования трансформации фразеологизмов в заголовках СМИ. Исследования проведены на примерах заголовков газет. Установлено, что фразеологические трансформации в языке современных СМИ являются источником экспрессивно-выразительных средств и оказывают большое влияние на восприятие читателем текста.

Ключевые слова: фразеологизм, трансформация фразеологизмов, язык СМИ, фразеологическая единица, заголовок.

Abstract: the article notes the importance of the transformation of phraseological units in the headlines of the media. The ways of transformation of phraseological units are considered; The meaning, purpose, tasks and functions of using the transformation of phraseological units in the headlines of the media are analyzed. Studies are made on examples of newspaper headlines. It has been established that phraseological transformations in the language of modern media are a source of expressive means and have a great influence on the reader's perception of the text.

Keywords: phraseological unit, transformation of phraseological units, language of the media, headline.

Развитие масс-медиа предопределяет повышенный интерес ученых к языку современных средств массовой информации. Использование фразеологизмов в языке прессы – явление распространенное, ведь фразеологическая единица играет важную роль в построении газетного текста. Фразеологизмы и их преобразования были рассмотрены в работах Н.М. Шанского, В.В. Горлова, В.П. Жукова и др. Явление трансформации фразеологизмов в средствах массовой информации является объектом исследований таких ученых, как В.Н. Вакуров, Т.С. Гусейнова, Б.В. Кривенко, В.М. Мокиенко, З.А. Павлова и др. Однако проблема трансформации фразеологизмов и употребление их в газетных заголовках еще глубоко не исследована. Именно поэтому актуальным представляется изучение способов трансформации фразеологических единиц для дальнейшего использования их в названиях газетных материалов.

Главной целью этой статьи является исследование специфики трансформированных фразеологизмов в языке современных российских СМИ.

Достижение цели предусматривает решение следующих задач:

- 1) выявить лингвистическую сущность таких понятий, как заголовок, фразеологизм, трансформация фразеологических единиц;
- 2) проанализировать газетные заголовки относительно специфики использования в них трансформированных фразеологизмов;
- 3) определить способы трансформации фразеологических единиц в газетных заголовках.

В газете заголовок называют одним из важнейших элементов, от которого во многом зависит содержание текста. Можно сказать, что заголовок управляет вниманием чита-

теля, помогает ему быстро получить информацию о содержании материала, выбрать самое интересное. Весомость и значение заголовка неоспоримы, ведь помимо краткого сообщения читателю основного содержания публикации, заголовок должен побудить к прочтению напечатанного. Характер и оформление заголовка в значительной степени определяют, будет ли прочитан газетный материал.

Использование фразеологизмов в роли заголовка вполне естественно, оправданно и обусловлено такими особенностями устойчивых словосочетаний, как афористичность, меткость, образность. Кроме того, фразеологизмы – явление довольно распространенное как в художественной литературе, так и в повседневной речи, следовательно, известны широкому кругу читателей, что позволяет автору газетного заголовка варьировать различные виды трансформаций фразеологических единиц. Метко использованный фразеологизм или умелая его трансформация непременно привлекают внимание читателя к статье.

В связи с широким подходом к определению понятия фразеологизма в данной работе мы будем придерживаться определения, данного Н.М. Шанским: «Фразеологический оборот – это воспроизводимая в готовом виде языковая единица, состоящая из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированная (т.е. постоянная) по своему значению, составу и структуре» [6, с. 20]. Подобная точка зрения отображена и в Лингвистическом энциклопедическом словаре: «Фразеологизм (фразеологическая единица) – общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые ... воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава» [2, с. 559].

Мы рассмотрим признаки фразеологизмов, выделенные А.И. Молотковым в предисловии к «Фразеологическому словарю русского языка»: «В качестве критериев определения фразеологизма в русском языке называют устойчивость, целостность значения... раздельно-оформленность, возможность структурных вариантов или новообразований, воспроизводимость, непереводаемость на другие языки» [5, с. 10].

Используя фразеологические единицы, носители языка создают образы, доступные каждому и одновременно сжатые. Названные характеристики и признаки фразеологических единиц являются мощным толчком к активному их использованию в современных СМИ, которые работают для широкой аудитории, пытаясь сообщить как можно больше информации в сжатой форме. Вне контекста фразеологические единицы характеризуются высокой степенью устойчивости, а в конкретных текстах имеют способность к превращению. «В стилистических целях фразеологизмы могут употребляться как без изменений, так и в трансформированном виде, с иным значением и структурой или с новыми экспрессивно-стилистическими свойствами» [6, с. 149].

Авторские трансформации устойчивых выражений лингвистически и психологически оправданы. Фразеологические единицы, имеющие высокую степень обобщенности мысли и интересные образной оригинальностью формы, являются оптимальным средством экспрессивного воздействия на читателя, которое активизирует его мышление и внимание. Узнаваемость знакомой основы выражения, переделанной на новый лад, привлекает к содержанию текста и заключениям автора, наделяет их уникальной экспрессивной окраской, новыми смысловыми оттенками, дополнительной образностью. Трансформация так же помогает автору проявить свои творческие способности и расширить границы авторского мышления.

Проанализировав классификации различных ученых (Н.М. Шанского, Т.С. Гусейновой, В.В. Горлова), можно прийти к выводу о том, что в лингвистике пока нет единого мнения о понятии и способах трансформации фразеологических единиц. Существующие на данный момент классификации сильно отличаются друг от друга. Ни одна из них не раскрывает в полной мере вопрос трансформации фразеологизмов.

Однако, рассмотрев и обобщив классификации, можно разделить все трансформации на два раздела: семантические трансформации и структурно-семантические трансформации.

При семантической трансформации состав фразеологизма не изменяется: в нем появляются новые смысловые оттенки, сочетаются прямые и переносные значения, с помощью чего и достигается определенный выразительный эффект. Семантические преобразования – это трансформации внутренней формы фразеологических единиц, которые могут включать в себя изменение значения категории фразеологической единицы, сочетание образных и буквальных значений (двойную семантизацию).

Особое место среди семантических способов трансформации фразеологизмов занимает буквализация, то есть перевод фразеологизма в разряд свободных словосочетаний, которые воспринимаются на фоне фразеологически связанных. Сочетание прямого и переносного значений, не характерное для обычного высказывания, разрушает стереотип восприятия и создает двойную выразительность. Часто буквализация достигается путем включения в контекст прямого значения одного или нескольких компонентов фразеологизма. Так, в заголовке «Пальма первенства» (Известия 23.10.2018) фразеологизм взят в его первоначальной форме, однако компонент «пальма» представлен в этом контексте в прямом значении, поскольку в статье говорится о росте популярности пальмового масла среди импортных продуктов. Таким образом, произошла буквализация, однако образованный вариант воспринимается читателем на фоне фразеологически связанного словосочетания со значением «первое место в чем-либо». В статье под заголовком «С небес на землю» (Известия 14.10.2018) идёт речь об аварии при запуске космической ракеты, которая, после непродолжительного полёта, упала на землю. В этом контексте данный фразеологизм может восприниматься читателем буквально. Однако значение этого фразеологизма «вернуться к реальной жизни из мира мечтаний» тоже применимо к статье, и именно восприятие текста с учетом этого значения, придаёт информации дополнительный смысл.

При рассмотрении фразеологизмов в заголовках можно выделить также структурно-семантические способы трансформации. К ним, в частности, относится антонимизация фразеологизмов. Чаще всего антонимизация находит внешнее проявление в добавлении или, наоборот, выведении из состава фразеологизма частицы не, реже она осуществляется путем замены одного из слов антонимом или путем «переворачивания» фразеологизма. Рассмотрим примеры: «В ногах правда есть» (Известия 7.11.2018), «Вопрос не на засыпку» (Известия 16.11.2018), «Само не рассосется» (Московский комсомолец 14.11.2018), «Герой не своего времени» (Коммерсантъ 27.10.2018), «Без страха, но с упреком» (Известия 19.10.2018).

Так же возможно полное видоизменение семантики фразеологических единиц путем употребления фразеологизма в значении, противоречащем тому, которое он представляет изначально: «Ипотека превыше долга» (Известия 08.10.2019).

Одним из самых распространенных приемов трансформации фразеологизмов является замена одного или нескольких компонентов в составе фразеологизма. Например: «Бомбы предвыборного действия» (Коммерсантъ 30.10.2018), «Без пилота в голове» (Известия 26.10.2018), «Все дороги ведут в Крым» (Известия 9.10.2018), «Ум с законом не в ладу» (Московский комсомолец 21.11.2019), «Пир во время войны» (Известия 21.11.2019).

Исходя из анализа источников, можно сделать вывод о том, что в средствах массовой информации активно применяются все виды трансформации фразеологизмов. Однако можно отметить, что одни приемы используются чаще, а другие – реже. Это связано с тем, что некоторые виды трансформации применять легче, и они проще для восприятия читателей. Таким образом, использование фразеологизмов различной этимологии, структуры и семантики в заголовках газетных статей является сегодня распространенным явлением. Трансформация фразеологических оборотов открывает перед журналистами неисчерпаемый арсенал газетной

экспрессии и средств выразительности. Фразеологическая единица – это уже образная характеристика. Трансформация фразеологических единиц в газетных заголовках – явление стилистического порядка. Читатель сравнивает содержание первоначальной фразеологической единицы и новое ее значение в читаемом тексте, что вызывает определенный стилистический эффект. Новая экспрессивность трансформированного фразеологизма дает возможность обострить восприятие того, ради чего написан материал. Трансформированные фразеологизмы в газетном заголовке – это мощное средство влияния на читателя.

Литература

1. **Гусейнова Т.С.** Трансформация фразеологических единиц как способ реализации газетной экспрессии: дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Т.С. Гусейнова. – Махачкала, 1997. –188 с.
2. **Лингвистический энциклопедический словарь** / Под ред. В.Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
3. **Кривенко Б.В.** Фразеология и газетная речь. // Русская речь. – 1993. – №3. – С. 44.
4. **Павлова З.А.** Трансформация фразеологических единиц в газетных заголовках // Сб. ст. Фразеология. Ч. I. – Челябинск : Челябинский гос. пед. ин-т, 1973. – С. 186–197.
5. **Фразеологический словарь русского языка** / Под ред. А.И. Молоткова. – Москва: Советская энциклопедия, 1968. – 543 с.
6. **Шанский Н.М.** Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1985. – 160 с.

УДК 83.1211.1'66:6.2

**АГРЕССИВНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
СПОРТИВНОЙ МЕТАФОРЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТОК-ШОУ «60 МИНУТ»)**

Мельничук А.И.,

ассистент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий
ЛНУ имени Тараса Шевченко
г. Луганск

Аннотация: в статье рассматривается проблема спортивной метафоризации политического медийного дискурса, проанализирован один из выпусков ток-шоу «60 минут». На основании дискурсивного анализа была выявлена высокая степень влияния пропаганды здорового образа жизни в речи участников дискуссии. Спортивная метафорика частотно используется участниками ток-шоу как базовый элемент в создании языковой игры на политической арене. С помощью спортивной метафоры можно также проследить агрессивное поведение по отношению к собеседникам как к участникам вражеской команды в спортивных состязаниях.

Ключевые слова: политический дискурс, медийный дискурс, дискурс-анализ, метафора, спортивная метафорика, пропаганда, концептуализация.

Abstract: the article considers the problem of sports metaphorization of political media discourse, analyzes the based issue of the talk show “60 minutes”. Based on the analysis of the talk show issue, a high degree of influence of healthy lifestyle as a language game in the political arena was highlighted, aggressive behavior was shown to interlocutors, as to members of an enemy team in competitions.

Keywords: political discourse, media discourse, metaphor, talk show “60 minutes”, conceptualizations.

Политический дискурс стал важным фактором как общественной, так и культурной жизни государств, поэтому исследование политической коммуникации и политического медиадискурса является одной из самых приоритетных тем в современной лингвистике и дискурсологии. Дискурс – это тип коммуникативной деятельности, интерактивное явление, речевой поток, который имеет разную форму проявления (устную, письменную, паралингвистическую), происходит в пределах конкретного канала общения, регулируется стратегиями и тактиками участников; синтез когнитивных, языковых и неязыковых (социальных, психических, психологических) факторов [1, с. 138]. Дискурс любого типа является формой коммуникации, а точнее полем борьбы за влияние, утверждение мнения, поиска аргументации и т.д., особенное значение приобретает именно политический дискурс, ведь он фактически является полем борьбы за власть [2, с. 76].

Актуальность статьи предопределена тем, что использование спортивной метафоры как коммуникативной стратегии, а также её влияние на адресата политического медиадискурса в дискурсе ток-шоу еще недостаточно изучено.

Цель статьи – показать, как метафора высвечивает стратегический замысел ток-шоу, работу телевизионных ведущих, реакцию участников дискуссии, горечь поражения и радость победы на политической арене в прямом эфире.

Особенной чертой политического дискурса, как и дискурса в целом, есть его соотношение с конкретными участниками, то есть теми, кто говорит, и теми, кто слушает, а также

с коммуникативными намерениями того, кто говорит и определенным образом вливает на адресата. Важнейшей целевой установкой политического дискурса является формирование в социуме тех мыслей и оценок, которые необходимы для автора дискурса [3, с. 87].

Политический дискурс российского общества за последний год в медийном пространстве отличается стремлением к индивидуальному стилю любой телепрограммы, экспрессивностью, а также яркостью, граничащей с карнавальностью. Специфику политического дискурса в значительной степени определяют характерные для социального сознания концептуальные векторы соперничества, тревожности, подозрительности, неверия и агрессивности, как и в спортивных соревнованиях. Спортивная тематика активно проявляется в важных событиях для российского общества, на это влияет Чемпионаты мира по футболу, хоккею, олимпиады и мировые первенства по различным видам спорта, пропаганда здорового образа жизни известных медийных личностей через социальные сети «Instagram» и «Twitter».

Основная функция политической речи в медиадискурсе – это изменение представлений адресата о политической реальности, своего рода переконцептуализация политического мира в сознании читателей и слушателей. Одно из важнейших средств такой переконцептуализации – метафорическая модель, которая позволяет представить какую-то сложную проблему как достаточно простую и хорошо знакомую, выделить какой-то аспект проблемы, сделать его более значимым, либо наоборот отвлечь от него внимание общества, показать какой-то вариант развития событий как совершенно невозможный или наоборот вполне естественный.

Обсуждение серьезной политической проблемы часто метафорически представляется в виде схватки борцов, поединка боксеров, теннисного, футбольного или хоккейного матча, при этом коммуникативные стратегии участников диалога демонстрируют при этом негативное отношение к сопернику.

Поскольку политическое ток-шоу «60 минут» является одним из рейтинговых на российском телевидении, то закономерно, что оно стало объектом дискурсивного исследования. При написании статьи был проанализирован выпуск программы от 19.04.2019, где главной темой были дебаты двух кандидатов в президенты Украины – В. Зеленского и П. Порошенко. При изучении дискурсивных примеров употребления спортивной метафоры с агрессивными коммуникативными тактиками поведения использовалась классификация Л.Ю. Веретенкина, приведенная им в работе «Стратегии, тактики и приемы манипулирования»:

1. Тактика осуждения

Значительное количество политических метафор ориентировано на командные спортивные игры. Обычно это хорошо известные в России виды состязаний (футбол, баскетбол, теннис, хоккей), в которых участвуют возглавляемые капитанами команды (правительственная, президентская, губернаторская и др.), в состав которых входят не только основные, но и запасные игроки, которыми руководит тренер, разрабатывающий стратегию и тактику матча.

Например: 1. *Порошенко до последнего сомневался, посмотрите! Идти ли на второй срок с таким рейтингом? А на скамье запасных у него нет игроков!* (О. Скабеева); 2. *На поле два игрока сейчас! Внимание – Зеленский и Порошенко!* (Е. Попов); 3. *А зрителей разделили на две трибуны, интересно, кто забьет первый мяч в дискуссии, право, хорошо, что в России такого цирка нет!* (О. Скабеева).

Особую подгруппу составляют метафоры, основанные на таких видах спорта, целью которых является первенство в преодолении определенной дистанции, где участники соревнований обычно бегут к цели.

Например: 1. *Те, кто ставит на Зеленского в дебатах на стадионе, не поставят на Порошенко никогда, ведь уже научены горьким опытом* (О. Скабеева); 2. *Можно будет нам*

немного отдохнуть и насладится перед завершающим этапом предвыборного **марафона**, посмотрим же на фарс, что будет на «Олимпийском» (О. Скабеева).

1. Тактика иронии

В политической метафоре часто используются также спортивные термины «судья», «старт» и «финиш».

Например: 1. *Народ будет судить – кого поддержать! Все в прямом эфире, ранее такого не наблюдали, чтобы дебаты были на аренах!* (О. Скабеева); 2. *До старта полемики осталось лишь десять минут!* (О. Скабеева); 3. *Очевидный победитель приехал! Зеленский выходит на поле!* (Е. Попов).

2. Тактика провокационного вопроса

При нарушении правил в спортивных соревнованиях чаще всего происходит наказание, а именно дисквалификация. Удаление игрока из состязания тоже стало объектом политической метафоризации в ток-шоу «60 минут»:

Например: 1. *Политически нечестного игрока Петра Порошенко вообще не стоит выпускать во второй тур! Он не хотел сдавать допинг, вдруг в крови мельдоний?* (О. Скабеева); 2. *Аутсайдер предвыборной гонки вдруг не проходит допинг перед решающим выходом на стадион, господа?* (Е. Попов).

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что материалы данной статьи свидетельствуют о высокой продуктивности спортивной метафоры в современной политической речи при построении агрессивной модели общения. Современная политическая реальность регулярно концептуализируется как спортивное состязание, где необходимы строгие правила честного соперничества, где успех в значительной степени предсказуем, а победа приходит к сильнейшему игроку.

Литература

1. **Бацевич Ф.С.** Основы коммуникативной лингвистики /Ф.С. Бацевич. – К. : Издательский центр «Академия», 2004. – 344 с.
2. **Водак Р.** Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак // пер. с англ. и нем. – Волгоград : Перемена, 1997. – 139 с.
3. **Дейк Т.А. ван.** Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 307 с.

УДК 821.161 – 1.09 + 929 Бродский

«ЛИНГВОЦЕНТРИЗМ» КАК ДОМИНАНТНОЕ СВОЙСТВО КОНЦЕПТОСФЕРЫ ИОСИФА БРОДСКОГО

Пономарёва Т.А.,

к. филол. н., доцент,
доцент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий
ЛНУ имени Тараса Шевченко
г. Луганск

Аннотация: статья посвящена описанию «лингвоцентризма» как одного из основополагающих свойств концептуальной картины мира Иосифа Бродского. Анализируются некоторые «лингвоориентированные» языковые средства, с помощью которых вербализируется концепт «Язык».

Ключевые слова: «лингвоцентризм», концепт, концепт «Язык», репрезентация концепта, слово.

Abstract: the article is devoted to the description of «linguicism» as one of the fundamental properties of Joseph Brodsky's conceptual picture of the world. Some «linguo-oriented» language means by which the concept of «Language» is verbalized are analyzed.

Keywords: «linguicism», the concept, the concept «Language», representation of the concept, the word.

Особенности поэтики Иосифа Бродского привлекают внимание лингвистов и литературоведов. Фундаментальные основы изучения его творчества заложены работами таких ученых, как Л. Лосев, В. Куллэ, А. Жолковский, А. Ранчин, Я. Гордин, С. Яржембовский, А. Найман, В. Полухина и др.

Тем не менее, некоторые лингвистические аспекты творчества И. Бродского остаются малоизученными. К таким, на наш взгляд, относится и «лингвоцентризм» его поэтики. Отметим, что некоторым аспектам репрезентации концепта «Язык» в художественной картине мира И. Бродского посвящены работы О.В. Орловой, И.В. Плотникова и некоторых других исследователей.

Цель данной работы – проанализировать языковую представленность концепта «Язык» в концептосфере И. Бродского, описать «лингвоцентрические» особенности его поэтики.

Высокая степень языковой и речевой рефлексии, характерная для поэзии И. Бродского, привлекает внимание к концепту «Язык» и особенностям его вербализации. Особое отношение И. Бродского к языку как к двоякой сущности (с одной стороны, язык как творящее начало, с другой – как субстанция, поглощающая, вбирающая в себя лиц и реалии) позволяет говорить о «язычестве» (С. Яржембовский) этого поэта и «лингвоцентризме» его поэтики.

Обращение к «язычеству» И. Бродского, т.е. описание его отношения к языку, необходимо, поскольку определение Бродским языка и сущности поэзии является первоосновой всего его творчества.

«Язык – начало начал. Если Бог для меня существует, то это именно язык» [1, с. 96], – говорил Иосиф Бродский. И далее: «Поэт ... есть средство существования языка. Или, как сказал великий Оден, он – тот, кем язык жив. Не станет меня, эти строки пишущего, не станет вас, их читающих, но язык, на котором они написаны и на котором вы их читаете, останется не только потому, что язык долговечнее человека, но и потому, что он лучше приспособлен к мутации.

...Пишущий стихотворение пишет его потому, что язык ему подсказывает или просто диктует следующую строчку» [2, с. 312–313]. Для художественной картины мира И. Бродского характерна сакрализация языка, наделение языка божественными свойствами.

Смысл высказываний Иосифа Бродского о сущности поэзии – в многочисленных интервью, Нобелевской лекции, эссе – остаётся неизменен: поэзия – это искусство, предмет и цель которого – язык. Хотя скорее, язык – это автор: «Поэт – это продукт языка, орудие, оружие языка, а не наоборот. Язык древнее нас, и он нас переживёт: это организм, живущий сам по себе, со своей собственной динамикой. Именно язык диктует поэзию» [1, с. 285]. И. Бродский считает язык данным свыше, спущенным сверху, а не возвращённым снизу. Язык даётся нам не от родителей, не от предков, а из высших сфер.

Единственное спасение от небытия, от смерти И. Бродский видит в языке: «Он говорит о вещах, которые могут уничтожить всё на свете... но он цепляется за язык, за слово» [5, с. 242]. Слово – это, по Бродскому, единственный способ противостоять смерти:

...мы живы, покамест
есть прощенье и шрифт.
(«Строфы»)

Слово, язык – это то, что остаётся от человека в конечном итоге, когда время побеждает:

Человек превращается в шорох пера по бумаге,
в кольца,
петли, клинышки букв и, потому что скользко,
в запятые и точки.
(«Декабрь во Флоренции»)

Значимость, важность слова, его долговечность по сравнению с короткой человеческой жизнью – таковы основные значения вербализации концепта «Язык».

Вчитываясь в суждения И. Бродского о языке, нетрудно заметить, что их предмет – не язык в строгом лингвистическом понимании. Прежде всего, в языке заключена творящая и одухотворяющая сила поэтического слова, способного в свёрнутом виде вбирать в себя множество смыслов, «целую Вселенную, Космос» (А. Ранчин): «...скрип пера / в тишине по бумаге – бесстрашие в миниатюре» («Примечания папоротника»).

Это и есть та трансцендентность – особая способность поэта с помощью Слова переноситься из реального мира в другой, ирреальный, находящийся за пределами физического ощущения и восприятия.

В слове заключается связь прошлого и настоящего, слово – это смысл существования поэта.

Всё, что творил я, творил не ради я
славы в эпоху кино и радио,
но ради речи родной, словесности.
(«1972 год»)

У И. Бродского язык – это ещё и предмет стихотворения; произнесение слова и есть для поэта подлинный, любимый персонаж и несомненный герой его поэзии. Нельзя не согласиться со словами А. Наймана о том, что для Бродского язык – «категория метафизическая, но он может присутствовать и в качестве персонажа стихотворения. В то же время он пользуется грамматическими категориями, звуками, буквами как рядовыми словами» [5, с. 39]. Этот тезис подтверждают наши наблюдения: И. Бродский в своих поэтических текстах активно употребляет лингвистические термины и понятия (общелингвистические: язык, речь и др., грамматические: глагол, время глагола, грамматика, существительное и др., лексикологические: слово, словарь и др., фонетические и графические: буква, звук и др., стилистические: гипербола, метафора и др.), названия пунктуационных знаков (точка, запятая и др.), атрибуты и орудия письма (бумага, перо и др.). Персонажами стихотворений становятся и названия букв (звуков): «а», «у», «т», «ы» и многие другие.

Бродский использует грамматические термины как средство отображения окружающего мира и как способ его постижения, смотрит на мир «через лингвистическую призму» (В. Полухина).

Так, в стихотворении «Глаголы» развернутые ряды метафор основываются на лингвистических терминах: глагол, существительное, время глагола, гипербола, метафора. Человек, который утрачивает своё «я», подчиняется системе, уподобляется «глаголу без существительного»: как глагол в грамматике, он выполняет определенные кем-то действия, но лишен статуса «предметности». Времена глагола отождествляются со временем человеческой жизни в разных её измерениях [4, с. 60]:

Меня окружают молчаливые глаголы,
 Похожие на чужие головы глаголы,
 Голодные глаголы, голые глаголы,
 Главные глаголы, глухие глаголы.
 Глаголы без существительных, глаголы просто.

<...>

И небо над ними, как птица над погостом
 И, словно стоя перед запертой дверью,
 Некто стучит, забивая гвозди,
 В прошедшее,
 в настоящее,
 в будущее время.

Никто не придет и не снимет
 Стук молотка вечным ритмом станет
 Земли гипербола лежит над ними,
 Как небо метафор плывет над нами!

Грамматические явления и номинации проецируются И. Бродским на окружающую действительность, создавая особую картину мира. Лингвистические термины соотносятся с экзистенциальным понятием времени.

В цикле «Часть речи», который занимает особое место в творчестве И. Бродского, концепт «Язык» является ключевым концептом.

В стихотворении «...и при слове “грядущее” из русского языка...» этого цикла возникает образ не языка вообще, а русского языка, противопоставленного английскому. Можем говорить о концепте «Русский язык», который переплетается с концептами «Память» и «Время» (будущее время у Бродского «грядущее»). Память лирического героя, его воспоминания, внутренний мир неразрывно связаны с русским языком и Родиной, которую поэт вынужден был покинуть (вспомним, что цикл состоит из стихов, написанных в последние месяцы жизни И. Бродского на родине и в первые годы эмиграции).

Окончание стихотворения представляет собой итог всего цикла, своеобразную квинт-эссенцию значимости Слова для человека:

От всего человека вам остается часть
 речи. Часть речи вообще. Часть речи.

Отличительной особенностью поэзии И. Бродского является несомненное присутствие в ней личности автора, считающего себя, с одной стороны, средством языка к продолжению своего существования и ощущающего зависимость от него, от всего, что на нем уже создано – так называемый диктат языка, по Бродскому («Поэт – человек, находящийся в зависимости от языка» («Нобелевская лекция»)). С другой же стороны – автора, подчеркивающего частность своего существования, обладающего индивидуальностью и уникальностью.

Итак, доминантным свойством концептуальной картины мира Иосифа Бродского можно назвать «лингвоцентризм». Благодаря этому свойству формируется и постоянно подчеркивается исключительная значимость концепта «Язык» в творчестве поэта. Это осуществляется посредством особой системы «лингвоориентированных» языковых средств. Таким образом, феномен языка в поэтике И. Бродского приобретает статус абсолютной ценности.

В перспективах исследования – дальнейшее описание языковых особенностей репрезентации концептосферы И. Бродского.

Литература

1. **Бродский И.** Большая книга интервью / И. Бродский. – М. : Захаров, 2000. – 704 с.
2. **Бродский И.** Поклониться тени: Эссе / И. Бродский. – СПб. : Азбука-классика, 2001. – 320 с.
3. **Козлов В.И.** Четыре подступа к циклу И. Бродского «Часть речи» // Пристальное прочтение Бродского: сб. статей под ред. В.И. Козлова [Электронный ресурс] / В.И. Козлов. – Режим доступа: http://www.telenir.net/literaturovedenie/pristalnoe_prochtenie_brodskogo_sbornik_statei_pod_red_v_i_kozlova/p8.php.
4. **Николина Н.А.** Активные процессы в языке современной русской художественной литературы: монография / Н.А. Николина. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2009. – 336 с.
5. **Полухина В.** Бродский глазами современников: сб. интервью / В. Полухина. – СПб. : Журнал «Звезда», 1997. – 336 с.

УДК 821.112.2

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ СКАЗКИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**Скляр Н.В.,**к. филол. н., доцент кафедры романо-германской филологии
ЛНУ имени Тараса Шевченко
г. Луганск**Безверхая И.В.,**преподаватель кафедры романо-германской филологии
ЛНУ имени Тараса Шевченко
г. Луганск

Аннотация: в данной статье речь идёт о теоретических основах русской и немецкой романтической сказки. Особое внимание уделено роли языковых средств выразительности в сказках немецких и русских романтиков.

Ключевые слова: романтизм, сказка, языковые средства выразительности, тропы

Abstract: this article is about theoretical bases of the Russian and German romantic fairy tale. The special attention is paid to a role of metaphorical means of expressiveness in fairy tales of the German and Russian romantics.

Keywords: romanticism, fairy tale, linguistic means of expression, trope

В настоящее время внимание многих исследователей привлекает наименее изученный жанр – «романтическая сказка». К таким произведениям можно отнести сказки Л. Тика, Э.Т.А. Гофмана, Новалиса, В. Жуковского и многих других авторов.

В XIX в. сказка включается в общие пути развития литературы, становясь в то же время предметом научного изучения. Романтики вместе с интересом к «народному» начинают обращаться к особому виду художественной сказки, которая строится то на форме крестьянской сказки, то на ее образах, то просто на принципе сказочно-фантастического переосмысления действительности.

Теоретическую базу работы составляют научные достижения таких учёных как В.Я. Пропп, В.И. Аникин, А.Б. Ботникова, М.П. Брандес, Е.И. Шендельс, А.И. Никифоров, которые исследовали сказку, её признаки, задачи, функции и проблемы средств выразительности. Но роль средств выразительности именно в немецкой романтической сказке в сравнении с русской сказкой является на сегодняшний день мало изученной. Таким образом, актуальность данной темы обусловлена необходимостью изучения языковых средств выразительности в сказках немецких и русских романтиков, так как их использование является ярчайшим показателем индивидуального стиля писателя.

В немецкой литературе существует много определений сказки. Мы рассмотрим определение Н.Л. Гильчёнка: «Сказка – жанр короткого рассказа; она возникла как народная поэзия и просуществовала почти у всех народов большей частью в устном предании. Характерна для сказки простая этическая норма: добро, порядочность, гуманность – вознаграждается; зло, несправедливость, жестокость всегда наказуемо» [2, с. 122].

У всех народов народная сказка тесно связана с историей человеческого общества. В соответствии с этим сформировались определённые виды сказок. Волшебные сказки берут начало в периоде родового порядка и отражают веру в духов, эльфов, гномов, природных богов и прочие; сказки о животных («Волк и семеро козлят»); мифологические сказки берут свое начало с момента начала нашей эры («Спящая Красавица»); королевские сказки – в эпоху феодализма («Король Дроздобород»); социально-критические сказки датируются временем растущего капитализма («Дьявол и дрешер») [2, с. 123].

В ходе истории некоторые сказки претерпевали существенные изменения, исчезали, появлялись новые версии. Но, несмотря на яркую национальную окраску произведений разных народов, многие мотивы, образы и даже сюжеты в них сходны.

В немецком языке сказка обозначается словом Märchen. Корень Mär- означает «новость», «известие», -chen – уменьшительный суффикс. Таким образом, Märchen – «маленький, интересный рассказ». Это слово встречается в источниках XIII века, а затем постепенно закрепилось в значении «сказка».

В различных языковых стилях, а особенно в художественном стиле, широко используются языковые средства, усиливающие действенность высказывания благодаря тому, что к чисто логическому содержанию добавляются различные экспрессивно-эмоциональные оттенки. Усиление выразительности речи достигается различными средствами, в первую очередь использованием тропов и фигур.

Тропы – сердцевина художественной речи, именно благодаря им поэт может увидеть и подчеркнуть новые, неожиданные связи мира [1, с. 44].

Среди немецких писателей-романтиков выделяются Э.Т.А. Гофман, Л. Тик, Новалис. У каждого из них есть свой излюбленный прием покорения читательских сердец. Гофман это делает с помощью неязыковой иронии, которой пронизаны практически все его произведения, Тик в своих произведениях показывает связи человека и природы, реального и фантастического миров, внутренней жизни романтической личности, Новалис – с помощью аллегории. Их произведения оказывали и оказывают неизгладимое впечатление на читателя [4, с. 131].

Самый одаренный в иенском кружке мыслитель Новалис в совокупности всей своей творческой деятельности был наиболее характерным и ярким выразителем всей системы иенских романтиков. «Сказка – канон поэзии, а все поэтическое для него должно быть сказочным. Истинная поэзия может быть лишь большой аллегорией» [5, с. 56].

Отсюда мы видим стремление Новалиса к поэтизации. Сама сказка для него уже поэзия, но именно язык сказки является тем элементом, который роднит сказку и поэзию, так как романтическая сказка богата языковыми средствами, что и показывает ниже приведённые примеры.

Опираясь на классификацию языковых средств В.А. Кухаренко, мы проанализировали сказку «Гиацинт и розочка», чтобы глубже понять какие средства выразительности автор использовал в сказке.

«*Unter den Mädchen war eine, ein köstliches, bildschönes Kind, sah aus wie Wachs, Haare wie goldne Seide, kirschrote Lippen, wie ein Püppchen gewachsen, brandrabenschwarze Augen*» [4, с. 132]. Здесь автор сравнивает красоту ребёнка с красотой куколки.

Следующим тропом, часто наблюдаемым в сказке, является гипербола.

Гипербола (греч. «преувеличение») – образное выражение, содержащее непомерное преувеличение размера, силы, значения и т.д. какого-либо предмета, явления.

Приведённый ниже пример покажет нам, чувства героя, которые были выражены с помощью гиперболы: «*Damals war Rosenblüte, so hieß sie, dem bildschönen Hyazinth, so hieß er, von Herzen gut, und er hatte sie lieb zum Sterben*» [4, с. 133]. В данном предложении автор преувеличивает чувства героя, выражая их такими словами: «Он любил её до смерти».

Следующим ярким представителем немецкого романтизма является Эрнст Теодор Амадей Гофман. Он был наиболее яркой фигурой среди писателей позднего немецкого романтизма.

В сказке «Der goldene Topf» характерным стилистическим приемом является употребление такого приема как риторическое восклицание. Автор использует данный приём для того, чтобы читатель мог ощутить, какие чувства герой испытывает в данный момент: «*Ach! ach! wo seid ihr hin, ihr seligen Träume künftigen Glücks*» [4, с. 180]. («*Боже мой! Боже мой! Где вы, блаженные грезы о будущем счастье...*»).

Употребление Гофманом в повествовании графонов существенно оживляет диалогическую речь героев, а тем самым сближает читателя с персонажами.

«Hei, hei, was ist das für ein Gemunkel und Geflüster da drüben? – Hei, hei, wer sucht mir doch den Strahl hinter den Bergen! – genug gesonnt, genug gesungen – Hei, hei, durch Busch und Gras – durch Gras und Strom! – Hei, – hei – Heru-u-unter – Heru-u-unter!» [4, с. 183]. У Гофмана мы встречаем использование графонов, криками героя «Эй, эй, что там за толки, что там за шепот? Эй, эй, кто там ищет луча за горами? Довольно погрелись, довольно напелись! Эй, эй, сквозь кусты и траву, по траве, по воде вниз! Эй, эй, до-мо-о-о-й, до-мо-о-о-й!»

Как и у Новалиса, средневековье в произведениях Тика это поэтический мир, в котором возможно сказочное и фантастическое. Тик в сказке «Der gestiefelte Kater» продемонстрировал художественные средства выразительности в следующих приёмах.

Автор в сказке использовал персонификацию *«Hinze der Kater richtet sich auf, dehnt sich, macht einen hohen Buckel, gähnt und spricht dann: Mein lieber Gottlieb, ich habe ein ordentliches Mitleiden mit Euch»* [6, с. 7].

В данном предложении персонификация носит эмоционально-оценочный характер, так как через данный прием автор выражает свой субъективный взгляд, свое отношение к животному, другим людям, к каким-то абстрактным явлениям и окружающей его действительности.

Для сравнительного анализа немецких романтических сказок, мы обратимся к русской романтической литературе.

У самых истоков русского романтизма стоял один из ярчайших литераторов начала XIX века – Василий Андреевич Жуковский. Сама природа позаботилась создать в лице поэта «русское эхо» для западноевропейского романтизма. Но он не только писал прекрасные, продиктованные свободным вдохновением произведения, но и жил вдохновенно, поэтически. Поэтому все творчество Жуковского пронизано естественными и незамысловатыми интонациями жизни и природы. Он «открыл русской поэзии душу человеческую» (Г.А. Жуковский), то есть стал первым русским романтиком. То, что прежде считалось достоянием разума, у Жуковского стало частью душевной жизни, что придало особый лиризм его поэтическому творчеству. В сказке «Три пояса» писатель продемонстрировал следующие средства выразительности.

Для того чтобы усилить нужное впечатление, подчеркнуть то, что автор хочет прославить, а что высмеять, Жуковский в своей сказке всё это делает при помощи гиперболы.

В нижеупомянутом примере, автор подобным образом выражает явное преувеличение чувств героини. *«Людмила была не красавица, никто ее не хвалил, и подруги ее, которых она любила всем сердцем, твердили ей каждый божий день»* [3, с. 5].

Также автор в своей сказке использует сравнение. Любое сравнение призвано вызвать в сознании слушающего, читающего ассоциацию, обычно сопровождаемую эмоциями, вспышкой воображения, что способствует возникновению образа.

«Пересвета и Мирослава были прекрасны, как майский день» [3, с. 7]. В данном предложении автор выражает красоту двух девушек, сравнивая их с майским днём.

В предложенном ниже примере, в качестве сравнения Жуковский изображает героя с прекрасной внешностью и характеризует его положительными качества: *«молодой князь Святослав, Владимиров сын, прекрасный, как весенний день, и храбрый, как богатырь Добрыня, хочет выбирать себе невесту»* [3, с. 8].

Суммируя сказанное, можно сделать вывод, что основными жанрообразующими чертами сказки являются ее идейно-тематическое содержание, особая композиция, образная система и языковой стиль.

Стиль художественной литературы отличается такими признаками, как наличие «эсте-

тической функции, экспрессивности и образности», а значит использование большого количества разных видов тропов.

В сказках немецкие романтики использовали разные виды стилистических фигур. Индивидуальный стиль Э.Т.А. Гофмана отличается преобладанием сложных предложений, использованием характерного для фольклорной поэтики гротеска. Излюбленными тропами в сказках Гофмана являются сравнения, эпитеты, аллегория, метафора. Отличительной чертой стиля Э.Т.А. Гофмана являются также такие приемы стилистического синтаксиса, как риторические вопросы и восклицания. Отличительной особенностью Новалиса является частое использование метафор и гипербол. Особенностью сказки Л. Тика является то, что сказка построена на использовании монологов и диалогов. Жуковский именно в жанре сказки близко подходит к изучению народного творчества. В литературных сказках Жуковского, как видно, обнаруживаются наиболее тесные связи с фольклором. Обращение Жуковского к фольклору не было временным увлечением поэта. Уважение к устному народному творчеству русского народа он сохранил на протяжении всей своей жизни, неоднократно обращаясь к нему как к источнику, способному обогатить литературу новыми темами, сюжетами, образами и художественными средствами. Индивидуальным стилем Жуковского является использование большого количества сравнений.

Таким образом, проанализировав романтические сказки в двух литературах, мы пришли к выводу, что течение романтизм накладывает отпечаток на язык, так как и русские, и немецкие романтики употребляли одинаковые тропы. И немецкие, и русские сказки богаты эпитетами, метафорами, сравнениями, аллегориями, олицетворениями, гиперболами.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Теория метафоры / Н.Д. Арутюнова. – М., 1990. – 261 с.
2. Гильченок Н.Л. Аналитическое чтение. Серия: Изучаем иностранные языки / Н.Л. Гильченок. – СПб. : СОЮЗ, 2000. – 256 с.
3. Жуковский В.А. Сказки и поэмы / В.А. Жуковский. – М. : Олма Медиа Групп, 2015. – 425 с.
4. Крайнова Л.Е. Хрестоматия по немецкой литературе / Л.Е. Крайнова. – СПб. : КОРОНА – Век, 2009. – 352 с.
5. Соловьева Н.А. История зарубежной литературы XIX века / Н.А. Соловьева. – М. : Высшая школа, 1991. – 637 с.
6. Tieck, L. Der gestiefelte Kater. / L. Tieck. – München : Kindermann Verlag, 2003. – 72 S.

УДК 81'242 - 029:5

**«ХРАНИ, МОЙ ДРУГ, РОДНУЮ РЕЧЬ,
ЧТОБ НА ЗЕМЛЕ СЕБЯ СБЕРЕЧЬ»
(О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «РОДНОЙ ЯЗЫК» В
СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИКЕ)**

Соболева И.А.,

к.филол. н., доцент, заведующий кафедрой русского языкознания
и коммуникативных технологий
ЛНУ имени Тараса Шевченко
г. Луганск

Аннотация: в данной статье раскрывается сущность неоднозначно интерпретируемого в современной социолингвистике понятия «родной язык». В языкознании существует большое количество трактовок понятия «родной язык». Нами были проанализированы мнения различных ученых по этому вопросу и определены социолингвистические параметры данного понятия.

Для уточнения содержания понятия «родной язык» проводилось анкетирование среди различных социальных слоёв жителей города Луганска. Анализ результатов анкетирования приводится в статье.

Ключевые слова: социолингвистика, родной язык, социолингвистические параметры, язык матери, язык этноса, национальный язык, язык этноса, язык индивидуума.

Abstract: this article reveals the essence of the concept of “native language” which is ambiguously interpreted in modern linguistics.

In modern sociolinguistics there are a large number of interpretations of the concept of “native language” in the understanding of different authors. The article discusses the various definitions of the concept of “native language”. As a result of a comparative analysis of the approaches known to us to understand the category of “native language”, we identified the sociolinguistic parameters of this concept.

Keywords: native language, sociolinguistics, mother language, language individual, language of ethnos.

В современном языкознании понятие «родной язык» имеет большое количество интерпретаций и трактовок. Социолингвистическая позиция в отношении содержания дефиниции «родной язык» зависит от многих факторов: исторической перспективы, этнической и национальной принадлежности, связи с той или иной научной школой, а в последнее время даже с политическими убеждениями. Согласно наиболее распространённой концепции В.И. Беликова и Л.П. Крысина, родной язык – это язык, который человек усваивает с раннего детства без специального обучения, находясь в соответствующей языковой среде, то есть так называемый «первый язык». Однако ребёнок может усвоить в раннем детстве в той или иной мере и несколько языков. Язык, усваиваемый в ходе специального обучения или в языковой среде старшего возраста, называется «вторым языком» (в наше время их также может быть несколько) [1, с. 75–89]. Таким образом, очевидны различия и нестыковки в трактовке родного языка как «первого языка», усвоенного человеком естественным образом в раннем детстве.

Какие же современные научные критерии более точно определяют суть понятия «родной язык» в современной социолингвистике?

Для любого человека совершенно очевидно, что родной язык – это тот язык, который мы слышим с раннего детства. У каждого народа он свой. Именно через национальный язык определяется колорит, ментальность, характер данного народа.

Некоторые исследователи отождествляют «родной язык» с «языком матери». Такой подход, несомненно, имеет глубинную мотивацию, так как роль матери в рождении и становлении человека трудно с кем-либо сопоставить и переоценить. А.М. Шахнарович считает, что как фактор идентификации личности «родной (материнский) язык» в виде определенных ритмов и речевых интонаций проявляется ещё до рождения, хоть и у ребенка, как показывает практика научных исследований, нет генетической предопределенности к конкретному языку. Начальный этап усвоения родного языка осуществляется в результате влияния родителей, методом «глаза в глаза» и не имеет аналогов в филогенезе» [6, с. 121]. Находясь ещё в утробе матери, ребенок уже слышит ее язык и воспринимает его: влияние материнской речи, колыбельных напевов – это всё напрямую отражается на развитии ребенка.

Родной язык растворен в мировоззрении ребенка. Вот почему А.А. Потебня был сторонником обучения детей на том языке, к которому ребенок привык в семье: «Знание двух языков в раннем возрасте не есть обладание двумя системами изображения и сообщения одного и того же круга мыслей, но раздваивает этот круг и наперед затрудняет достижение цельности мирозерцания, мешает научной абстракции. Если язык школы отличен от языка семейства, то следует ожидать, что школа и домашняя жизнь не будут приведены в гармоничные отношения, а будут сталкиваться и бороться друг с другом» [4, с. 163]. Очень жаль, что на протяжении всех 28 лет независимости в Украине игнорируется этот важнейший научно-дидактический принцип. Никто из власть предержащих украинских чиновников, политиков, педагогов не учитывает значение фактора обучения ребенка на языке его семьи, языке его родителей. Политическая конъюнктура определяла раньше и диктует сейчас нарушение базовых принципов обучения и дисбаланс в системе образования Украины.

В современных двуязычных языковых сообществах многие речевые индивиды владеют более чем одним языком, в таком случае языки различаются и по порядку усвоения, и по той роли, которую они играют в жизни билингва. Наиболее точно описал эту ситуацию Л.П. Крысин: «В отечественной социолингвистике первый усвоенный язык чаще всего называется родным языком. Но в повседневном обиходе, публицистике, а иногда и в научных работах это словосочетание часто употребляется в другом значении. Например: *Наши дети не понимают ни слова на родном языке. Горожане забывают родной язык* и т. п. В этих случаях под родным языком имеется в виду язык, специфичный для данного этноса. В таком значении, видимо, лучше использовать термин «этнический язык» [1, с. 37]. Считается, что этническим языком эвенка всегда будет эвенкийский, но если он родился в Якутии, то его родным языком, скорее всего, будет якутский. А основным языком общения, в зависимости от рода занятий и места жительства, может оказаться русский язык.

Безусловно, не имеет значения, на каком континенте и в какой стране родился человек, каждый индивид при этом слышит в семье, мыслит и начинает говорить на одном – родном языке. Не исключено, что в дальнейшем он усвоит ещё один язык, или несколько новых языков. Но первый усвоенный язык, чаще всего, будет называться родным.

Г.Х. Ибрагимов и К.Я. Зачесов в работе «О понятии «родной язык» под термином «родной язык» понимают язык, на котором человеку легче, быстрее и проще мыслится, который является для него наиболее привычной и удобной формой выражения мысли и языкового общения. За подобным функциональным языком эти авторы предлагают закрепить термин «функционально первый язык» [2, с. 153]. Таким образом, исходя из теории Г.Х. Ибрагимова и К.Я. Зачесова, родным языком можно назвать тот язык, которым человек владеет с максимальной глубиной и полнотой, это язык, на котором индивид может выражать свои мысли без затруднений.

Если все эти подходы не фокусируются в одном языке, являющимся одновременно материнским языком, языком родного этноса и функционально первым языком, то понимание

термина «родной язык» приобретает особое социально-политическое и научное значение, во-первых, в связи с защитой этнического суверенитета и сохранением духовного наследия народа, во-вторых, в связи с лингводидактическими проблемами обучения в целом и обучения языкам в частности.

Довольно редко наблюдаются случаи, когда языки в двуязычном сообществе бывают равноправны. Наглядным примером этому может являться социолингвистическая ситуация современной Украины. В неформальной обстановке, в общественной жизни, в профессиональной деятельности, в общении с друзьями и членами семьи человек может использовать разные языки. При этом использование одного языка часто преобладает, и в таком случае говорят об основном или доминирующем функциональном языке социума. Тогда остальные языки, известные члена этого социума, приобретают статус дополнительных языков – к ним коммуникант обычно прибегает реже, чем к основному, или в социально менее значимых ситуациях. Часто основным языком – это тот язык, на котором осуществляется межэтническая коммуникация между индивидами. Но даже и в этнически однородной коммуникативной среде функции основного языка может выполнять не родной, а второй язык.

По тому, как индивид приобретает языковые навыки, «языки подразделяются на *усвоенные в живом общении* (родным языком человек овладевает именно так) и *выученные*, те, которые индивид специально изучал в школе или самостоятельно [1, с. 37].

В англоязычной социолингвистике подобная терминология более устойчива: первый по порядку усвоения язык называется *first language*, а любой усвоенный после него – *second language*; коммуникативно наиболее важный язык – *primary language*, а более ограниченный в использовании – *secondary language*. В англоязычной науке *second language acquisition* (в живом общении) противопоставляется *language learning* (через специальное изучение). *Second language acquisition* (усвоение второго языка) – отдельная языковедческая дисциплина на стыке психо- и социолингвистики [1, с. 38–41].

Таким образом, мы видим, что вопрос о том, какой язык и почему считать «родным языком», ученые рассматривают с разных точек зрения, и единого мнения о содержании понятия «родной язык» в современном языкознании на данный момент не существует.

Мы считаем, что есть все основания определить родной язык как язык, усвоенный в детстве, навыки использования которого сохраняются и во взрослом возрасте. Из этого следует, что родных языков может быть более одного. Всякий язык, которым индивид овладел после родного, следует считать вторым языком. Конечно, при таком определении вторых языков тоже может оказаться несколько. Отличать второй по порядку овладения язык от третьего (иногда и последующих), как правило, нет нужды, поскольку функции неродных языков, степень владения ими мало зависят от порядка, в котором индивид начал их использовать.

Для очень многих людей оказывается крайне важно на законодательном уровне определить свой родной язык и защитить тем самым свои права на получение образования, культурные запросы, бытовой комфорт и т.д. Реалии современной языковой и политической ситуаций требуют уточнения содержания понятия «родной язык» и закрепления его на законодательном уровне.

Литература

1. **Беликов В.И., Крысин Л.П.** Социоллингвистика. Учебник для вузов / В.И. Беликов, Л. П. Крысин. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2010. – 315 с.
2. **Ибрагимов Г.Х., Зачесов К.Я.** О понятии «родной язык»/ Г. Х. Ибрагимов, К.Я. Зачесов // РЯНШ. – 2014. – №8. – С. 23 – 31.
3. **Карасик В.И., Слышкин Г.Г.** Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2013. – С. 75 – 80.
4. **Потебня А.А.** Мысль и язык / А.А. Потебня. – К. : СИЭНТО, 2015. – 192 с.
5. **Шахнарович А.М.** Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи – А.М. Шахнарович. – М.: Наука, 2013. – 239 с.

УДК 811.161.1 + 81'373.6

К ВОПРОСУ О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ

Соснина Л.В.,

д.филол.н., доцент, профессор

кафедры английского языка ГОУ ВПО

«Донецкий национальный технический университет»

г. Донецк

Аннотация: в данной статье рассматриваются вопросы, связанные с деривационным композитообразованием имен прилагательных. Особенностью процесса образования композитов является наличие мотивационных отношений между исходным словосочетанием и возникшим на его основе деривационным композитом.

Ключевые слова: композит, деривация, мотивация, словообразование, словосочетание, основа, формант, универбализация.

Abstract: there have been analysed problems connected with derivative composite-building of adjectives. The main feature of this process is motivation links between basic word-combination and new composite having derived.

Keywords: composite, derivation, motivation, word-formation, word-combination, basis, formant, univerbalisation.

В лингвистике существует устойчивое мнение, что центральным понятием словообразовательной системы является понятие словообразовательной мотивированности (производительности), т.е. синхронической выводимости одного слова (мотивированного) из другого (мотивирующего). Подобные заявления в отношении мотивации композитообразований делают многие современные лингвисты, такие как О.И. Блинова, Н.Д. Голев, К. Балхия, который, в частности, считает, что «для словообразования – науки о законах и способах образования слов – свойственно определение мотивированности через соотношение производящего и производного слова, мотивированность – это обусловленность его значения значением другого слова, от которого оно образовано» [2, с. 55].

Целью данной статьи является описание особенностей словообразовательной мотивации на примере деривационных композитов русского языка.

Актуальность исследования определяется существованием множественных научных концепций изучения словообразовательной мотивации, а также сложностью выделения деривационных композитов в отдельный класс.

В современной теории мотивации используются такие понятия, как *мотивировочный / мотивационный признак, мотивированность, мотивирующая база, мотивирующее суждение, мотивированные отношения.*

Традиция употребления термина мотивация восходит к Ф. де Соссюру, однако в современной лингвистике термины *мотивация* и *производительность* используются в равной степени для описания отношений между мотивирующим и мотивированным словом. Э.А. Балалыкина так определяет отношение производительности между словами: «Слова *дубняк, учитель, расчистить, беловатый* и др. – производные, так как называют предметы, явления или действия мотивированно по отношению к тому, что указано производящими *дуб, учить, чистить* или *белый*, которые, в свою очередь, являются непроизводными, так как называют предметы или явления реальной действительности непосредственно, безотносительно, немотивированно» [1, с. 37].

По мнению И.С. Улуханова, словообразовательная мотивация реализует отношение между двумя словами, обладающими рядом признаков: 1) оба слова имеют один и тот же

корень; 2) значение одного из слов либо полностью входит в значение другого (*дом – домик, победить – победитель*), либо тождественно лексическому значению другого, либо синтаксические позиции этих слов различаются (*бежать – бег, белый – белизна, быстрый – быстро*, образуемые словами разных частей речи). Сюда же ученый относит стилистические различия между словами при тождестве синтаксических позиций (*книга – книжка, книженция*) [10, с. 10–11]. Н.Д. Голев рассматривает мотивационные процессы в аспекте взаимодействия планов создания и функционирования слова, которые выступают частями единого непрерывного деривационно-мотивационного процесса, при этом «мотивировка лексических новообразований» представлена как «частный случай мотивации производимых в речи единиц» [5, с. 36].

Говоря о семантике производного слова, Е.С. Кубрякова усматривает ее непосредственную зависимость от мотивирующего слова как такового при аналогическом и корреляционном типах словообразования, при словообразовании на синтаксической основе семантика «предопределяется окружением мотивирующего слова и его местом в исходной синтаксической конструкции» [6, с. 162]. Исследователь, развивая теорию мотивации, предлагает включать в нее «изучение тех типов производных, которые мотивированы суждениями или же высказываниями, содержащими однокоренное с производным слово», что объясняет различие между мотивирующим словом или словосочетанием и мотивирующим суждением, в котором «мотивирующее слово занимает ту или иную синтаксическую позицию» [7, с. 286].

В.Г. Фатхутдинова, рассматривая словообразовательную пару как основную единицу словообразовательного уровня языка, считает ее отличительным признаком наличие в ней отношений мотивации, т.к. «данный признак наглядно отражает сам процесс деривации, его наличие или отсутствие» [11, с. 28]. Так, слово *железнодорожный* образовано на базе словосочетания *железная дорога*: *Железная дорога незаменима в тех случаях, когда надо обеспечить перевозки большого количества пассажиров в короткое время и относительно дешево. Возможности автобуса, не говоря уже о личном автомобильном транспорте, не могут идти с железнодорожным сообщением ни в какое сравнение* (Андрей Нижник, Жанна Нижник, Ирина Нижник, Д. Савин. Мэру, лично! // «Столица», 1997.06.17; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru).

Отмечаем сочленение основы *железн-* с основой второго слова *дорож-* при участии форманта *-ный*, конструкты соединяются при помощи интерфикса *-о-*, при этом «в плане содержания значение словосочетания распространяется значением «относящийся к» указанного форманта, являющимся модификатором значения производящей единицы» [9, с. 187]. О.П. Рябко справедливо замечает, что «выяснить сущность семантической мотивации – это значит отыскать семантически непосредственно мотивирующее слово», а «выявить назначение словообразовательного форманта – значит установить, в каких мотивированных словах с тем или иным обобщенным словообразовательным значением он обычно встречается». Значения мотивированного слова и форманта ученый представляет в виде «семантических признаков (составных частей) изучаемого деривата», соотношение этих частей «является третьей величиной, формирующей значение мотивированного слова» [8].

Заметим, что все прилагательные-компози́ты реализуются в русском языке в пределах трех основных типов композитостроения и могут быть описаны как универбализационные композиты, единицы деривационного производства и квазикомпози́ты. Предметом нашего исследования являются деривационные композиты, которые следует отличать от универбализационных композитов. Напомним, что к деривационным композитам мы относим слова, демонстрирующие мотивационные отношения между производящим словосочетанием и образованным на его базе композитом. Полагаем, что сложность производного слова как языкового знака заключается в той специфической особенности, когда номина-

тивная единица, приобретая новые значения и форму, наследует и особым образом преломляет семантические свойства всех составляющих его компонентов. Вслед за В.И. Теркуловым считаем, что «отличительной чертой композита деривационного типа является то, что в его семантику входит как часть семантика базового словосочетания, химически соединенная с семантикой форманта, а в форму как часть – особым образом сочлененные планы выражения всех его компонентов» [9, с. 186]. В современной лингвистике общепринятой является трехчленная структура для описания универбализационных композитов, которая включает ономаσιологический класс с последующим определением ономаσιологического базиса и признака. О.В. Блюмина высказала предположение, что данный подход позволяет избежать унифицированного подхода к разграничению деривационных композитов и квазикомпозитных образований и вполне может быть использован для исследования их ономаσιологической природы [3, с. 61].

В противовес слову *железнодорожный*, описанному ранее, рассмотрим прилагательное *автогужевой*, образованное от словосочетания *автомобильный и гужевой*. Мы не наблюдаем мотивационных отношений между исходным словосочетанием и сложносокращенным словом – речь идет о полной (семантической и функциональной) тождественности этих двух конструкций, что позволяет говорить о процессе универбализации. Одной из наиболее важных особенностей композитов данного типа является их способность разворачиваться в словосочетания: *Здесь сходятся автогужевой и железнодорожный пути по ущелью и начинается водный путь по озеру* (Л. Ильин. На побережье Иссык-Куля // «Наука и жизнь», 1952; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *В Пятигорске существовала сеть муниципализированных гостиниц, работал городской водопровод, функционировал автогужевой транспорт. Коммунальное хозяйство стремительно развивается. Теперь оно объединяет электростанции, трамвайный парк, водопроводы и канализации, бани, прачечные, автомобильный и гужевой транспорт* (<http://www.pandia.ru/text/77/195/40309.php>).

Опираясь на данные нашего исследования, полагаем, что описание деривационных композитов с точки зрения их ономаσιологического статуса необходимо производить с учетом существования мотивационных отношений между исходным словосочетанием и образованным на его базе композитом. Внушительный пласт лексики составляют сложнопроизводные прилагательные, образованные от сложных слов: *свободолюбивый* от *свободолюбие*, *братоубийственный* от *братоубийство*, *верноподданнический* от *верноподданничество*, *железобетонный* от *железобетон*, например: *Железобетон – сочетание бетона и стальной арматуры, монолитно соединённых и работающих в конструкции как единое целое* (Никита Цимбельман. Надежда и опора // «Наука и жизнь», 2009; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Дом «на века», поставлен на монолитный железобетонный фундамент* (Алексей Быков. Охота за домами // «Homes & Gardens», 2004.04.16; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Рассмотрим такие адъективные образования, которые демонстрируют соединение двух производящих основ при помощи словообразовательных формантов. Прилагательное *конноспортивный* образовано на базе словосочетания *конный спорт* путем соединения основы *кон-* с основой второго слова *спорт-* при участии суффикса *-ив* и форманта *-ный*, конструкты соединяются при помощи интерфикса *-о-*. Как мы уже ранее отмечали, при этом «в плане содержания значение словосочетания распространяется значением «относящийся к» указанного форманта, являющимся модификатором значения производящей единицы» [9, с. 187], например: *Может, стоит начать с лошадей, а там, глядишь, и отечественный конный спорт подтянется?* (Елена Макарова. Русская верховая // «Русский репортер», № 18 (18), 4–11 октября 2007; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Заядлый лошадиник, Свид поддерживает и конноспортивный клуб, и все пять футбольных команд*

хозяйства, и других спортсменов (Аграрная партия России: выбирай родное, голосуй за своих! // «Сельская новь», 2003.11.11; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgpora.ru).

Выводы. Таким образом, при описании деривационных композитов мы фиксируем существование мотивационных отношений между исходным словосочетанием и образованным на его базе композитом. Производная номинативная единица наследует часть семантики базового сочетания и форманта, а мотивационные процессы выступают частями единого непрерывного деривационно-мотивационного процесса. Перспективы нашего исследования видятся нам в описании структурных особенностей деривационных композитов.

Литература

1. **Балалыкина Э.А., Николаев Г.А.** Русское словообразование. – Казань: Казанский гос. ун-т, 1985. – 184 с.
2. **Балхия К.** Способы номинации и мотивации композитообразований / К. Балхия, А. Таттибаева // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. (Казань, 11-13 дек. 2001 г.): Труды и материалы: В 2 т. / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – Т. 2. – С. 52–55.
3. **Блюмина О.В.** Субстантивные композиты со значением процессуальности в русском языке // Дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.02 / Текст О.В. Блюмина – Горловка, 2010. – 341 с.
4. **Газизова Р.Ф., Силиванец А.В.** Функционально-когнитивный аспект словообразования // Сборник тезисов Международного конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность», Москва, МГУ, 13-16 марта 2001г. – С. 182–183.
5. **Голев Н.Д.** Динамический аспект лексической мотивации. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1989. – 252 с.
6. **Кубрякова Е.С.** Теория номинации и словообразование / Е.С.Кубрякова. – в кн: Языковая номинация. Виды наименований. – М.: Наука, 1977. – С. 222–303.
7. **Кубрякова Е.С.** Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 199 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).
8. **Рябко О.П.** Когнитивное основание теории номинации и мотивации // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnoe-osnovanie-teorii-nominatsii-i-motivatsii>
9. **Теркулов В.И.** Композиты русского языка в ономазиологическом аспекте: дисс. ...доктора филол. наук: 10.02.02 текст / В.И. Теркулов. – Горловка, 2008. – 472 с.
10. **Улуханов И.С.** Мотивация в словообразовательной системе русского языка: [монография] / Игорь Степанович Улуханов. – М.: ООО «Издательский центр «Азбуковник», 2005. – 313 с.
11. **Фатхутдинова В.Г.** Комплексные единицы словообразования в русском и татарском языках. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. – 250 с.

УДК 81'282

РЕГИОЛЕКТ: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Теркулов В.И.,

д.филол.н., заведующий кафедрой
русского языка ДОННУ

г. Донецк

Аннотация: работа посвящена определению понятия «региолект», который рассматривается автором как совокупность территориально, структурно и концептуально связанных городских койне, противопоставляющихся «сельским» диалектам.

Ключевые слова: диалект, идиом, койне, просторечие, региолект, регион, регионалистика.

Abstract: the article is devoted to the concept definition of «regiolect» which is considered by the author as a complex of territorially, structurally and conceptually related urban koine opposed against rural dialects.

Key words: dialect, idiom, koine, substandard language, regiolect, region, regionalistics.

Постановка проблемы. Как отмечает Т.Ф. Новикова, «если ещё несколько лет назад лингвисты довольствовались противопоставлением литературного языка диалекту, то в наши дни в цепочке языковых состояний как особое звено, существенное для современных социолингвистических исследований, всё чаще выделяются такие понятия, как «региональные говоры», «региональные языки», обозначающие группу переходных и не вполне устойчивых языковых состояний» [10, с. 172]. Данные понятия стали основой для формирования новой науки – лингворегионалистики, целью которой является как определение основных понятий и инструментария лингворегиональных исследований, так и собственно описание конкретных региональных разновидностей национального языка – региолектов. Возникают центры лингворегионалистики, занимающиеся изучением белгородского (Т.Ф. Новикова, С.А. Кошарная), дальневосточного (Е.А. Оглезнева), астраханского (И.С. Зварыкина), пермского (Л.А. Грузберг, Т.Е. Ерофеева), забайкальского (И.С. Игнатович) и др. российских региолектов. Таким образом, работа по описанию донецкой речи, осуществляемая коллективом кафедры русского языка Донецкого национального университета, ведётся в русле становления нового направления российской филологии. Кстати, для нас важно то, что благодаря включенности нашего исследования в систему российских региолектных исследований оно впервые объективирует представление о донецкой речи как о важной и неотъемлемой части единого русского национального языка.

Учёные отмечают особый статус региолекта в современном языковом пространстве. Во многих исследованиях о нём пишут как о современной базовой территориальной разновидности национального языка: «Можно с абсолютной уверенностью утверждать, что в современном русском языке региолект и является основной формой местной речи» [5], «Можно констатировать, что мы присутствуем сейчас при трансформации былых диалектов в местную региональную речь, которая остаётся одной из репрезентативных характеристик региона. Более того: перерождение диалектов в региональные языки (региолекты) является одной из существенных особенностей современного языкового развития (выделено нами. – В.Т.)» [10, с. 126].

Следует, однако, заметить, что понятие «региолект» пока не имеет однозначного определения.

Анализ последних исследований и публикаций. Необходимость уточнения и специализации терминологии региональных лингвистических исследований, то есть, в сущности, в создании единой терминосистемы лингвистической регионалистики, очевидна. Как пишет

И.С. Зварыкина, «современные языковые явления, возникающие на границе между литературным языком и диалектом, являются слишком сложными и многообразными, поэтому их необходимо чётко отграничивать от диалектных явлений, разрабатывая для этого специальную терминологию» [8, с. 32].

Термин «региолект» был введён в русскую социолингвистическую терминологию В.И. Трубинским [13, с. 157], но стал распространённым благодаря работам А.С. Герда [3, 4]. Сейчас разработку теории региолекта осуществляют Л.А. Грузберг, И.С. Зварыкина, Т.Ф. Новикова, Е.А. Оглезнева и многие другие. Обоснование необходимости выделения региолекта даёт А.С. Гердом: «Выделение региолекта постулирует факт наличия особого языкового состояния, которое оказывается едва ли не основной формой устно-речевого общения больших групп этноса на определённой территории» [4, с. 13].

Пока что единственным не вызывающим сомнения положением лингворегионалистики является положение о том, что региолект должен быть противопоставлен диалекту, что диалект и региолект являются не взаимопроникающими, а сменяющимися друг друга явлениями: «На смену старым крестьянским диалектам приходит не стандартный литературный язык, а особые новые формы разговорной речи. Диалекты не умирают, а трансформируются в региолекты» [3, с. 23–24]. М.А. Бородина ещё в 1982 году, говоря, правда, о диалектах французского языка, утверждала: «Само собой разумеется, что в последней четверти XX в. речь не может идти о «диалектах», явлении в целом свойственном другой исторической формации, от которой в силу различных условий непосредственных свидетельств (записей) диалектной речи не осталось вовсе или остались единичные свидетельства. Мы присутствуем сейчас при трансформации былых диалектов в местную региональную речь как одну из характеристик «региона» [2, с. 29]. Различие диалектов и региолектов, в связи с этим, значимо не только для регионалистики, но и для классической диалектологии. Например, В.И. Супрун и Е.В. Брысьна, сравнивая кубанскую и донскую речь, отмечают: «На Кубани народная речь постепенно трансформировалась в региолект» [2, с. 97], в то время как донские говоры «в силу своей социальной изолированности <...>, будучи престижными, сохраняют наиболее важные особенности традиционной системы» [2, с. 98]. При этом, повторим, региолект не имеет пока чёткого определения.

Цель статьи как раз и состоит в уточнении данного понятия.

Изложение основного материала исследования.

Наиболее авторитетной и чаще всего приводимой учёными является дефиниция А.С. Герда, который понимает под региолектом «особую форму устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта, развились новые особенности. Это форма, с одной стороны, не достигшая ещё статуса литературного языка, а с другой, в силу наличия многих ареально варьирующихся черт, не совпадающая полностью и с городским просторечием (выделено нами. – В.Т.)» [4, с.23–24].

Если принять определение А.С. Герда, следует говорить о том, что у региолекта есть особые носители, речь которых в том или ином населённом пункте отличается от речи носителей просторечия и литературного языка. В некоторых работах таковые действительно «обнаруживаются». Например, Т.В. Жеребило считает, что «основные носители региолекта – местная городская интеллигенция, служащие административных учреждений» [7, с. 300], в то время как просторечие, вероятно, появляется в речи менее образованных людей.

Наш анализ, однако, показал, что носители всех городских идиомов, в том числе и просторечия, в той или иной мере реализуют в своей речи региональные особенности фонетики, лексики, грамматики и т.д. При этом у разных носителей региолекта его черты проявляются по-разному именно потому, что они имеют разный уровень языковой подготовки, разный круг общения и т.д. Но факт остаётся фактом: многие исследователи городской речи говорят

о том, что «региолект функционирует на территории региона (или даже нескольких регионов) и используется всеми его жителями (без социальных, возрастных и других ограничений) (выделено нами – В.Т.), в отличие от диалекта, который используется преимущественно сельскими жителями определённой местности (то есть диалект более ограничен локально и функционально)» [9, с. 22]. Иными словами, следует признать, что «вряд ли можно говорить о «носителе региолекта», но в речи представителей любого региона (особенно – в неофициальной, в меньшей степени по причине её контролируемости – в официальной речи) присутствуют регионально окрашенные, типичные для носителей русского языка данного региона черты, в совокупности и составляющие то, что мы называем региолектом» [12, с. 67–68]. При этом, как показало наше исследование, региолектные черты обнаруживаются в речи жителей региона, так сказать, по «социальной убывающей»: их минимальное количество отмечается у тех, кто владеет литературным языком, а максимальное – именно у тех, кто пользуется просторечием. Это опровергает идею о том, что региолект отделен от просторечия и противопоставлен ему.

Таким образом, представление о региолекте как об отдельном идиоме национального языка вряд ли можно признать удачным, поскольку в этом случае он должен был бы отличаться от других городских идиомов и иметь своих носителей, чего, как мы отметили выше, нами не обнаружено. Наоборот, наше исследование показало наличие вполне очевидных региональных языковых черт во всех разновидностях национального языка в отдельно взятом регионе. Можно, например, говорить о региональном просторечии, о региональном сленге, о региональном профессиональном жаргоне и т.д. Учёные пишут и о существовании регионального разговорного варианта литературного языка [6, с. 100].

Важно отметить ещё один момент, связанный с территорией употребления региолекта: общие региональные языковые черты чаще всего обнаруживаются не только в идиомах одного города, но и во всём ареале городов, формирующемся обычно вокруг административного центра региона. Региолект не может быть, следовательно, привязан к какому-то конкретному городу. В городе реализуется городской говор, который мы по традиции параллельно называем городским койне, хотя и осознаём некоторую двусмысленность этого термина. Региолект связан с регионом. Следует говорить, скорее всего, о параллелизме корреляций «диалект – сельские говоры» и «региолект – городские (региолектные) говоры» и определять региолект как некоторую «надидиомную» обобщающую региональную структуру: как диалект – это совокупность однотипных взаимосвязанных сельских говоров, так и региолект – это совокупность взаимосвязанных в первую очередь городских говоров (но в последнее время городская речь становится эталонной и для сельских жителей, корректируя и тем самым переводя их речь из диалектного пространства в региолектное). Таким образом, региолект является объединением идиомов в двух плоскостях: горизонтальной (объединение говоров населённых пунктов одного географического и социально-политического ареала) и вертикальной (объединение разных идиомов, формирующих говоры этих населённых пунктов: просторечия, жаргонов и т.д.). Такой подход позволяет предложить новую стратификационную модель регионально маркированной системы идиомов национального языка.

1 уровень стратификации. Языковыми элементами, определяющими региолект, являются регионально маркированные языковые явления, под которыми мы понимаем единицы и языковые (речевые) процессы, отличающиеся от наддиалектных единиц и процессов, представленных в литературном стандарте и в общенациональном фонде просторечия и других идиомов. Наиболее очевидно проявление регионально маркированных черт на лексическом уровне, однако и все остальные языковые уровни также несут в себе региональные признаки. В донецком региолекте, например, обнаруживаются регионально маркированные фонетические черты (упомянутое выше наличие фрикативного [ɣ] и фарингального [h], ослабленная

редукция при безударном аканье), грамматические черты (конструкции типа смеялся с него, я за него тебе говорил) и т.д.

2 уровень стратификации. Минимальной единицей региолектной стратификации является региолектный идиом (региональный вариант идиома) национального языка, представленный в том или ином населённом пункте, то есть, например, региолектное просторечие Донецка, региолектный сленг (например, шахтёрский) Макеевки и т.д. На этом уровне решается вопрос о носителе: нет носителя региолекта, но есть носитель региолектного просторечия, региолектного жаргона и т.д. При этом базовым региолектным идиомом мы все-таки считаем региональное просторечие, поскольку языковые навыки носителей всех остальных идиомов формируются именно на его основе.

3 уровень стратификации. Базовой единицей региолектной стратификации является региолектный говор, представляющий собой объединение региолектных идиомов, функционирующих в пределах одного населённого пункта. Например, донецкий региолектный говор включает просторечие города Донецка, донецкие сленги и жаргоны, донецкие языковые черты в устно-разговорном варианте литературного языка, Основной формой региолектного говора является городское койне, то есть региолектный говор города. Но региолектный говор может обнаруживаться и в сельских населённых пунктах, в первую очередь – в посёлках городского типа. В последнем случае мы говорим о сельском региолектном говоре.

4 уровень стратификации. Региолект мы определяем как новую единицу территориального членения языка, объединяющую общими регионально маркированными языковыми чертами региолектные говоры расположенных рядом и обычно административно объединённых населённых пунктов.

Выводы. Исходя из вышесказанного, мы определили следующие наиболее важные на данном этапе объекты описания региолекта: социально-политические причины возникновения и развития региона (для определения миграционных составляющих языковой системы региолекта); языковая политика на территории региона; источники формирования системы регионально маркированных языковых черт; система региолектных идиомов; система региолектных говоров; общие особенности региолектной языковой системы: региолектная фонетика; региолектный словарь; региолектная грамматика; о региональная топонимия, в том числе и урбанонимия и микропонимия, как официальная, так и неофициальная и историческая; региональная языковая картина мира; региональный текст.

Литература

1. **Бородина М.А.** Диалекты или региональные языки? / М.А. Бородина // Вопросы языкознания. – 1982. – № 5. – С. 29–38.
2. **Брысина Е.В.** Социальная изолированность диалекта, его 242 престижность и дивергентные процессы в национальном языке / Е.В. Брысина, В.И. Супрун // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 94–100.
3. **Герд А.С.** Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия / А.С. Герд. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. – 488 с.
4. **Герд А.С.** Диалект – региолект – просторечие / А.С. Герд // Русский язык в его функционировании: тез. докл. Междунар. конф. (III Шмелевские чтения). – М., 1998. – С. 20–21
5. **Грузберг Л.А.** Региолект [Электронный ресурс] / Л.А. Грузберг // Филолог. – 2010.–.№ 11. Режим доступа: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_11_208.
6. **Ерофеева Е.В.** Вероятностные структуры идиомов: социолингвистический аспект / Е.В. Ерофеева. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2005. – 320 с.
7. **Жеребило Т.В.** Словарь лингвистических терминов и понятий / Т.В. Жеребило. – Изд. 6-е, испр. и доп. – Назрань : Пилигрим, 2016. – 610 с.

8. **Зварыкина И.С.** К вопросу о соотношении диалектного и регионального в русском языке (на примере лексики Астраханского края) / И.С. Зварыкина // Гуманитарные исследования. – 2013. – № 2 (46). – С. 30–36.
9. **Кошарная С.А.** Региолект Белгородчины как лингвокультурное образование / С.А. Кошарная // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. – Белгород, 2017. – С. 14–25.
10. **Новикова Т.Ф.** Опыт аспектного анализа регионального языкового материала (на примере Белгородской области) / кол. моногр. под ред. Т.Ф. Новиковой. – Белгород : ИПК НИУ «БелГУ», 2011. – 228 с.
11. **Новикова Т.Ф.** Теоретико-прикладные проблемы описания современных региолектов / Т.Ф. Новикова // Acta Neophilologica. – XIX (1). – 2017. – С. 171–178.
12. **Оглезнева Е.А.** К вопросу о границах дальневосточного региолекта / Е.А. Оглезнева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – Вып. 10. – С. 65–68.
13. **Трубинский В.И.** Современные русские региолекты: приметы становления / В.И. Трубинский // Псковские говоры и их окружение: межвуз. сб. науч. тр. – Псков : Псков. гос. пед. ин-т, 1991. – С. 156–162.

УДК 811.16'282' 42

АДЪЕКТИВ «САКРАЛЬНЫЙ» В МЕТАЯЗЫКЕ ЛИНГВИСТИКИ

Шкуран О.В.,

к.филол.н., доцент кафедры украинской
филологии и издательского дела
ЛНУ имени Тараса Шевченко
г. Луганск

Аннотация в статье проиллюстрирована лексико-семантическая динамика прилагательного «сакральный», аккумулирующая сложную систему ценностей дохристианского, христианского и секуляризованного миропонимания. Данный термин вошел в круг научного исследования, в русской культуре смысловыми популяризаторами стали лексемы «святой», «священный», что дало возможность ощутить новую языковую реальность с поиском смысловой доминанты в Русском мире.

Ключевые слова: метаязык, лингвистика, адъектив, сакральный, святой, священный, десакральный, секуляризация, оппозиция.

Abstract: the article illustrates the lexical-semantic dynamics of the adjective «sacred», accumulating a complex system of values of pre-Christian, Christian and secularized worldview. This term is included in the circle of scientific research; Russian culture became the semantic popularizer of the lexemes «holy», «sacred», which made it possible to experience a new linguistic reality with the search for a semantic dominant in the Russian world.

Keywords: metalanguage, linguistics, adjective, sacred, holy, sacred, desacrals, secularization, opposition.

Постановка проблемы. Одним из центральных понятий архаической картины мира и важным термином в христианском богословии являлся адъектив «сакральный». Его популярность и сейчас настолько поразительна, что создается впечатление: «сакральный» широко употребим и применим в границах русской философской, религиоведческой, культурологической и теперь уже лингвистической мысли. После периода «массового атеизма» светская материалистическая мысль, по словам А.В. Медведева (1999), использовала термины «сакральное», «священное», «святое» на интуитивно-смысловом уровне, «и этого было достаточно, а теперь, видимо, настало время осмысления» [3, с. 13]. Ведь не секрет, что в различных контекстах адъектив «сакральный» используется для подчеркивания значимости, ценности, напр.: сакральный ужас, сакральный перформанс, сакральный защитник, сакральный и инфернальный, сакральный сад и др.

Данный термин становится предметом исследования и современных лингвистов (И.А. Королева в исследовании «Православная сакрально-богослужебная лексика в современном русском языке и в художественном тексте» (2003); Н.П. Дронова в публикациях «Рождество в языковой немецкой картине мира: лингвокультурологический аспект», «Языковые средства вербализации «сакральности» в немецком языке» (2011); Т.Е. Владимирова в публикациях «Сакральная память слова» (2016), «Сакральный код евразийских народов. О теме-первопредке» (2017), «Дохристианские верования восточных славян» (2018), «Русская филология и духовный потенциал языка» (2016) и др.), и литературоведов (Шабловская Л.А. Функционирование отвлечённых существительных в Тетраевангелии: словообразовательный, семантический и концептуальный аспекты, 2005; Кургузова Н.В. Мифопоэтический аспект пространственно-временной системы русской свадебной лирики: песни и причитания, 2007) и др. представителей гуманитарного знания.

Цель статьи – выявить комплексное системное представление этимологических, структурно-семантических, когнитивных, свойств адъектива «сакральный», проявляющихся в закономерностях его функционирования; определить основные тенденции рассмотрения и понимания данного термина метаязыка лингвистики в связи с мировоззренческими переменами в сознании нации.

Изложение основного материала. В процессе освоения новой проблематики целесообразно обратиться к этимологическим, основательным энциклопедическим словарям, к просветительно-философским исследованиям за последние два столетия. Источником происхождения прилагательного «сакральный» признан латинский язык и форма слов *saker (sakra)*, которые «происходят от индоевропейского корня *sak*, что позволяет нам понять, какой изначальный смысл вложен в индоевропейское видение мира – соответствие космосу, фундаментальная структура вещей, существующая реальность» [7, с. 205]. Понятие святости, по словам В.Н. Топорова, гораздо древнее мировых религий, его аналоги встречаются в праславянском, балтийском, иранском языках [6, с. 8–10], поэтому современный термин «сакральный» соединяет в себе «святое» с индоевропейской традицией интерпретации сакрального, что дает возможность ощутить новую языковую реальность. «Латинско-русский словарь» И.Х. Дворецкого (1976) расширяет семантическое поле адъектива «сакральный» следующими дефинициями: «посвященный, предназначенный, священный, святой, внушающий благовестное уважение, великий, обреченный подземным богам, то есть преданный проклятию, проклятый, магический, таинственный» [1, с. 891]. В словарной статье представлены два разнополюсных понимания – приближенный к божественному и далекий от него. Прилагательное «святой» имеет более раннее происхождение, чем «сакральный»; латинизм «сакральный» становится многозначным, обретает оппозиционную оценочность (сакральный – десакральный).

Современные тексты различного направления используют прилагательное «сакральный» от возвышенного поэтического текста до серьезно научных дискурсов для подчеркивания особой значимости и ценности чего-либо, но в значительной степени в русском языке между понятиями «сакральный», «святой», «священный» ставится знак тождественности. Подтверждением этого является тот научный факт, что в толковых словарях русского языка XIX – нач. XX ст. отсутствует прилагательное «сакральный». В «Словаре церковнославянского и русского языка», составленного Вторым отделением Императорской Академии наук (1847), представлена лексема «святой» следующими дефинициями: 1) совершенно чистый, непорочный, напр. Святая Троица; 2) ведущий к святости, непорочности; 3) живущий по заповедям Божиим, праведный. Употребляется в сочетании святой отец, Святой Дух, Святая вера, Святая Церковь и др. [5, с. 109–111].

В «Полном церковнославянском словаре» (составитель Г. Дьяченко, 1899) лексема «святой» расширяет семантическое поле прилагательного «сакральный» пятью дефинициями. В словарной статье лексема «святой» проиллюстрирована и в других славянских языках, подтверждая родственность происхождения свет, цвет, свят в значении «блеск». Прилагательное «святой» употребляется в словосочетании Святой Израиль (называя Иисуса Христа), святые врата (Царские двери или ограда монастыря или храма, над которым размещена надвратная икона особо чтимого святого или праздника) [2, с. 584–586] и др.

Как видим, широта использования лексем «святой» («священный») свидетельствует о том, что данный термин в русском языке перешел из области онтологии в область междисциплинарного изучения, стал определяющим ценностным и этическим ориентиром для общественной жизни и отдельных людей Русского мира.

Образ сакрального формируется и через устойчивые единицы, отражающие сферу вымышленного, нереального, архетипического сознания. По нашему мнению, к таким языковым единицам можно отнести паремии, идиомы, афоризмы и др., которые представляют

собой «целостные и структурированные представления о позитивном отношении народной культуры к традиционной религии» [7, с. 205]. Поскольку прилагательное «сакральный» входит в сферу научного описания, в традиционной культуре используется тождественное прилагательное «святой».

Фразеологизмы святая истина; святая простота; Святая Русь; Родина Святая; Святая Святых; паремии Свято место пусто не бывает; Святые денежки умолять; Свят муж: только пеленой обереть да в рай пустить (о фарисеях); святым духом знать (сверхъестественным способом, по наитию) [4, с. 783], зафиксированные в словарях М. Михельсона «Ходячие и меткие слова» (1896), «Русская мысль и речь: свое и чужое. Опыт русской фразеологии» (1912), проявляют структурные изменения в семантике компонента «святой» в связи с мировоззренческими эволюциями в русском общественном сознании. Фразеологизм святая простота в значении 'бесхитростный, простой человек' буквально переведен с латинского языка *o sancta simplicitas*, о котором пишет Тураний Руфин (IV в.), утверждая его происхождение на Первом Никейском соборе в 325 г.

Таким образом, мы представили фрагмент исследования семантической динамики адъектива «сакральный» и убедились в том, что первоначальный смысл трансформировался, демонстрируя частные закономерности семантической секуляризации, напрямую зависящие от механизмов взаимосвязи языка с духовно-нравственными и этическими ориентирами Русского мира.

Литература

1. **Дворецкий И.Х.** Латино-русский словарь. Изд. 2-е переработанное и доп. / И.Х. Дворецкий. – М. : Русский язык, 1976. – 1096 с.
2. **Дьяченко Г.** Полный церковно-славянский словарь (со внесениемъ въ него важнѣйшихъ древне-русскихъ словъ и выражений) / Г. Дьяченко. – М. : Типография «Вильде», 1899 (репринтное, отсканир. издание). – 1159 с.
3. **Медведев А.В.** Сакральное как причастность к абсолютному / Рос. филос. о-во; Меж-вуз. центр проблем непрерыв. гуманитар. образования при Урал. гос. ун-те им. А.М. Горького. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 1999. – 152 с. (Сер. «Филос. образование» / Ред. совет: В.В.Ким (предс.) и др.; Вып. 13).
4. **Михельсон М.И.** Ходячие и меткие слова: Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний) / М.И. Михельсон. – М. : ТЕРРА, 1997. – 624 с.
5. **Словарь церковно-славянского и русского языка**, составленный Вторым Отделением Императорской Академии Наук. – Спб., 1847. – 4 том. – 474 с.
6. **Топоров В.Н.** Святость и святые в русской духовной культуре. – Том 1. Первый век христианства на Руси. – М. : «Гнозис» – Школа «Языки русской культуры», 1995. – 875 с.
7. **Шкуран О.В.** Сакрально-прагматическая константа в паремии Не в деньгах [только] счастье // Научный журнал «Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева» / О.В. Шкуран. – Чебоксары : ФГБОУ ВО «ЧГПУ имени И.Я. Яковлева», 2019. – № 3(103). – С. 204–211.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**РУССКИЙ МИР И СУДЬБЫ
СЛАВЯНСТВА В XXI ВЕКЕ**

**Материалы Международного интеграционного форума
г. Луганск, 6–8 ноября 2019 г.**

Редакция оставляет за собой право технического и стилистического редактирования статей.
Авторы статей несут полную ответственность за содержание статьи.

*Под редакцией коллектива авторов
Дизайн обложки – Т.А. Ковалева
Верстка – Р.В. Жила*

Подписано в печать 21.10.2019. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать ризографическая.
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 23,25. Тираж 100 экз. Заказ № 71.

Издатель

**ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко»**

«Книга»

ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 91011. Т/ф: (0642) 58-03-20
e-mail: knitaizd@mail.ru